
уральский

следопыт

№5**** 1978

Москва, 1919-й...

Почти десять лет назад на фабрике «Красная Талка» в Иваново создан музей революционной, боевой и трудовой славы.

Архивы покойного мужа, потомственного рабочего, коммуниста Федора Ксенофонтовича Великанова, передала музею его вдова Елизавета Александровна.

— Вашему музею это будет интересно. Возьмите и эту фотографию... Дорога она мне, вот уже пятьдесят лет берегу, но для музея берите.

На большом групповом снимке, в центре,— знакомое и дорогое лицо... Владимир Ильич Ленин.

Весной 1919 года после VIII съезда партии Иваново-Вознесенский горком направил Ф. К. Великанова на работу в деревню губернским агентом по распространению печати. Назначение скромное. Но занимались агенты серьезными делами: организовывали группы бедноты, боролись со спекуляцией, кулаками, создавали избы-читальни.

Елизавета Александровна вспоминает:

— Праздновали вторую годовщину Октябрьской революции. Приходит как-то поздно вечером мой Федя — взволнованный, радостный, глаза сияют: «В Москву, мать, еду! Может, Владимира Ильича увижу. Съезд там собирается».

Ленин выступил на I Всероссийском совещании по партийной работе в деревне с речью. А в перерыве сфотографировался с делегатами. С тех пор и хранилась эта фотография в семье Великановых как бесценная реликвия.

Теперь снимок нашел новую постоянную прописку — в фабричном музее. Он стал экспонатом номер один.

А. БРЮХАНОВ

в номере:

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

П. Швец ВОСКРЕСШИЕ	2
Ф. Кренделев ДЕКАБРИСТЫ И БАМ	5
Б. Карпенко ДОМ, ПОЛНЫЙ СВЕТА. Стихи	6
А. Махлин ГОВОРЯЩИЕ СОСНЫ	8
С. Бетев АФОНИН КРЕСТ. Повесть. Начало.	10
Ю. Липатников ЛАЗЕР СМОТРИТ В НЕБО	28
А. Локерман ПАМЯТНИК ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЮ	32
Ю. Сериков ПО СЛЕДАМ ЕРМАКА	34
В. Разумневич ЧАПАЙ И ЧАПАЯТА	35
А. Щербаков БЕЛЫЙ ПИМ ЧЕРТОВО УХО	36
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	44
А. Матвеев ЯЗЫК ЗЕМЛИ. Продолжение	46
А. Власов ФОТО НА ПАМЯТЬ. Рассказ	50
Д. Биленкин ТЫ — В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ	56
Ю. Бондаренко КОМБАЙНЕР	58
Б. Березин КАМЕННЫЙ ЛЕС	59
Б. Романовский ПРЕСТУПЛЕНИЕ В МЕДОВОМ РАЮ. Повесть	60
А. Коровин КНИГА С АВТОГРАФОМ	72
Е. Егорова ПОДАРОК РЕПИНА	74
П. Мочалов РУКА ЧЕЛОВЕКА	75
В. Нестеров В КРАЮ ЧЕРНЫХ МОНАХОВ	77
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Аленсей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный
секретарь).

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Маяя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 30/1 1978 г.
НС 14043
Подписано к печати 17/III 1978 г.
Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,7
Тираж 275 000.
Заказ 597.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
З. БАЖЕНОВОЙ.
Оформление 2-й стр. об-
ложки С. МАЛЬШЕВА.

© «Уральский следопыт», 1978 г.

№5 * 1978

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

ВОСКРЕСШИЕ

Петр ШВЕЦ

Оформление
С. Сухова

Первый батальон Ново-Петергофского пограничного военно-политического училища имени К. Е. Ворошилова. В августе — октябре 1941 года сначала на Кингисеппском, затем на Петергофском шоссе встал на пути рвущегося к Ленинграду врага.

После боев из семисот курсантов в строю осталось семьдесят два... Среди них и уральцы — Н. С. Савельев, ныне секретарь Первоуральского горкома КПСС, пермяки С. В. Трясцын, П. В. Меньшиков, комиссар В. И. Луканин, челябинцы В. А. Перфильев, Н. В. Сельницын. Курсант батальона Петр Швец, ныне свердловский журналист, был ранен в бою у деревни Порожки... О тех героических днях он написал документальную повесть «Заслон». Предлагаем отрывок из нее.

...Ночью, внезапно, разгромили крупный вражеский штаб. Отход роты прикрывали курсанты Сергей Трясцын и Иван Чернышев. Сражались, пока не стало ясно, что к своим не пробиться. И парни пустили в ход последние противотанковые гранаты, взорвав себя и набегающих врагов. Тридцать пять лет прошло. Имена героев золотыми буквами начертаны на мемориале памятника, установленного в селе Большое Жабино в честь курсантов и офицеров Ново-Петергофского пограничного военно-политического училища.

...Верю и не верю — Серега, Сергей Трясцын, приезжает в Свердловск! Слово по тревоге одеваюсь, волнуясь: узнаю ли? Смотрю на присланные им фотографии. На одной почти мальчишка в пограничной форме, на другой — пожилой седой мужчина, лишь отдаленно напоминающий того мальчишку.

На вокзале не пробиться — воскре-

сенье. Поди разыщи в этой праздничной толчее нужного тебе человека! Прохожу раз-другой мимо главного входа, внимательно всматриваюсь в лица мужчин. Кажется, все они похожи на моего Сергея Трясцына. Став у правой колонны, я по-военному громко скомандовал:

— Сергей Трясцын, на выход!

Плотный смуглый мужчина в темном плаще стиснул меня в объятиях:

— Столько лет...

Около Сергея Васильевича терся рослый, худенький мальчишка.

— Сын мой, Вася. Старшенький...

Сергей Васильевич Трясцын живет в деревне Землягаши, Пермской области, директорствует в местной школе. Заехал за мной, чтобы вместе отправиться на встречу ветеранов училища.

Как ни старался комвзвода Степанов быть строгим, лицо его ликовало.

Прохаживаясь перед строем, говорил будто с укоризной:

— Я вам что втолковывал — не сегодня, завтра разведка! Мы — первый взвод первой роты первого батальона училища! Кому начинать, как не нам? Шорин поручает взводу...

До Волгово два десятка верст. Половину пути прошли беспрепятственно. Глазастый Женя Гагарин заметил перетянутую через поляну тонкую, как струна, проволоку. Что она означала, Женя не знал, но из предосторожности шепотом подал команду остановиться. Лейтенант разъяснил: мины натяжного действия, задень струну — ахнет взрыв. Степанов осторожно прижал проволоку к земле:

— По одному — вперед!

Ничто не нарушало нависшей над Волгово тишины.

Калуцкий тихонько постучал в окно затененного деревьями дома. Безответно. Николай лбом притиснулся к стеклу — в избе как будто пусто. Но вот к окну тихо подошел человек, курсант жестом указал ему на дверь. Тот явно колебался. Гагарин сдернул с головы капюшон плащ-накидки, показал на блеснувшую в пилотке звездочку. Дверная щеколда звякнула, старик спросил тихо, боязливо:

— Вам чего?

— В деревне есть немцы?

— Полно. У меня в горнице целых пятнадцать... В деревне семьдесят домов, почитай, в каждом немчура.

Начисто позабыв, кто он и что должен делать, Женя потянулся за гранатой. Николай перехватил его руку:

— Без шума, Женя. Штаб можете показать, дед?

— Сам не могу, а так расскажу. В центре сразу увидите — школа-двухэтажка, там пропасть всяких машин.

Вслушав Калуцкого с Гагариным, Степанов решил сам посмотреть, есть ли в Волгово большой штаб. Видно, не так уж и тихо в селе! Вот и школа. В окнах — свет. Из открытых створок доносится немецкая речь. Сомнений нет, даже в такое глухое время в штабе не прекращается работа.

С рассветом Степанов увел раз-

ведчиков в батальон. А вскоре поступил приказ атаковать село.

...До Волгово оставалось метров триста, когда командир подозвал Володю Рябых.

— У въезда в село непременно должна быть охрана. Как правило, в патрулирование немцы выходят парами. Вас пятеро — управитесь! Уберите патрулей, не мешкая — ко мне связного...

Группа ушла. Лейтенант нервно поглядывал на светящийся циферблат: что-то долго от Рябых нет вестей. Наконец прибежал посыльный:

— Товарищ лейтенант, путь в Волгово свободен. Немцы дрыхнут, у штаба — часовой...

Вся рота пришла в движение. Один за другим в разных концах села грохнули мощные взрывы: политрук Габов с курсантом Степаном Крупским взорвали склад боеприпасов, а Степанов с Вадимом Авакяном — бензовоз.

Захваченные в нижнем этаже врасплох штабисты до единого были истреблены. Быстро собраны со столов оперативные документы. Курсанты блокировали второй этаж. И отсюда ни один немец не ушел живым. Тучного офицера, пытавшегося выпрыгнуть в окно, достал штык Гречко. Вниз Грабов спустился с богатыми штабными трофеями, особую ценность представляла карта, на которой были обозначены сроки наступления первой немецкой дивизии.

Немцам каким-то образом удалось запросить подмогу. В центре Волгово начали рваться снаряды. Поступил приказ об отходе...

Прикрывавшая отход взвода группа Гагарина отчаянно противостояла нарастающему натиску противника. Зарево горевшего Волгово освещало дальние окрестности. Саша Рамзаев, ухрювшись в придорожном кустарнике, увидел на окраине села скопление пехоты противника, решил до поры, до времени не выдавать свою группу.

Немец встретил Сергей Трясцын. Бурцев с Рамзаевым били из автоматов. Сообразив, что тут всего лишь несколько пограничников, гитлеровцы начали окружение. Вышедшее из Волгово свежее подразделение охватывало смельчаков вторым

кольцом. Уронил автомат Саша Рамзаев. Пуля угодила ему в висок.

Хлестанув перед собой очередью, Трясцын вывел ребят, как ему показалось, в безопасное место. Из Волгово выскочила третья группировка противника, круто отворачивая вправо. Трясцын разгадал маневр врага: опередить роту и внезапно отрезать ей путь к батальону. Сергей подозвал Бурцева:

— Федя, пробейся к Бурносу, предупреди об опасности справа. А этих мы с Чернышевым задержим.

Бурцев понимал: двое против целой оравы, он оставляет друзей на верную гибель, но и роту нужно спасать. Раздумывать некогда. Побежал было, но мысль, что Трясцыну с Чернышевым без него не справиться, остановила. Сергей почти закричал:

— Ты почему не ушел? Тебе что было сказано?

— Я понимаю тебя. Без меня вы...

— Выполняй приказ! — Трясцын поднял в руке гранату. — Марш туда, куда сказано!

Уже совсем рассвело. Гитлеровцы ползли, едва Трясцын с Чернышевым прекращали огонь, поднимались в рост. Трясцын длинными очередями снова прижимал их к земле.

...Вера Царева нервничала: рота в лесу, в безопасности, а ребят все нет и нет. Там, где они остались, с короткими перерывами разливались пулеметно-автоматные трели.

— Алексей Аристархович, я побегу, — предупредила она Габова.

— погоди, они вот-вот присоединятся, — удерживал политрук девушку.

— А если ребята ранены?

— Да бьют же, слышишь...

Вера научилась различать неторопливо-работящий цокот пулемета Дегтярева, короткую, точно вспышка, дробь немецкого автомата. Когда в том месте, где должна быть группа прикрытия, наступила тишина, Царева решительно заявила:

— Я побегу...

— Верочка, может, тебе кого в помощь?

— Не надо, одной ловчее, не заметят...

Наскоро перевязав Чернышева, сандружинница подползла к Трясцыну.

— Как ты тут очутилась? — удивился тот. — Кто тебя звал?

— Ты ранен? Показывай рану, — не слушала его Вера.

— Я вот тебе покажу! Не хватало, чтоб еще и тебя вместе с нами...

Едва произнес, как немцы повели такой интенсивный огонь, что пришлось броситься на дно канавы.

Трясцын пошел на хитрость:

— Верочка, миленькая, быстренько отползай, а мы с Ваней прикроем тебя. Потом и мы следом...

Девушка послушалась, надеясь выманить ребят. Не оглядываясь, она ползла по дну канавы; на секунду высунется, построчит из автомата и снова по-пластунски — вперед. Когда оглянулась, ее обуял ужас: два немца прыгнули в кювет и побежали в сторону курсантов. Кольцо вокруг них сомкнулось. Плача навзрыд, Вера открыла бешеный огонь, жала на спуск до тех пор, пока в диске не кончились патроны. Все, к мальчишкам не пробиться, им тоже не выйти, остается одно — уходить. Попробовала двигаться, а тело не слушается, пронизано словно иголками от сознания беспомощности. Тишину вспороли два гулких взрыва. Теперь все...

Но как же случилось, что Сергей Трясцын и Иван Чернышев вроде бы погибли на глазах у Веры Царевой, а Сергей вот он, живой, едет в одном со мной вагоне скорого поезда...

...Едва Вера отползла, Трясцын ранило в правую руку. Видя, что наводчик не в состоянии вести огонь, Чернышев предложил заменить его.

— Ничего, Ваня, я сам управлюсь. Попробую левой. Гитлеровцы снова поднялись.

— Сергей, давай все-таки попробуем прорваться к лесу, — предложил Чернышев. — Чем черт не шутит, вдруг повезет.

— А ползти сможешь?

— Помаленьку, руки-то у меня целы.

Они выползли в лощинку, но до леса было еще далеко, пожалуй, не пробиться.

Немцы шли на них со всех сторон, нахально, весело. Трясцын нажал на спусковой крючок — пулемет молчал.

Помогая Чернышеву подняться, Сергей сказал:

— Подойдут на три шага: рви гранату...

Ребята выхватили их из-за пазух, тяжелые, противотанковые...

Два гулких взрыва, и тишина.

Очнулся Трясцын пять-шесть часов спустя. Он не мог понять, что с ним произошло, где находится. Почему он оказался в лесу, укрытый плащ-накидкой, заваленный ветками? Где Чернышев?

Сергей пошевелил руками — боль усилилась, отдалась в ногах. Оказывается, осколки гранат ударили по ногам.

Раздвинув ветки, он с трудом поднялся, но не удержался и рухнул на землю. Надо немного отдохнуть, набраться сил. Хотелось пить. Недавно прошел дождь, неподалеку в лужице блестела вода. Сергей подполз к лужице, попил. Стало легче, дал о себе знать голод, кажется, попалась какая живность, заглотнул целиком бы вместе с косточками. Сергей увидел свой ранец, в нем должны быть галеты. Откинув крышку, он едва не вскрикнул от радости: ого, сохранились две гранаты, значит, живем, пригодятся на случай встречи с врагом. Нашел галетку, пожевал.

Кто же упрятал его в лесу — Трясцын и по сей день не знает. Гитлеровцы сочли его за мертвого, иначе добились бы. Если бы нашли курсанты, то непременно унесли к себе. Должно, кто-то из местных жителей, увидев, что в нем теплится жизнь, постарался, оставив в лесу до ночи.

Сергей снова попытался подняться и, вскрикнув от невыносимой боли в правой пятке, свалился. Сел, осмотрел сапог, крупный осколок гранаты торчал чуть выше каблука, видимо, он-то раздробил и свернул пятку. Вытащив осколок, отбросил его в сторону, боль в ноге немного утихла. Омертвевшую, посиневшую правую руку засунул за пазуху; лежал на ней, оттого, наверное, не истек кровью.

На лесной тропе Трясцын повстречал пятерых женщин. Самая старшая из них бросилась было к нему да тут же, всплеснув руками, отпрянула. Конечно же, испугалась: откуда он здесь такой, оборванный,

едва держится на ногах, на лице засохшие потеки крови.

— Не бойтесь, я свой, — сказал Сергей. — Далеко ли отсюда до Русских Анташей?

— Километров семь будет, — ответила старшая. — Ты, парень, пережди в лесу до темноты. — Она о чем-то пошептала с другими женщинами. — Днем нельзя, всюду шныряют немцы. Вечером еду принесем...

Что ждать? Пошел дальше. Скоро наткнулся на большую земляную нишу, в которой местные жители прятали скот. Мальчик-сторож наполнил холодным молоком. И снова на вопрос, сколько до Русских Анташей, все тот же ответ — семь верст. Что за чертовщина, определенно плутает он.

За лесом мирно колыхалось налитыми колосьями овсяное поле. Немного передохнув, Сергей доковылял до дороги, осмотрелся. За овсом, на опушке противоположного леса увидел высокую наблюдательную вышку, а неподалеку от нее в небо смотрели четыре ствола зенитных срулий.

Снова враг! Со стороны деревни донесся стрекот мотоцикла. Заметит, собака! Приготовив гранату, он подполз к дороге. Благоразумие сдерживало: не выдавай себя, спасешься, а внутри поднималась волна ненависти к заклятому врагу, и пограничник не справился с собой, собравшись с силами и запустил в мотоциклиста гранату. Машина с немцем, словно в прыжке, подскочила и разметалась в разные стороны. Теперь скорее обратно в лес. Сколько хватит сил — ползи, ползи, там, Сергей, твое спасение.

Сквозь сковавшую большое тело сладкую дрему совсем близко явственно послышалось:

— Иван, Иван, стафайсь!

Тело курсанта напряглось, он вынул предохранительную чеку, встряхнул гранату. Сколько их? Один... три... семь... десять. Ого, целая дюжина, всех не свалить. Пока считал да раздумывал, капсуля воспламенился, внутри гранаты прошипело положенные четыре секунды и смолкло, сейчас ухнет. Увы, взрыва не последовало, должно, отсырел детонатор. И снова Сергей потерял сознание.

Очнулся Трясцын во вражеском

стане. Потянулись долгие годы плена, мыканья по концлагерям. Два побега окончились неудачей. И все же при третьей попытке 7 февраля 1945 года ему удалось бежать, пробраться на территорию Франции, где присоединился к союзнической американской армии, в рядах которой Трясцын сражался с гитлеровцами до конца войны. 20 мая на Эльбе встретил советских солдат.

...Мы подвезжали к городу-герою, который кровью своей защищали в памятном сорок первом. Я спросил Сергея, каким образом узнали о нем боевые друзья.

— О, это целая история...

Летом 1968 года в Губановский сельсовет пришло письмо из музея обороны Ленинграда. Бывшая сандружинница курсантского батальона Верочка Царева, ныне штатная сотрудница музея Вера Михайловна Фелисова, подробно описав подвиг Сергея Трясцына, спрашивала, жив ли в Губановке кто-либо из его родственников. Нет, в Губановке с такой фамилией никто не проживал. Секретарь сельсовета вспомнила про учителя соседней деревни, уж не он ли? Она немедленно отправилась туда, отыскала того учителя, со слезами бросилась к нему:

— Сергей Васильевич, вы же знатный человек, герой войны...

Трясцын изумился: жил скромно, учил детей, ничем себя не выделяя, и вдруг герой...

— А вас разыскивают, — добавила женщина. — Оказывается, вас считали погибшим. Как же это, Сергей Васильевич? Вот письмо, прочтите...

Так, спустя двадцать семь лет, Сергей Трясцын воскрес из мертвых для боевых друзей. Живя в далекой лесной деревушке, он, как говорится, слыхом не слыхивал, что его имя славят в газетах и по радио, что оно называлось в передаче центрального телевидения.

— А ты, Петя, как нашелся? — вдруг поинтересовался он у меня.

— Да Верочка же и нашла — разыскала через мою сестру Ксеню... Она живет в селе, где я рос.

ДЕКАБРИСТЫ И БАМ

Заголовок этой заметки не совсем точен. Декабристы не мечтали о БАМе, но они рассматривали проекты железных дорог в местах, по которым ныне прокладывается магистраль.

Напомним: первая железная дорога прошла между Царским Селом и Санкт-Петербургом в год смерти А. С. Пушкина, то есть спустя двенадцать лет после того, как декабристы попали на вечное поселение в Сибирь. Но и они думали о создании сети сообщений по всей России.

Уже во время работы над проектом конституции в 1819 году, в котором «державы» будущего Федеративного Российского государства названы по именам крупнейших рек, Никита Муравьев обосновал необходимость и возможность соединения каналами Белого, Балтийского, Черного и Каспийского морей. Никита Муравьев рассмотрел варианты и сделал расчеты по строительству дороги между Якутском и Охотским морем. Другой декабрист, Николай Басаргин, уже после выезда из Сибири, участвовал в разработке проекта железной дороги между Пермью и Тюменью.

Но особенно интересные расчеты трех вариантов прокладки дороги Сибири обнаружены среди бумаг декабриста Гавриила Степановича Батенькова. Этот «проект приведения в известность земель Сибири» он написал в 1857 году, через шесть лет после прибытия первого поезда из Москвы в Петербург и за 120 лет до наших дней.

В проекте есть такие пророческие слова: «Проложение через Сибирь железнодорожного пути значило бы присоединение огромной пустынной страны к образованному миру и довершение кругосветного пути. Такая мысль, хоть и далекая от осуществле-

ния, не может не произвести восторженного чувства. С первого раза она высказывает исполнинский прием человеческого духа...»

Г. Батеньков проанализировал достоинства и недостатки трех вариантов, соединяющих Петербург с окраинами Тихого океана, но особенно тщательно — южносибирского и среднесибирского. Сам он отдавал предпочтение среднесибирскому и северосибирскому вариантам, хотя понимал, что «устройство железнодорожного полотна по причине глубоких снегов, суровых климатических условий представляет главное затруднение». И подчеркнул, что «прежде всего надо добыть достоверные и подробные сведения, касающиеся страны необыкновенной и пустынной, какова есть Сибирь».

Прошло больше века, мы многое узнали. К упомянутым декабристам трудностям прибавились новые. Это относится к сейсмическим условиям, о которых стало известно только после создания Сибирского отделения АН СССР, а первая карта землетрясений этой зоны сделана только в 1961 году Институтом земной коры (Иркутск). Тогда же была составлена и карта распространения вечной мерзлоты, карстовых явлений, курумов, лавин и селей. Но и теперь еще многое предстоит изучить, чтобы «добыть достоверные и подробные сведения».

Если посмотреть на карту железных дорог Сибири, особенно ее арктических частей, то мы увидим, как там намечается сеть дорог. Разве не выглядит черточка на карте между Дудинкой и Норильском соединительным звеном Великого Полярного пути: Ленинград — Воркута — низовья Лены? Здесь открыты месторождения нефти и газа — в низовьях Оби, в Тазовском междуречье. Далее на восток лежат медно-никелевые руды Талнаха. Так и видится, как пойдет в будущем путь от низовьев Лены к атомной электростанции в Биляино, к Берингову проливу.

Сеть железнодорожных дорог — детище пятилеток. И каждая из них выковала свое звено. Мы ныне реализуем в просторах Сибири самые дерзновенные мечты знаменитых и безвестных путешественников, первопроектировщиков и мечтателей.

Федор
КРЕНДЕЛЕВ

Дом, полный света

**Борис
КАРПЕНКО**

Не жил я спокойно и тихо

С приметы надежной и верной,
мелькавшей в просвете окна,
с крапивницы — бабочки первой,
моя начиналась весна!

Давно это было, а помню.
Те годы — беда не беда.
Был лесом — обычный шиповник,
и роцей была лебеда.

В ту рощу уйдя с головою,
я думал: по джунглям иду,
и чудилось мне — надо мною
кричит попугай какаду.

Не жил я спокойно и тихо
и с боем полсвета прошел,
но помню, как в зарослях лихо
мне пел беспечальный щегол.

Он был голосистым поэтом,
когда начиналась весна,
и бабочка доброй приметой
мелькала в просвете окна.

Совершеннолетие

Совершенные года.
Все мечтанья в силе.
Не пробилась борода,
но усы пробились.

Молодой гудит басок,
и хлопок шипучего...
И хмелен отец чуток
по такому случаю.

А виновник торжества,
за столом с ровесником,
высоко ведет слова
задушевной песни.

Он и в деле — будь здоров!
Нет на нем дареного —
от кирпичика часов
до костюма нового.

Не костюму, ловко сшитому,
не часам и не усам —
рад отец мастеровитым
молодым его рукам.

Фронтвики

Где вишни свой цвет поредель
ссыпают на зелень травы, —
как будто два облачка белых,
две белых плывут головы.

Я их заметил из дома,
в проеме окна, вдалеке.
Встречаемся мы как знакомые,
беседуем накоротке.

Поблажек и скидок не зная,
прошли они рядом всю жизнь.

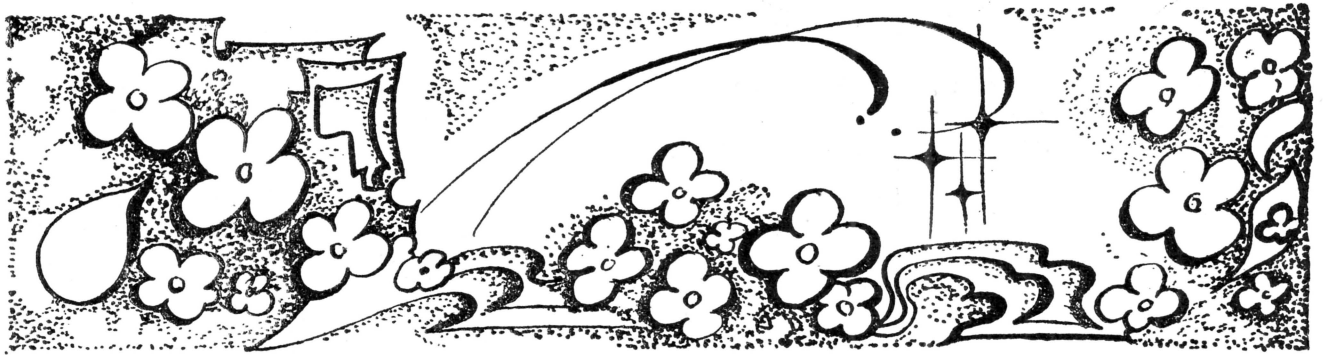
В жизни Бориса Михайловича Карпенко, как и в жизни большинства людей его поколения, самым большим испытанием была Великая Отечественная война. Он был артиллеристом, прошел со своим полком от Сталинграда до Берлина и Праги.

Первая публикация? Она памятна Б. Карпенко. На совещании начинающих поэтов и прозаиков 3-го Белорусского фронта А. Т. Твардовский рекомендовал его стихи к печати в «Красноармейской правде»...

Произведения Б. Карпенко публикуются во многих журналах, выходят сборниками. Мы знакомим читателей с новыми стихами поэта.

Идет она, плавно качаясь,
на руку его опершись.

Я знаю, у них за плечами —
и Запад и Дальний Восток,
и в снах они ловят губами
с Хингана ночной холодок.

Я прошлое их не встревожу.
Ведь судьбы у них нележки.
Привет вам, деньков вам погожих,
бывалые фронтовики!

Турист

В. Ф. Деревягину

Идет турист, постукивает палочкой,
Скрипит протез его, скрипит,
а он идет, покачиваясь, чуть
вразвалочку,
и на солдат изваянных глядит.

Стоят они в задумчивости строгой.
Все людям отдали и все смогли,
но не дошли до отчего порога,
и в Трептов-парк гранитными вошли.

И кажется ему: друзья в шинелях
и в маскхалатах зимней белизны
опять уходят в красные метели,
а горячие метели той войны.

И сам он — минометчик Деревягин —
за миной мину посылает в ствол...
Он не поставил подпись на рейхстаге.
Он до Берлина в мае не дошел.

И вот он здесь, и щурится от света,
рукой свободной век своих касаясь,
и тлеет между пальцев сигарета,
на майском ветре пеплом осыпаясь.

Подорожник

Бесшабашен и не осторожен,
не в стремленье к людям он силен:
где дороги — там и подорожник,
даже на тропинке — тоже он.

Что ему сапог или ботинок,
или жесткий обод колеса,
если он, вступая в поединок,
неизменно верит в чудеса.

Я его хвалить не перестану.
Пешеход! За просьбу не ворчи
и его, несущего охрану,
лишний раз в дороге не топчи!

Встреча

*Герою Советского Союза
С. Д. Пругкову*

Город в липах стоял осенних.
Помню лип привокзальных свет
и последний, твой взгляд последний
уходящему поезду вслед.

Жизнь была еще в самом начале.
Если дым, то лишь розовый дым...
Мы с тобой тогда на вокзале
распрощались с детством своим.

С тем Остром — за лесным бугром,
в низких соснах и лозняке,
где мы бегали босиком,
пропадая с утра на реке.

С парком тем, на холме покатою,
где в немом, не цветном кино
мчались красные дьяволята
и стреляли в батьку Махно.

Разметали нас годы быстрые.
Мы встречались, но только в снах.
Воевали мы с первым выстрелом,
да на разных с тобой фронтах.

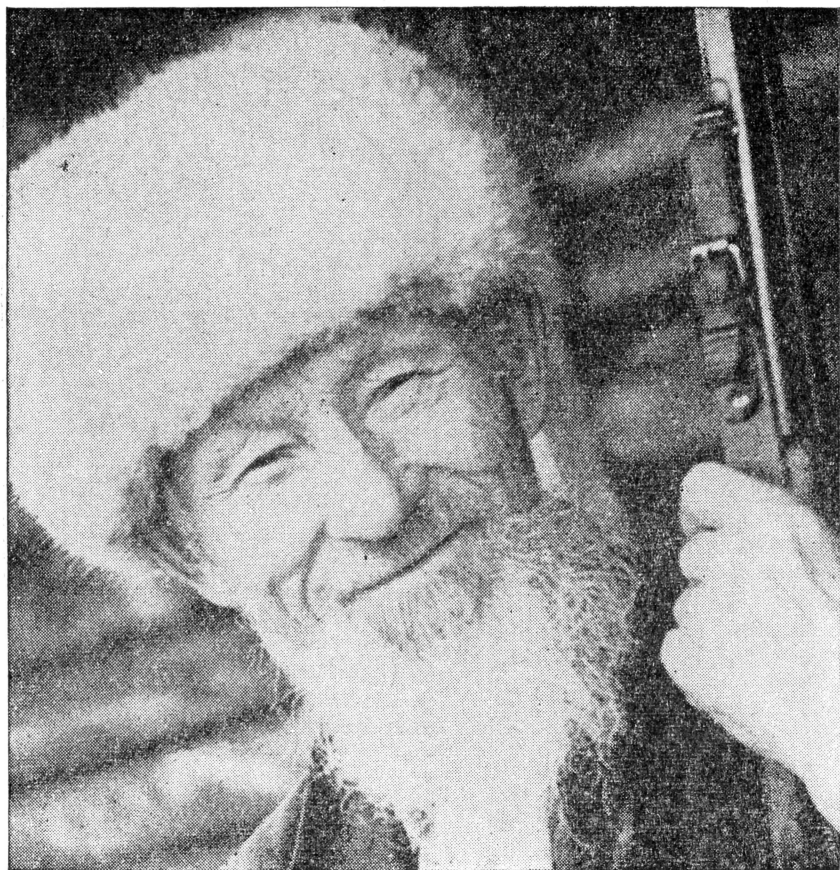
Были трудными наши трассы:
пролетал ты в тревожной мгле
знаменитым и грозным асом, —
я пехотой шел по земле.

Но в российскую осень красную,
только лишь через четверть века,
мы сказали друг другу:
«Здравствуй!» —
два счастливейших человека.

Имя

Паспорта, что ль, у нас с опискою?
В наших отчествах и фамилиях
все теряется материнская
и звучит лишь мужская линия.

Но зато, ошибусь едва ли,
за один ее сладкий дым, —
мы Россию свою называли
материнским именем дорогим.

ГОВОРЯЩИЕ СОСНЫ

**Александр
МАХЛИН**

Фото автора

Поначалу Пельм несколько обескуражил нас: вода кофейного цвета — реку питают стоки торфяных болот и озер, — вязкие, киселеобразные берега... Река кажется мертвой — ни единого всплеска рыбы. Чудовищных форм коряги, тут и там торчащие из воды, нудный дождь, одолевающий все живое вокруг серой дрожью, придают Пельму особую мрачность. Рассказы о необыкновенном обилии рыбы в здешних местах — наверно, обычная рыбацкая байка...

На привал остановились километрах в десяти от деревни Вершина — последнего населенного пункта, расположенного в относительной близости от станции. До следующего поселка несколько сотен километров.

Еще в Вершине, узнав, что мы хотели бы найти проводника, знающего наискратчайший пеший путь на Березовый урай, нам посоветовали обратиться к местному охотнику манси Григорию Федоровичу Юпланкову: он, мол, каждую тропку здесь знает — шестьдесят лет промышляет человек. Рассказали и как найти его: стоит он сейчас на одном из озер — спутников Пельма. Озеро имеет сток в реку, этот сток и приведет напрямик к охотничьей избушке Юпланкова.

Вопреки опасениям старик сразу же дал согласие стать нашим проводником:

— Долго не ходил в тайгу... Вместе ходить будем.

На следующее утро, оставив записку своему сыну Федору, в кото-

рой просил того через неделю встретить нас с моторной лодкой у Березового урая, Юпланков повел нас от поселка.

...Четвертый день в пути. Идем по едва угадываемой среди замшелого валежника звериной тропе. Пот заливаает глаза, ляжки рюкзака и ружейные ремни нестерпимо режут плечи. Нешадно грызет мошка.

Старик, видя наши мучения, подбадривает:

— Еще немного!.. Скоро метка моя будет...

Еще несколько мучительных часов и, наконец, долгожданное:

— Однако пришли.

Пока разминали затекшие ноги, растирали плечи и выжимали мокрые насквозь свитера, Юпланков успел развести костер, заварить чай, напастать ломтики вяленого мяса.

После того, как пообсохли, перекусили и вдоволь напильсь чаю, потянуло на курево. От предложенной пачки «Бородино» проводник отмахнулся. Достав из-за пазухи кисет с табаком, стал набивать им небольшую вересковую трубку.

— Далеко еще до урая? — спросил я Юпланкова.

— Не шибко, — ответил тот, выпустив из ноздрей ядовито-сизые струйки дыма, — до следующей метки три часа ходить, а там совсем близко.

Тут только я вспомнил, что проводник привел нас к какой-то метке. Внимательно осмотревшись, я не заметил ничего такого, что могло бы привлечь внимание.

— А что за метки у вас?

— У-у... Хитрые!..

— Ну, а все же? — поддержали мое любопытство товарищи.

— А посмотри хорошо, — не уступал дед.

В шесть глаз прощупали каждую валежину, каждый кустик.

— Однако не туда глядишь. Погляди назад...

За мной была лишь старая сосна, к которой я прислонился спиной.

И я увидел.

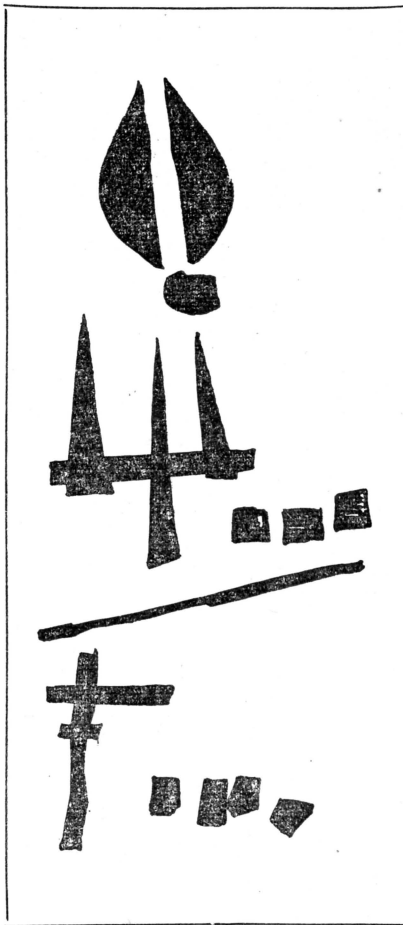
Примерно на высоте моего роста на стволе дерева проглядывались едва различимые зарубины многолетней давности. Что-то похожее на человеческую пятерню, какие-то черточки, крест.

— Черт знает что наскребли... — мой спутники с недоумением разглядывали странные знаки.

— Зачем «черт знает что», — возразил Юпланков. — Все понятно. Это сосна говорит, что мой отец тут медведя брал. Вот метка отца... Потом Гошка приходил, немного мяса брал. Крест — Гошкина метка. С Гошкой лайки были, три штуки — вот эти метки... Все понятно.

То, что мы дальше услышали от Юпланкова, для нас было совершенно ново.

Существовал прежде, оказывает-

ся, у манси-охотников неписанный закон: прокладывая зимний путник, непременно оставлять метки — знаки на соснах: тут, мол, такая-то снасть, там такая, и принадлежит такому-то. И никому не придет в голову мысль заглянуть в чужой самолов.

Ну, а если потрафило промыслову, завалил зверя, то зароет добычу в снег, валежником привалит, чтобы росомaxe или соболю не досталось, а рядышком метку на сосне оставит — след лося или медведя, смотря кого убьет, а чуть ниже — вторую метку: крест ли, вилку ли, две полосы. У каждого охотника своя метка, и передается она по наследству, от деда к отцу, от отца к сыну. Метят место и для того, чтобы другие охотники могли взять для себя мяса. Нередко так и случилось — брали. Но ниже хозяйских меток оставляли свои: позаимствовал, мол, такой-то, на себя и столько-то своих собак.

Вот, к примеру, что «рассказала» нам такая сосна у Березового урая (смотри рисунок).

«Был здесь Юпланк, завалил лося. Приходил после него Векшин, взял

мяса на себя и четверых своих собак».

А давность зарубок помог определить Григорий Федорович Юпланков. Сделаны они около сорока лет назад.

...Стоим на крутом берегу Пельма, любясь искрящейся в лучах оставшего солнца извилистой лентой реки.

Вслед за нами выбрела из глухомани и осень. Тревожно шумят полысевшими кронами старушки-осины. Жмутся друг к другу в тщетной надежде хоть как-то согреться белоствольные березы. На ближнем яру стыдливо гуртятся рябинки, стараясь последними листками прикроить свою наготу. Где-то совсем совсем близко протрубил призывную песнь своей подруге сохатый. И ему, то ли с перепугу, то ли просто сдурю, отозвался идиотским хохотом вечно сонный сыч.

У нас в руках берестовые лоскуты. Юпланков научил: напиши на бересте, что, мол, желаю снова вернуться когда-нибудь в эти края, брось лоскут в реку — и твое желание непременно сбудется. Пельм — он добрый.

Бросили в реку бересту мои спутники. Ни один из них не написал на бересте ни слова. Не напишу и я. И не потому, что не хочу снова побывать в этом чудесном краю. Просто знаю, что лоскутки не помогут: больше одного раза в одном и том же месте мы не бываем. Нам по тридцать, и если нам суждено дожить до шестидесяти, то сумеем пройти еще тридцать маршрутов. В год по одному. Чертовски мало!..

Через несколько дней будем дома. Там семья, работа, домашний уют, друзья, книги. Там — все. Не будет только запаха хвои, шума речных перекатов, нехоженых троп, таежно-го костра. Их нам всегда не хватает... Их ничто не может заменить.

Афонин крест

Повесть

**Сергей
БЕТЕВ**

*Рисунки
Н. Мооса*

1.

Года три-четыре назад город Красногорск, построенный в войну на местных рудниках, придвинул свои многоэтажные дома к небольшой станции Кулавиной, но остановился перед тенистой березовой рощицей, словно оробел прорубить через нее улицу.

В рощице ютилось кладбище.

Оно не было похоже ни на деревенские, тихие и по-домашнему при-

бранные, ни на замусоренные городские — тесные нагромождения оградок да пирамидок с бречащими венками.

Кладбище это появилось в первую военную осень. С эшелона беженцев сняли женщину с большим ребенком. Пятилетний мальчик, измененный дизентерией, едва протянул ночь, а к утру скончался в тесном станционном медпункте. Везти гробик за четыре версты по бездорожью в деревню Перекатову, на погост, было недосуг. И с покорного согласия матери, боявшейся надолго отстать от семьи, ехавшей дальше, в Сибирь, малыша похоронили в пристанционной березовой роще, приколов к дереву у холмика фанерку со скорой надписью химическим карандашом.

...А война сутолочно катила в обе стороны эшелоны, редкую неделю не оставляя на глухой станции покойника.

Скоро рядом с малышом положили тифозного солдата, потом зарезанную поездом женщину, в первые холода закопали в звонкую землю узбека из проехавшего трудбатальона.

Так вот и обосновалось в роще безродное кладбище.

Полоскали землю дожди. Вьюги надували над могилами суметы. Ветры стирали с фанерок карандашные письма. А веснами, когда теплело солнце, роща настаивала воздух терпким запахом молодых почек. Вперемешку с желтыми одуванчиками да с белыми пятнышками ромашек выголубливались стайки незабудок, но скоро тонули в нетоптанном разнотравье, скрывавшем все: и цветы, и осевшие по теплу могилы с покосившимися памятниками-временками.

Ничто не нарушало здесь тишины и покоя. Разве только изредка — ляг лопат да приглушенные голоса людей.

Ни тогда, ни много лет спустя купавинцы не примечали, чтобы кто-то приезжал на это кладбище — скорбный след войны в далеком Зауралье. Казалось, время обронило людские жизни в дорожной суете и даже не заметило потери...

И вдруг новый город наткнулся на него.

Заглохла стройка. Растерялись планировщи-

ки. На безродное кладбище пришли люди. Они сняли фуражки и, всматриваясь в каждую фанерку, будто винясь перед прошлым, обошли все надгробья. Ни одной надписи не сохранило время: всех уравнило, кто лежал в земле, всех привело к одному знаменателю — войне...

Красногорск не имел прошлого. Он был молод и торопился расти. Когда-то на его пути стали две столетних деревни, которыми нароком приезжали дивиться ученые и художники, но город безжалостно растоптал старину своими многоэтажными домами. Возле него медленно текла задумчивая Исеть, то приныкая к высоким борovým берегам, то нежась в протоках среди заливных лугов да светлых березников. А город перегородил ее плотиной, и солдаты, вернувшиеся с войны, едва узнали речку: где же прежние берега да полянки, на которых загадано было сговаривать девок в невесты?

Под большие дома красногорцы вырубали сотни гектаров леса, но во дворах не тронули ни одной березы и сосны. И, казалось, не город шагнул в лес, а лес пришел на его улицы.

И вдруг маленькая березовая рощица с забытым кладбищем. Грохочущие экскаваторы понуро опустили железные челюсти до самой земли и присмирели. Вздернув стрелы, насторожились краны.

В те дни многих купавинцев вызывали в исполком. Спрашивали:

— Кто похоронен? Откуда? Сами же хоронили!..

— Сами, — отвечали мужики. — А кого — не знаем. Откуда — и подавно. — И добавляли: — Милиция дозволила приборать.

Женщины рассказывали подробнее:

— И дитята были, и солдаты, и неизвестные вовсе... Вся война там...

От купавинцев отступились. Дали в газете объявление, предлагая родственникам погребенных перенести за год прах близких из березовой рощи на городское кладбище.

Ударили первые морозы, потом завьюжила зима, а на кладбище так никто и не приходил. И чем ближе подступала весна, тем больше мрачнели купавинцы. Заговорили:

— Эко выдумали: покойников с места на место таскать! Будто не люди...

По этому нешуточному пристрастию можно было судить, что для купавинцев кладбище, о котором, казалось, они забыли и сами, было вовсе не чужим.

Когда-то купавинцы сошлись по объявлениям из разных деревень, своими руками построили и железную дорогу, и новые дома для себя. Война пересекла их судьбу черной полосой. Бабы с ребятишками четыре года бились в голоде и холоде. Если бы их позвали к мужьям на подмогу, на фронт, означавший в их понимании неминуемую смерть, они за полдня собрались бы и

Сергей Михайлович Бегев родился в 1929 году в г. Катайске, на Урале. Еще студентом, на практике в Якутии, опубликовал в 1950 году свой первый рассказ. Его книги «Следствие закончено», «Эшелон идет в Россию», сборник документальных детективных повестей «Без права на поражение» (диплом на Всесоюзном конкурсе, посвященном 60-летию МВД и 100-летию Ф. Э. Дзержинского) — широко известны читателям.

В 1965 году журнал «Юность» опубликовал повесть С. Бегева «А фронт был далеко» («Своя звезда»), действие новой повести «Афонин крест» происходит на той же станции Купавино и тоже во время войны...

туда, передав потомство по рукам дальше — старикам да старухам. Но их не позвали. И потому они безропотно ютили у себя еще и беженцев, разламывая на чужих и своих последний кусок хлеба. А когда смерть настигала людей в Купавиной, покойника провожали честь по чести, как своего, потому что причиной тому была общая напасть. И в душе купавинцы гордились исполненным долгом.

Перед людьми их совесть была чиста.

Но пришел и этот апрельский полдень, когда к березовой роще притарахтел трактор «Беларусь», приспустил нож бульдозера.

Его уже ждала безмолвная толпа купавинцев.

Тракторист был свой, станционный, Галимзян Садыков, сын старика конюха Нагумана Садыкова, умершего во вторую военную зиму. Галимзян, как и многие из Купавиной, работал в Красногорске, а жил в отцовском доме. Еще накануне он рассказал своим, что его вызывал прораб и велел ехать завтра в березовую рощу ровнять кладбище.

...Женщины, дети да несколько стариков стояли в сторонке. Галимзян на них не смотрел. Отвернувшись, он хмуро выслушивал десятника:

— Давай, прямо отседова заезжай и по кочкам — наскрозь, до самого края! Шибко не задирай, главное — деревьяшки эти сшибить!

Галимзян зло хватил рычаги. Трактор дернулся вперед, повалил первый столб и пошел дальше. Женщины всхлипнули...

Трактор вышел на станционный край рощи, развернулся, сунулся было обратно, но вдруг заглох. Галимзян тяжело слез с машины, остановившейся перед аккуратно оструганным, почти не пострадавшим от времени крестом, стянул с головы фуражку и опустил на колени.

— Афонин крест! — ахнул кто-то в толпе. — Бабы! Да ведь это — Афонин крест!

— Господи, прости ты нас, грешных!..

Подбежал десятник:

— Граждане женщины!.. Дело казенное, прошу не мешать и порядок не рушить. — И, пробившись к Галимзяну, крикнул: — Садыков!

Галимзян повернул к нему лицо, такое же веснушчатое, как когда-то у его отца, сказал твердым голосом:

— Не поеду.

— Садыков!! — угрожающе побагровел десятник.

— Чего орешь?! Не поеду! — Галимзян вскочил, стал, загораживая собой могилу, и сам закричал: — Не поеду! Слышишь? Не поеду!.. Ты Афоню знаешь? А? Ты его знаешь? Ничего ты не знаешь!..

Так же порывисто, как и вскочил, Галимзян сел на могильный холм, спрятал лицо в фуражке. Тихо плакали женщины. Хмурились старики.

Отбежали в сторону перепуганные ребятишки.

Беспомощно опустил руки примолкший десятник.

...Галимзян открыл лицо. По-мальчишески растерянно огляделся по сторонам, взглянул вверх. Там, в вышине, в голубом, без единого пятнышка весеннем небе, из края в край волнами перекатывался многоголосый вороний кар. Едва залистевшие, еще полупрозрачные метлы берез, чуть расшевеленные легким ветерком, казалось, медленно кружились и плыли куда-то в сторону.

Все было так, как в ту далекую-далекую весну...

2.

На всю Купавину до войны был один магазин. Стоял он неподалеку от вокзала, как раз делил пополам единственную улицу станционного поселка, вытянувшуюся вдоль железной дороги километра на два. Даже в те дни, когда в магазин забрасывали дешевый ситец, из-за которого бабы могли друг дружке глаза вышарапать, даже в такие дни в магазин влезало не больше трех-четырёх десятков покупателей. Прилавки стояли по двум смежным сторонам: который покороче — хлебный, который подлиннее — промтоварный.

Продавщица тоже была одна. Поскольку чаще покупали хлеб, то все толкались возле маленького прилавка, возле него же требовали и промтоварную мелочь. Поэтому продавщица все время бегала туда-сюда. Когда же прибывал редкий товар, хлеб и вовсе не продавали.

Керосином торговали два дня на неделе с заднего хода, из пристроя. Отпускала керосин сторожиха Мария Кузьмина. Доверяли ей вполне, потому что баба честная, хоть и неграмотная. Деньги считала она, правда, не бойко, но купавинцы были такие, что если уж шли в магазин, то цены знали получше продавца. Лишнего не передавали, но и обманывать было не заведено.

Как же иначе, если все свои?

На некотором расстоянии от магазина стояла высоченная старая береза. Своими длинными косами она почти касалась крыши маленькой караулки, в которой жил магазинный сторож Афоня. Караулка досталась ему еще от первых строителей Купавиной. Когда рубили дома, на лесосеке, откуда доставляли лес, сделали теплушку на больших полозьях. В избушке этой на кирпичной подушке поставили для повальщиков печку-буржуйку, да деревянную скамью. А как только открылся магазин, обогревалку волоком притащили на станцию и приткнули возле него к березе на вечные времена.

И сразу же в ней появился Афоня,

Откуда он взялся, никто не ведал. Одно было ясно: приезжий. Потому что купавинцы знали до последнего двора все деревни на пятьдесят верст вокруг и даже дальше, но в них этого мужика никто ни разу не примечал. Через чье-то первое знакомство вывели, что зовут его Афанасием. Фамилии допытываться в голову не пришло. А когда поняли, что мужик и смиренный, и одинокий, и по характеру непривередливый, когда привыкли звать его Афоней, то фамилия вовсе стала не нужна.

Афоня, так Афоня.

По началу стройки купавинцы бедствовали с жильем, не один год перебивались с семьями в землянках. И поэтому никто не удивился, что караулка стала для Афони постоянным домом. Заново проконопаченная, обклеенная изнутри газетками да журнальными листами, с матрасцем, одеялом и подушкой на скамье, она и в самом деле приобрела вполне обжитой вид. А так как все дорожки в Купавиной сходились у магазина, Афонин дом волей-неволей оказался на самом бойком месте. Купавинцы же отличались редкой обстоятельностью: здоровались с каждым, а если здоровались, то проходить мимо, не обмолвившись хотя бы словом, не полагалось.

Выходит, жил Афоня на самом миру.

А мир жил на его глазах.

...Первейшим признаком всякого благополучия в Купавиной считалась семья. И, наверное, оттого, что добродушный Афоня без всякой видимой причины, если не считать слабости в ногах, мыкал свою жизнь один, купавинцы незаметно для себя, а проще — каждый по-своему, заботились о нем во всякое время.

Безлюдными ранними утрами, когда на всю станцию, перекрывая вздохи и сильные гудки паровозов, первым кукарекал самый горластый — в свою хозяйку — ляминский петух, когда из стаек выпускали на волю коров, какая-нибудь из баб непременно заворачивала с подойником к Афоне и, словно обрадованная тем, что он, как и вчера, такой же приветливый один сидит в открытых дверях своей избушки на высоком приступе, здоровалась с ним, требовала крынку и наливала ее до краев парным молоком. Афоня сидел на приступе до открытия магазина, до «сдачи замков». И если к нему направлялась с подойником другая захлопотавшая по утру хозяйка, он неизбежно останавливал ее еще издали:

— Спасибо, дева. Есть у меня молочко-то. Спасибо.

Созревал в огороде лук, и у Афони на окошечке появлялся первый зеленый пучок. Поспевала в лесу клубника, и Афоня угощал малую детвору вкусной ягодой. Едва начинали собирать грибы, из Афониной будки уже тянуло вкусным запахом свежей губницы.

Афоня не делал запасов, но картофель и хлеб не переводились у него весь год, а по праздни-

кам, как и во всяком доме, появлялась надлежащая еда: на маслянку — блины, на рождество — пельмени, ко всякому дню — свое.

Станционные бабы по пути прихватывали Афоново бельишко для стирки, а продавщица каждый год перед маем оставляла ему кусок сатинета на рубаху, сама отдавала шить кому-нибудь из покупательниц, не спрашивая о том Афону.

Никто не знал, сколько ему лет. Но по тому, что бороденка была кудлатой, лицо, иссеченное мелкими морщинами, коричневым, походка из-за больных ног — некрепкой, а главное, что жил он без бабы, будто так и надо, его с самого начала причислили к старикам. И хотя десяток лет, прожитых в Купавиной, не состарил его и на год, этого уже не заметили. Как и все заботы о нем, так и он сам в своей караулке стали одной людской привычкой, незаметной, но сущей, как вечность. Поэтому давно переселившимся в добрые дома купавинцам и в голову не приходило, что Афоня тоже может иметь другое жилье. Люди, не спрашивая его, отвели ему постоянное место.

И в душе, и в жизни.

...Над Купавиной было всегда самое высокое и голубое на свете небо, вокруг нее шумели самые мудрые боры, звенели веселыми птичьими играми самые светлые березники, а на пестроцветных журавлиных лугах рос самый сладкий дикий чеснок. Вся эта земная благодать была для купавинцев такой же обыденной, как все другое, окружавшее их: у них в домах были сложены самые жаркие и удобные печи, только в их горшках можно было сварить самую вкусную кашу, только свои пимокаты делали валенки, в которых не доставала самая лютая стужа.

Все свое, потому что иного они не знали, да и не больно хотели знать, было для них лучшим. Поэтому и на жизнь свою, при всех мелких напастьях, они никогда не жаловались.

Сны их были такими же крепкими, как и привычки.

Ночь не оставалась без призора. Ее провожал до утра Афоня.

Тоже — свой.

И тоже — привычный.

...Часов около восьми каждого утра, «сдав замки», Афоня удалялся спать. Появлялся он только после одиннадцати. Долго всматривался из-под руки в небо, потом в размышлении почесывал затылок под шапкой, которую носил зиму и лето, и, скрывшись ненадолго в своей конуре, выносил оттуда сначала табуретку, которую устанавливал возле порога, потом — чистую тряпицу с немудрящей закуской, чаще всего — двумя-тремя вареными картофелинами да парой ломтей хлеба. Последними на табуретке объявлялись четушка и маленькая рюмочка, похожая на наперсток.

Понедобнее усевшись на приступе, Афоня

принимался не торопясь, чтобы не испортить стекла, распечатывать бутылочку. А для купавинцев это означало, что день сегодня предстоит ясный, и если в небе даже и ходят небольшие тучки, то это все равно пустое — дождя не будет.

Через часик, опростав пару «наперстков», Афоня заметно веселел. В светлых глазах его, обычно покойных и выражавших только простодушие, начинали пробиваться веселые, даже озорные огоньки, морщин на лице становилось меньше.

В такие дни, а они неизменно повторялись при хорошей погоде все десять лет, в Афоне пресбуждалась охота к беседе. И хотя предмет разговора оставался неизменным, повторение Афоню не смущало. Теперь всякий, кто проходил мимо, не только здоровался, но и подсаживался к Афоне на чурбачок, специально поставленный возле сторожки для этой цели.

Афоня каждому предлагал «наперсток». Но, взглянув на малую емкость, гости не решались обездоливать хозяина и поэтому отказывались от угощения, ссылаясь на всякие посторонние причины, чтобы не обидеть. И тогда Афоня веско и убежденно говорил:

— А здря. Вот, к примеру, я. Сколько годов на свете живу, каждый день к своей мысли подтверждение нахожу... На свете ведь как? Каждый по-своему бьется. А ты возьми, да и поприметь, как он вот к этой лихоманке повернут, — ласково кивал Афоня на чурбачок. — Иной с осторожностью, а другой — с милой душенькой, который — по нужде зауздан, а который — от денег сам себя привернул, а оба — любят. И во всей этой картине людской характер проявляется. А ты как думал?!

Обязательно поминал Афоня при этом путейского конюха Степана Лямина, весьма уважаемого им, и жену его Анисью, лютую бабу. И другого конюха, многодетного Нагумана Садыкова, приводил в пример, и первого паровозника на всей их дороге Ивана Артемьевича Кузнецова. А Бояркиных, которые, по его мнению, от жадности дома пили, за занавесочкой, — противопоставлял, говорил, что вино добрее их не делает.

— Вот и соображай теперь, — заключал он. — Бутылочка-то — она высветляет! Кто бодрость черпает, кто — нужду забыть хочет, а кто — при ее же содействии — выказывает перед миром свое дерьмовое нутро. А это — тоже польза, потому как людям очень даже надо знать, где дерьмо лежит... Что касается меня, я к ней имею расположение. А вылью, смотрю на нашу Купавину и вижу, что вовсе она не малая станция. Все в ней, как в большом мире, хотя и народу не миллион. А ты как думал?!

Афоня опрокидывал «наперсток», и голос его теплел.

— Я вот в кино не хожу, хотя клуб — вон он! А про что там показывают, знаю до последней

тонкости. От ребятишек. Они тут после каждого сеанса мне рассказывают еще занятнее, чем там.

Афоня поднимался, брал в руки посудину и тряпицу и, взглянув на солнце, говорил:

— Ну, ладно. Спасибо, что посидел, беседой пожаловал. А время-то к пяти. Отдохнуть да на дежурство выходить надо: ночь впереди. Бывай здоров! Заворачивай, коли мимо пойдешь...

И дверь сторожки закрывалась.

Не позднее девяти Афоня, зимой и летом одетый в полушубок и валенки, серьезный и строгий, выходил из сторожки с берданкой на плече. Деловито осмотрев замки, он садился на завазину магазина — неприступный и суровый, как и подобает всякому стражу.

Берданка, из которой Афоня за десять лет еще ни разу не выстрелил, воинственно торчала вверх.

3.

Человеческая жизнь — не ровная дорожка: то в сторону увернет, то ухабиться начнет. И нет на свете человека, который бы не оступился на ней ни разу.

Не миновал своего поворота и Афоня.

В теплые летние дни, когда ветер не шевелил березы, а солнце раздвигало улицы Купавиной вширь, станционная детвора начинала войну.

Путейские — стародавние ратные недруги движенских — открывали боевые действия первыми. В тот год, когда они уже вторую неделю терпели неудачи, к ним вдруг явились ребята из барачков и без всяких объяснений заявили, что если путейские уступят главное командование их вожаку — Гешке Карнаухову, то движенские будут разбиты. Командир путейских — Васька Польшаев, самый проворный парнишка из станции и непобедимый в рукопашных схватках, — сначала аж захохотал. Но барачковцы стояли на своем, предупредив, между прочим, что изобрели военный секрет. После этого Васька немедленно прогнал всех и остался с глазу на глаз с Гешкой.

Военный совет кончился минут через пять. К удивлению всей армии Васька объявил, что передает командование Гешке. А Гешка тут же назначил Ваську начальником штаба.

Наступило утро новых боевых сражений. Оно было такое же неприметное, как и вчерашнее. Взрослые купавинцы деловито торопились на работу. Женщины занимались обычными делами. А в это время путейские часовые уже обнаружили в крапиве возле вагонного участка первых разведчиков движенских.

В главном стане путейских — возле сараев, около конторского дома дистанции пути, — загудел под ударами болта обломок рельса. Из ближайших домов к месту сбора посыпали «бойцы»,

Но откуда-то сбоку резанули трещотки — яростные пулеметные очереди и выстрелы:

— Тра-та-та-та-та!!! Тах! Тах!..

Путейские кинулись по канавам и переулкам, а кто половчее — махнул и через заборы, залегающая за грядами чужих огородов, за густыми зарослями акаций, конопли и репея. Васька Польшаев залез в противопожарную бочку с водой, накрылся крышкой и разил солдат противника наперняка.

Все отстреливались с отчаянностью обреченных.

И вдруг случилось чудо. Из-за барakov, с правого фланга движенцев, под флагом путейской армии прямо на дорогу выкатил зеленый броневик. Он не торопясь развернулся в сторону наступающих и двинулся на них, оглушительно вереща трещоткой, будто поливал движенских из самого настоящего пулемета. Время от времени через рупор, установленный над пулеметом, слышался голос Гешки Карнаухова, объявлявшего имена «убитых». Путейская рать радостно взвыла и кинулась в атаку под прикрытием броневой машины.

Кое-кто из движенских, особенно ловко замаскировавшихся, несколько раз попал в броневик гранатами, начиненными древесной золой. Но броневик выползал из клубов дыма и по-прежнему отсвечивал на солнце куполом своей боевой башни — прибитым вверх дном зеленым эмалированным тазиком.

Движенские были сломлены к полудню окончательно.

После разгрома обе армии сошлись на совещание, чтобы обсудить дальнейшие условия войны, а главное — определить обстоятельства, при которых броневик будет считаться выведенным из строя.

Гешка Карнаухов, изобретатель броневика и теперешний командир путейской армии, заявил, что признает себя побежденным только тогда, когда броневик захватят и уведут или — остановят миной.

После этого кое-кто из движенских предлагал броневик украсть. Но разведка доложила, что Гешка, даже при коротких отлучках, закрывает свою машину в сарае на старинный висячий замок.

Тогда решили захватить Гешку в плен. Но и это отпало, потому что через кого-то из путейских узнали, что ключ Гешка с собой не носит, а прячет в потайное место.

В Купавиной воцарилось шаткое перемирие.

Было ясно, что движенские только затаились. Поэтому путейские каждый день проводили военные советы, укрепляя свою бдительность. Тем более, что безоружные движенские целыми днями терлись в стане своих победителей, играли вместе в лапту и даже вместе сидели в кино на детских сеансах.

Афоня был в курсе военных дел, так как пользовался обоюдным доверием враждующих сторон. Он честно выручал советами военных командиров, но никогда не выдавал их секретов.

К Дню железнодорожника Афоня неожиданно получил денежную премию. Впервые за десять лет он купил сразу пол-литра водки, раскошелся на магазинскую закуску, всех зазывал к своей сторожке чуть не силком и не отступался от гостей, пока те не выпивали с ним хотя бы по одному «наперстку». По Купавиной пошла весть:

— Афоня загулял!

Такого еще не бывало. И поэтому каждый из купавинцев сходил к магазину, хоть издали поглядел на Афонин праздник.

Часам к пяти разомлевший Афоня мирно благодумствовал, сидя на пороге сторожки. С непривычки голова у него кружилась, но спать идти он не хотел, поскольку впервые в жизни встречал праздник на ударном положении: с премией. Целый день вертелись возле Афони и ребяташки. Затяжелевший хозяин сторожки угощал их «подушечками», а от военных вопросов отговаривался:

— И чего это вы, ребята? Разве по праздникам кто воюет? Шли бы лучше на гуляние в березовую рощу: там и буфет с музыкой, и мороженое с футболом. А вам бы все палить!..

И вдруг захохотал.

— Вон, Гешка Карнаухов довоевался, — сквозь смех говорил он. — Сейчас только подъехал к дому на своем броневике, а мать и увидела, что он новый тазик на башню израсходовал. Как вытащила его за уши из этой самой башни и айда венником понужать!.. — Афоня вытер слезы, выступившие от смеха, и закончил: — Домой уволокла: наверное, еще рукотерником добавит...

Путейские, уязвленные насмешкой, неловко молчали, не зная, то ли уйти, то ли пропустить Афонины слова мимо ушей. Движенские с хохотом поднялись и отправились к себе.

А через полчаса путейских взбудоражило самое страшное известие: движенские увели броневик прямо с Гешкиного двора.

Слетевшаяся в минуту армия путейских двинулась к противнику, который захватил броневик без объявления войны. Спор, начавшийся возле орсовского овощехранилища, почти сразу же перешел в драку. Гешка Карнаухов, забыв про домашнюю взбучку, вместе с Васькой Польшаевым в минуту расквасили носы всем командирам движенских. Но это не помогло.

К вечеру обозленный военный совет путейских решил, что во всем виноват Афоня: это он разболтал про Гешку, опозорил путейских, да еще и выдал, что броневик стоит без охраны...

Афоня удалился на отдых только после семи часов. В девять часов дверь караулки против

обыкновения не отворилась. Не появился страж и позднее.

Гешка собрал десятка два ребят и увел их к себе на огород. Оттуда, вооружившись длинными кольями, они один по одному разными путями подошли к магазину, устроившись кто у канавы, кто возле забора по соседству, кто на завалине дома на другой стороне улицы. Гешка подкрался к караулке, прислушался. Потом заглянул в щель неплотно прикрытой двери и подал знак.

— Спит. Храпит даже.— И приказал: — Начинай!..

Ребята дружно подсунули колья под полозья, надавили, и караулка со спящим Афоней на вершок подалась со своего места.

После каждого усилия ребята переводили дух, напряженно прислушивались и подавали еще и еще. Не прошло и часа, как Афонова караулка отъехала за угол соседнего с магазином дома, в котором помещался Дорпрофсоюз. Ее придвинули вплотную к штакетнику сада под разросшиеся акации. После этого Гешка деловито осмотрелся, словно проверил, все ли сделано, как полагается, и велел разбегаться.

...Давно смолкли колобродившие с вечера гармошки, улицы утонули в мягкой тишине: ступишь — провалишься. Потом вызвездилась над

Купавиной ясная августовская ночь. Освещая два-три облачка по соседству с собой, повисла в вышине прохладная луна, бросая от берез и домов едва приметные короткие тени.

И вдруг прозрачную синь ночи с треском распорол оглушительный выстрел, потом другой, третий... Горохом посыпали на улицу купавинцы, не чуя под собой ног кинулись на палубу, все еще гремевшую в стороне магазина.

Там посреди толпы полуодетых мужиков на коленях стоял Афоня. Берданка валялась в стороне. Не скрывая слез, обезумевший страж просил у людей прощения:

— Грех попутал, люди! Открыто винюсь: проспал службу, испугался, выбегаю на улицу, а магазина нет: девался куда-то! Все в нутре отпало, зачал стрелять, все патроны в расход пустил... От премии помрачение!

Ребятня впопыхах оставила возле караулки несколько кольев, и мужики, определив, каким образом Афоня отъехал от магазина вместе со своим жильем, тем же порядком поставили караулку на прежнее место. Враз постаревший Афоня бестолково топтался с берданкой возле магазина. Он то благодарил мужиков непонятно за что, то ругал себя, то вдруг начинал ахать и охать, щупая угол магазина, словно еще раз хотел убедиться, что тот и вправду нашелся,

Прибежали и ребяташки. И тут же кто-то схватил своего за волосы.

— Ага! Вот он, варнак!..

Ребята кинулись врассыпную. Но купавинцы уже увидели виновников ночной кутерьмы. Толпа растаяла в три минуты, оставив на завалине магазина сгорбленного позором Афоню.

Зачинщиков хулиганства хотели найти сразу. Почти до утра то из одного, то из другого двора вырывался на улицу ребячий вой: шло следствие. Перепоров для порядка всех «вояк», купавинцы успокоились.

А над станцией, перекрывая сиплые свистки паровозов, уже летел утренний крик ляминского петуха...

4.

Шутку купавинцы любили, хотя и не были шибко горазды на выдумку. Иной хозяин припоздает домой, откроет калитку на виду у сумерничающих соседей, а на него повалится лохматая метла, похожая на черта. И дюжий мужик шалает со страха.

А кругом смех. И обижаться не положено. Доберутся бабы до семечек, вынесут на ули-

цу скамейку, поплевают и чешут языки до темна. Подкрадется к ним кто-нибудь из мужиков, ухватит скамью за торец и перевернет. Взвизгнут пугливые, опрокинутся так, что запутаются в собственных подолах. А потом отдышатся от испуга и сами хохочут над собой до колик. Как тут рассердишься, если мужикам поиграть захотелось?

Да и мужики-то — самые серьезные люди в Купавиной — тешились иной раз, как ребяташки. Закурят после работы возле ремонтной, лениво толкуют про минувший день. А найдется какой-нибудь неказистый, ни с того, ни с сего дернет с земли двухпудовую гирию, прижмет утычь к стене, подержит с полминуты, а потом отбросит в сторону и руки отряхнет.

— Эх, дурь-то покоя не дает! — усмехается другой, посolidнее.

— А ты попробуй, — задирает первый.

— Чего тут пробовать-то? — ответит, выплюнет сигарку, придавит сапогом и отвернется.

— Знамо дело, плюнуть легко... — не сдастся первый. — А ты приткни, приткни гирию-то к стене.

Тут уж и других любопытство заберет. Вынут здоровилу взяться за гирию. Поднимет он ее с земли, как пустую консервную банку, ткнет в

стену, а гиря, проклятая, скользнет вниз так, что отскочить заставит, если ног жалко.

И пойдет потеха. Мужик здоровый, на спор, бывало, ту же гирю по тридцать раз вверх подбрасывал и ловил на лету, а к стене прижать силы нет. Хохот стоит на всю станцию! Мужик приходит от этого в ярость. Долбит двухпудровой стеноу так, что она вот-вот обвалится. А гиря все равно не слушается.

— А ну! Бери еще раз! — рявкает на зачинщика. — Мухлюешь, хитрая рожа!

— Да что ты! — ласково отзывается тот. — Пожалуйста...

И гиря, как заговоренная, снова прилипает к стене.

— Да что это — язвить ее! — рычит вконец посрамленный верзила.

И под слезный смех мужичьей оравы принимается сызнова изматывать себя...

Но в Купавиной и зависть жила.

И сплетня который раз жалила, как крапива.

Да и при шутке, если она переступала свой предел, дело доходило до больших и долгих обид.

Никто не принял за шутку и ребячье посягательство на Афоню.

— Человека при службе обидели!

Афоня, как и прежде, ждал по утрам «сдачи замков». Как и прежде, заворачивали к нему бабы, чтобы попотчевать свежим молоком. Но если поблизости Афониной сторожки подвертывался под руку отцу или матери кто-то из ребятишек, то непременно получал подзатыльник: это Афоне высказывалось душевное участие. Ибо у купавинцев, судивших обо всем по себе, и сомнения не было, что мается он смертной обидой.

Что касается самого Афони, то не прошло и недели, как возле его сторожки снова загалдела малышня. Сначала робко от виноватости, а потом шумно и весело оттого, что боязнь потерять дорогую дружбу прошла. И этот мир был таким добрым, что недавние Афонины обидчики забыли и про свою войну, и про бдительность: даже Гешкин броневик стоял возле сарая без всякой охраны. Постепенно отлегло от сердца и у старших купавинцев.

Как и прежде, в теплые дни, в положенный час Афоня выносил из сторожки свою табуретку. Только место четушки и «наперстка» на ней заняли вместительный чайник и эмалированная зеленая кружка. Приметливые купавинцы обмалчивали такую перемену терпеливо и долго.

Сколько бы они молчали — никто не знает. Но однажды машинист дядя Ваня Кузнецов, в дни получек непременно обзаводившийся в магазине поллитровкой, поздоровался с Афоней, присел к нему на чурбак и поинтересовался:

— И что это ты, Афоня, за питье себе выдумал?

— Чай, Иван Артемьевич.

— Как я понимаю, так это вода. Только горячая. Конечно, запах, так сказать... А меня, вот, положу руку на сердце, на него не сговоришь.

— А здря, — внушительно возразил Афоня. — Неужто ты, Иван Артемьевич, и не знаешь, что чай — это самый благородный напиток? Даже цари знаменитые его употребляют. Индийские, например. Их еще магараджами зовут. Дазным-давно в старорежимном журнале «Нива» я читал, что эти магараджи по сто годов живут. Да еще до последу в шахматы играют. А все из-за него, из-за чая. А ты как думал?!

— Хм! А ежели праздник? — усмехнулся дядя Ваня. — Ежели ко мне гости придут? Потвоему выходит, я должен с ними в шахматы играть? — И, подумав, полюбопытствовал тут же: — А в той «Ниве» не написано, магараджи те с чаю на гармошке не играют?

Афоня вытер белой тряпицей вспотевший лоб и, отхлебнув из кружки, взглянул на дядю Ваню, посожалел:

— В сторону ведешь, Иван Артемьевич.

— Да что ты, Афоня! — весело запротестовал тот. — Я же не против чая-то. Только я к тому это, что при хорошем настроении да в праздник от чая не повеселеешь.

— Обман это, Иван Артемьевич. Обман. — Он подлил в кружку свежего чая и сказал убежденно: — Если хочешь знать — от вина, брат, весь непорядок, вся дурь человеческая идет. И беды — тоже. А ты как думал?! — И, остановив жестом готового возразить дядю Ваню, продолжал: — Ты оглядись вокруг себя, Иван Артемьевич, перебери памятью нашу Купавину. В ней ведь и народу-то табунишко так себе, а все равно сразу видно, кто с бутылкой в обнимку ходит. А если поглядеть с последственной стороны? Выявляется очень даже разная картина... Не мне тебе говорить про Степана Лямина. Мужик всю свою жизнь денно и ночью в труде, ударником всю дорогу числится и безотказный ко всякой людской просьбе. Но известно, что Степан водочку употребляет не дома, а в конюшне, в своей, значит, компании, с лошадьми. Они животные тоже трудящие и смиренные. А дома Анисья: при ней обороняться надо. Потом, уж после своего причастия, Степан прибывает домой. С Анисьей, конечно дело, начинается баталия. Степан как может ее агитирует, а какой из выпившего человека агитатор? Вот и получается на следующий день картина: Степан опять к лошадям, а его распрекрасная Анисья со своей неизрасходованной злостью — по станции, по людям: кого лягнет, кого укусит, кого облает... Да что говорить!

И, поставив пустую чашку на табуретку, твердо закончил:

— А если бы Степан взял себя в полную трезвость, разве не хватило бы у него толку

свою бабу обнамордить? Определенно хватило бы. И люди бы за это ему медаль выхлопотали. А ты как думал?

Афоня расстегнул ворот рубахи, облегченно вздохнул и продолжал:

— Да разве одного Степана эта лихоманка с линии сбивает? Нагуман Садыков вон постарше его, а в какое затмение впал! Ребят, как венников на зиму, изготовил, не сосчитать...

Афоня взял чайник, на минуту скрылся в своей сторожке, потом появился снова:

— На огонь поставил,—объявил дяде Ване.—Хитрая штука—этот чай. На дворе вот жара, а чем чай горячее, тем она легче перемагается. И угару нет в голове...—И перешел к прежнему разговору:—А вот Бояркиных возьми. Эти без водки дня не живут. А до чего дожили? Тьфу!

Афоня глубоко задумался. В глазах его появилась неподдельная грусть, в голосе—сожаление:

— Я ведь сам сколько годов грешил... Эта водочка меня, как оборотень, незаметно вела, вела. А куда? Мне вот еще матушка рассказывала: был у нас сродственник дальний—Митреем звали. В нашей же деревне жил. Так вот он на рождестве у одного дружка самогонки напился. Памяти-то еще хватило: домой собрался. А как за ворота вышел, ему так все хорошо показалось! Ну, и пошагал. Сколько шел, конечно, не знает, только видит—перед ним уж родная изба. Он в ворота-то торкнулся, а они закрыты. Как домой попасть, думает. И сообщает: сейчас, мол, доску из-под заезжих-то ворот отвалю, да под ворота-то и подлзу. Так и сделал. Стал, значит, на карачки, примеривается. И получается, что голова-то едва-едва пройдет. А что делать, приходится буйную клоить. Беда—неловко.

Тогда Митрей-то перекрестился и скажи: ах ты, господи, до какого сраму дожил! Тут с него помрачнение-то и сошло. Огляделся по сторонам: никакой избы вовсе и нет, а стоит он на карачках посреди реки над прорубью,—Афоня передохнул, потом объяснил:—Я, конечно, в бога не верю. Но помнишь ведь мою стыдобу, Иван Артемьевич. До того допился, что вот этот магазин из виду потерял и на всю Купавину войну развернул, мужиков из домов в подштаниках на улицу выгнал. А все из-за чего? Из-за ее, проклятой. А ты как думал?!

Так незаметно для себя и стал Афоня самым ярым врагом спиртного. Пользуясь своим центровым положением в Купавинной, Афоня замечал каждого выпившего, непременно останавливал его и стыдил при всем народе как можно громче. А люди в таких случаях с полуулыбочкой говорили:

— Ну, дает Афоня! Этак и Завьялов услышит.

Парторга станции Александра Павловича Завьялова мужики побаивались, гуляк он не жаловал.

Некоторые страдали очень тяжело, поскольку Афоню никаким способом обойти было невозможно: магазин-то на всю Купавину один.

Конечно, пробовали поначалу обижаться на Афоню и даже вздорить с ним из-за его трезвых разговоров, называя их доносами. Но купавинские бабы в этом деле, как одна, стали на сторону сторожа. Такие скандалы устраивали мужьям за Афоню, что—при своей скупости—могли всю посуду дома переколотить, да еще и пригрозить:

— Не гляди, что венчанные: заберу ребятшек—и к маме в деревню!..

И кто знает, может, купавинские мужики и вовсе бы пить отвыкли, да война пришла и сразу все перевернула.

В тот выходной день—двадцать второго июня,—слушая радио, всё поняли враз, и ничего не понимали:

— Как это так? Разве мыслимо: так по-воровски мир нарушать?

А потом пронеслось:

— На вокзале митинг!..

Все кинулись туда.

Афоня, покинув свою сторожку, тоже пришел на митинг. Одной рукой опершись на суковатую палку, другой придерживая ухо старенькой всклокоченной ушанки, он вытянул шею, стараясь не пропустить ни слова. Сквозь тревожный гомон толпы и бабье оханье от высокого станционного крыльца до него доносились горячие слова секретаря парткома Завьялова, говорившего о подломе нападения, о неминуемых тяготах, которые наступят и которые надо вынести. А потом над затихшей толпой послышался басовитый голос Ивана Артемьевича Кузнецова, который потребовал записывать в добровольцы и назвал себя первым.

Выбравшись из толпы, к Афоне подскочил Степан Лямин, крутнулся на своем костыле, с маху саданул себя по боку скомканным в кулаке картузом и воскликнул радостно.

— Глянь-ка, Афоня! Мужики-то наши чистые ерои! Никто не испужался, язвить их в печенку! Да нечто устоит против них какой-то Гитлер?

— Не устоит, Степан, нет!—не отрывая взгляда от крыльца, ответил Афоня.

— Изломают ему позвоночный столб!

— Изломают, Степан, изломают,—вторил Афоня, а у самого туманило глаза.

Никаких своих слов не мог сейчас сказать Афоня. И не оттого, что не было их. Слов было много, а мыслей еще больше, и потому слова, стиснутые ими, не шли с языка. Понял он, почувствовал сразу, что в этот час жаркого дня с ослепительным солнцем, выбелившим землю, враз повернуло жизнь в другую сторону.

Последним уходил он с опустевшей площади. Шел тяжело, потому что и ноги слушались хуже, а палка стала тяжелее, будто не на солнце лежала около сторожки, а мокла с весны в воде.

Когда вечером вышел на дежурство, Купавина поразила непривычной тишиной. И только потом понял: в домах не засветилось ни одного окна.

Недвижно сидел на завалине магазина. И слышал, как на путях, утонувших в темноте, вместе с ним изредка вздыхал паровоз.

5.

Купавинская ребятня спозаранку до глубокой темноты толкалась на станционном перроне, встревоженно, нервно встречая каждый воинский эшелон. Солдаты в помятой и залосненной форме вываливались из пошарпанных товарных вагонов, торопливо бросались с ведрами за кипятком, либо курили толстые самокрутки, привалившись к жидкой оградке привокзального сквера, либо угрюмо ходили по перрону, словно надеялись невзначай встретить знакомых.

Но выпадало и другое: на станцию вдруг влетал торопливый эшелон. Останавливался на несколько минут, словно переводил дыхание, и, тревожно взревев гудком свежего паровоза, приемисто набирал скорость, оставляя на перроне зачарованно распахнутые ребячьи глаза и рты.

— Ребя! Заметили, шашки-то какие! — с придыхом нарушал тишину первый.

— Чуть не до земли! Во — сила!

— А кони!..

— И все ремни блестя!

Когда же видели зачехленные пушки, а то и просто счетверенные пулеметы, уставившиеся вверх над крышами тормозных площадок, немели надолго, провожая грозную силу взглядом до самого горизонта.

А потом гадали, через сколько дней наступит полный разгром врага.

Даже про Афоню забыла ребятня. А он все по-прежнему сидел днями на приступе своей сторожки. Только не появлялось уже перед ним ни табуретки, ни чайника. Лишь сиротливо стоял чурбачок для случайного гостя. Да и прежних Афониних бесед уже никто не слышал. К нему по привычке изредка заходили некоторые мужики, неторопливо скручивали сигарки, со вздохом докладывали новости:

— Помнишь, к дедушке Стукову за месяц перед войной сын приезжал из Брест-Литовска? Командир?

— Как не помнить? — отзывался Афоня.

— Ну-к, вот. Говорил он вроде, что у этого

Гитлера давно уж камень-то в кармане лежал. Видели, значит... Теперь вот по книжечкам кормиться зачали. Кабы не надолго...

— Кабы не надолго, — с той же озабоченностью соглашался Афоня. — Но силу собирать надо.

— И так не мешкают. Вон, что прет, — кивал собеседник на станцию. — Ребята здоровые едут, управятся!

— Знамо дело, — серьезно поддерживал Афоня. — А все одно жалко молодых-то. Смерть, она для всех смерть, хоть и примут ее в праведном бою со светлой душой...

Беды по-настоящему пока никто не чувствовал. Мужики все еще всерьез обсуждали временное отступление, уверенно назначая скорые сроки победы. Новобранцы оглушали привокзальный сквер плясом да песнями, принародно тискали и целовали вспухших от слез невест. И только по второму месяцу, когда мобилизация, считая и добровольцев, увела на фронт половину женатых и детных мужиков, станция притихла. А в сентябре услышали и первый вдовой вой: пришла похоронка.

Война доходила до Купавиной по-своему. В заросший полынью, давно заброшенный деповский тупик, где стояло несколько ободраных потушенных паровозов, затолкнули воинский эшелон. Через сутки он оброс лестницами-временками, поленницами дров, сложенных на тормозных площадках и под вагонами, задымил железными трубами. С открытых платформ сошли гусеничные тракторы, с грохотом сползли с невысокой насыпи и врезались прямо в картофельные огороды за станцией, разворачивая все. Кинулись вслед за ребятами бабы, не зная, то ли реветь, то ли ругаться. Но солдаты объяснили виновато:

— Путей добавляем, тетеньки. Мала ваша станция для военной дороги. Надо...

— А картошка-то?..

— Другой овощ требуется Гитлеру, — отговаривались солдаты. — А вы тут уж как-нибудь...

Не прошло и месяца, как тяжелые эшелоны пошли на новые пути, а к перрону все чаще стали подтягиваться санитарные, с заклеенными крест-накрест окнами, словно и сами были ранеными. В тамбурах появлялись усталые санитарки. Спрашивали: далеко ли до Омска, Новосибирска, Читы, — и озабоченные безмолвно исчезали за дверями.

Иногда к ним успевали подбежать женщины, приехавшие в Купавину из деревень на целый день. Они бросались от вагона к вагону и, срываясь на крик, спрашивали:

— Федора Голошапова нету у вас, родимые?

— А Николая Слезина?

— Нету, тетеньки.

И бабы, захлебываясь слезами, шли рядом

с отправляющимся поездом, тоскливо глядели ему вслед.

Афоня стоял в стороне, задумчиво провожая составы, и старался постичь войну. В доброе время все население Купавиной легонько бы уселось в один пассажирский поезд. А теперь вот такие переполненные поезда идут друг за дружкой по разным дорогам.

Какая же она там, война? Сколько же берет она насовсем и сколько калечит?

И не мог представить.

Прошел сентябрь. Солнце по-прежнему дарило светом, но все чаще набегал холодный ветерок, а ночью коченела под седым инеем земля. Школьные заботы призвали старших Афониних друзей к своим делам, а других — помельче — матери заперли по домам, чтобы через обманную погоду не подхватили сопливую хворь. После работы и в выходные купавинцы спешили управиться на огородах, перебрать и опустить в ямы картошку, насолить капусты, запасти топлива, загодя вывезти сено.

Только делалось это все торопливо, без веселья и радости, которые в прошлые годы и соседей мирили, и скрашивали осень. Ни песен, ни шуток, ни гулянок с устатку.

А осень, одаренная бабьим летом, увернувшись от затяжного ненастья, щедро расправляла свой разноцветный наряд. Первыми вспыхнули фальшивой позолотой осинники. Но бойкий ветер живо распознал их ненадежную красоту, в неделю сорвал большой некрепкий лист и разнес его по ближайшим парам на утеху зайцам.

Дольше месяца бушевала осень. Но под северным ветром дрогнула однажды золотая кольчуга веселых березников. Всему свой черед. Не прошло и недели, как облетели березы. На утеху дикому ветру остался на дорогах лишь соломенный мусор, пока холодные дожди не прибили и его, не смешали с грязью колесами телег да конскими копытами. И тогда неугомонный ветер заметался над людским жильем, озоруя ночами по печным трубам, то ухая филином, то мяукая по-кошачьи.

После такой-то осенней ночи, когда купавинцы вышли из домов навстречу морозному утреннику, они и увидели на станционной площади беженцев. Сразу бросилось в глаза, что среди них не было мужчин, если не брать в счет несколько стариков. Только женщины и дети. Тихие и скорбные, сидели они на своих узлах и чемоданах, надев на себя всю одежду, какая у них имелась.

Ночной эшелон высадил их, и они, не смея нарушить покой людей, промерзшие, измученные, покорно ждали своей судьбы.

И враз всколыхнулась Купавина. Не дожидаясь казенного распоряжения, купавинские бабы за час распорядились по-своему: не спра-

шивая хозяев, разобрали их пожитки, растащили беженок с ребятишками по своим домам, хоть и не чаяли, что с ними делать. Знали: первым делом людям надо тепло.

Через два-три дня все утряслось. Но никто не почувствовал облегчения. С беженцами в дома опять заглянула война. Редких из них обошла в дороге беда: у кого-то при бомбежке убило ребенка, кто-то получил увечье, кто-то потерял родных, а кто и остался в чем есть, в чужом краю это казалось не лучше смерти. И самое тяжкое — ребятишки, которых дорога сделала сиротами.

Станционные, не умея поставить себя на чужое место, немели от их рассказов:

— Вот она какая есть, война-то!..—вздыхали, когда отходили от страха.

А какая, все равно до конца понять не могли.

6.

Холода ударили сразу. Зазвенела не прикрытая снегом земля. В такой день, уже затемно, и забежал к Ялуниным солдат из остановившегося воинского эшелона. Худой, долговязый, небритый, заоченевший от холода. Обмотки, туго охватившие тонкие ноги, телогрейка с короткими рукавами, из-под которой выглядывала засаленная гимнастерка,— все не по росту,— делало его худого еще заметнее. Поздоровался, скользнув по всем невидящим взглядом, выдернул из-за пазухи пару теплого белья, спросил:

— Булку хлеба дадите?

— Ой, господи! Ты сядь,— испугалась хозяйка.— Куда это ты такой?

— Туда, тетка,— ответил он резко и грубо.— Есть хлеб-то? Не надевал еще,— кивнул он на свой сверток.

Ялунина бросилась на кухню, вытряхнула из чугунок на стол остатки холодной картошки, отломала кусок хлеба, налила кружку молока.

— Иди сюда!

Солдат прошел, стянул пилотку, налезавшую на самые глаза. Сел на краешек табуретки:

— Ешь! — приказала.

— Некогда мне...

— Убери за пазуху белье-то,— посоветовал сам Ялунин, стоявший у косяка.

Солдат подвинул к себе молоко, откусил от нечищенной картошки.

— Что это так оголодали? — робко спросила сама.

— Дорога...— неопределенно отозвался солдат.— Час едем, два стоим. Перебиваемся кое-как... Дней через десять, может, доберемся.

— Нечто там лучше будет? — спросила, а сама и не знала, где это «там».

— Поглядим...

В минуту солдат управился с молоком. На столе оставалось еще несколько картофелин, полкуса хлеба. Он с сожалением смотрел на еду. Опять вытащил белье.

— Возьмите.

— Бог с тобой! — замахала в страхе Ялуни-на. — Ты забирай остатки-то с собой. А белье-то надень, вишь посинел.

— Спасибо, — встал солдат, засунул картофелины и хлеб за отворот телогрейки вместе с бельем. Оглядел всех, увидел в глазах жалость, смутился: — Вы того, не думайте чего-нибудь такого, ну... в общем, доедем до места, ничего нам не сделается. А там работа такая, отогреемся. — И уже в дверях обнадежил: — Только не сомневайтесь — его одолеем. Без того нам возврату нет. Прощайте!..

И убежал, надолго оставив в доме тишину.

Ветер перемешивал дождь со снегом. На станции, туго забитой поездами, в молочной круговерти, едва пробиваемой скудным светом электрических фонарей, день и ночь шевелилось солдатское месиво. И сторонний человек ни за что не разобрал бы, какой эшелон уходит, какой будет стоять, чем заняты солдаты тут, на глухой, придавленной непогодой, станции. И только в один из последних октябрьских дней Кулавина проснулась, разбуженная непривычной тишиной. Взглянула в окна, выбежала на улицу. Вставало ясное утро. Небо очистилось, открыв голубую вышину. А земля притихла под мягким снежным покрывалом, словно боялась пошевелиться и показать вчерашние замерзшие колдобины на дороге да грязь в оградах.

Ушло ненастье — посветлело на душе у людей. Всякие нехватки становились уже привычными, и бабы научились не забирать хлеб за три дня вперед.

На станции появилось много незнакомых ребяташек. Афоня примечал их не только потому, что хорошо знал купавинских, но и по тому, как они держались. Среди них сразу выделил одного. В магазине он появлялся каждый день через полчаса после того, как школьники пробегали домой. Выкупив хлеб, он выбирался из магазинной толчеи, проверял — в порядке ли карточки, и только тогда отправлялся домой. Был он малорослый, серьезный не по годам, а самое главное — один глаз у него прикрывала черная тесемка. В ребячьи игры никогда не ввязывался, только иногда останавливался на несколько минут, наблюдая издали.

Как-то завозился Афоня возле своей сторожки с березовой чуркой — не поддавалась сучковатая топору. Потный Афоня распрямился, чтобы перевести дух, и тут же почувствовал сзади легкое прикосновение. Обернулся. Перед ним стоял тот самый мальчуган.

— Подержите сетку, дайте топор, — сказал вместо приветствия.

Афоня, уступая, спросил:

— Откуда такой кавалер?

— Из Орши, — ответил паренек и стал прилаживаться к полену.

— Звать-то как?

— Петрусь.

— Петро, значит?

— Ага.

— И, поди, фамилия есть? — ласково любопытствовал Афоня.

— Жидких.

— Слабоватую ты себе фамилию выбрал.

Паренек резко взмахнул топором, всадил его в чурбак. Повозившись, вытащил топор, снова ударил и развалил чурку пополам. Взглянул на Афоню с плохо скрываемой гордостью.

— Эвона, как! — удивился Афоня. — Выходит, фамилия-то у тебя вовсе и не твоя.

— Почему это?

— А потому что и не жидкий ты вовсе. Такую колоду одолел, — явно преувеличил заслугу мальчугана Афоня.

— Я вообще-то сильный, — сказал Петрусь. — С первого класса физкультурой занимаюсь.

— Ишь ты! А сейчас в каком?

— В четвертом.

— Давно приехали-то?

— Больше месяца.

— Глянулось на нашей станции или нет?

Петрусь вместо ответа пожал плечами.

— Ничего, — успокоил сразу же Афоня. — Вот лето придет, такую ласковую землю увидишь, век не забудешь.

— До лета еще дожить надо, — вдруг по-новому, серьезно отозвался Петрусь.

— Как не дожить, обязательно доживем: после зимы всегда лето идет, — ободрил его Афоня и замолк, подавленный неребьячьей мудростью мальчика. Но сразу преодолел себя. — Айда-ка ко мне чай пить, чайник вскипел. Дома-то не заругают, что долго в магазин ходишь?

— Да нет... — ответил Петрусь, но заходить в сторожку не торопился.

— Тогда и горевать не о чем! — весело сказал Афоня и тихонько подтолкнул нового знакомого к двери.

...Скоро Афоня уже знал, что два месяца назад, простившись с отцом, мальчик вместе с матерью уезжал из дымной от пожарищ Орши. В тот день и кончилось его детство. Уже через неделю, за Смоленском, когда эшелон беженцев разметало взрывами бомб, мать нашла его окровавленного, почти без признаков жизни. И лишился он сознания не от боли, а от ужаса, хотя и не миновал ранения: черная тесемка скрывала вытекший глаз.

После той бомбежки Петрусь с матерью несколько дней шли пешком, пока не подобрала их попутная военная машина, ехавшая почему-то не на фронт, а в тыл.

Под Москвой их снова посадили в эшелон и, минуя Москву, привезли прямо в Купавину.

— Отец-то где теперь? — спросил Афоня.

— Воюет, — ответил Петрусь.

— Не писал еще?

— А куда ему писать-то? — удивился Петрусь. — Мы ведь в Сарапул ехали. А теперь — здесь... А где папа, тоже не знаем...

Петрусь замолк. Молчал и Афоня.

— Мать-то устроилась на работу?

— Устроилась. На вагонный участок. Только уходит рано и приходит поздно. А я за хлеб отвечаю.

Провожая Петруся, Афоня наказывал:

— Ты забегай, Петро, ежели нужда какая объявится. Посоветуемся.

— Хорошо, — весело откликнулся Петрусь, и Афоня впервые увидел, как он побежал бегом. Уже издали услышал от него:

— Спасибо!

— Ничего, Петро, — тихо проговорил Афоня вслед. — Обязательно доживем: после зимы всегда лето идет...

А немцы рвались к Москве. И, может, впервые все почувствовали, как близка она от Купавиной. И ждали, ждали того главного, что повернет войну в обратную сторону. Не могло быть иначе! Эшелоны тянулись все на запад, на запад, загораживая дорогу встречным поездам. Солдаты уже не отходили от вагонов, только ворчали зло на дежурных, будто они виноваты за вынужденные задержки.

Зима понемногу добавляла снега, день ото дня набирали крепость морозы, скрашивая утренники мохнатыми куржаками — зимними инеями.

К Афоне забежал Петрусь.

— Здорово, Петро! Как раз к чайку поспел, — приветливо встретил его Афоня. — А у меня пареная калина есть: чистое варенье!

— Да нет, — смутился Петрусь. — Погреться я. Хорошо у вас, тепло.

— А дома-то холодно, что ли?

— Холодно. Дров почти нет. Уголь срезали, полтонны дали на всех. А зима-то впереди.

— Верно, впереди.

Афоня подвинул к Петрусью кружку, сам положил в нее калины. Скоро мальчуган разопрел от чая, расстегнул пальтишко. Поделился:

— В пальто и дома не холодно. Только классные задания выполнять трудно. Руки мерзнут.

— А ты часок-другой похлопочи, дров-то сам и запаси. Вот и будет тепло.

— Где их возьмешь? Все мерзнут. Даже в школе в пальто разрешили сидеть.

— А мы обманем зиму-то, не трус, Петро. Завтра после школы прибегай ко мне. Только санки захвати.

На другой день Петрусь явился не один, а с двумя мальчиками. У всех были санки.

— Артель собрал? Молодец! — весело встретил их Афоня. Он уже был готов, подпоясал полушубок веревкой, шею повязал по воротнику стареньким дырявым шарфом, держал в руке большие собачьи рукавицы.

— Эдик и Глеб из Москвы, — знакомил Петрусь товарищей с Афоней. — Больше недели здесь живут. Тоже мерзнут.

— Погодите, нынче все согреемся, — обнадежил Афоня.

Опираясь на суковатую палку, возглавляя ребячий обоз, Афоня шествовал по Купавиной. Переставшие всему удивляться, купавинцы невольно останавливались: никто из них не видел, чтобы когда-то Афоня зимой отправлялся в путь дальше, чем до конторы ОРСа, где он получал зарплату. Женщины смотрели вслед и по доброму объясняли:

— Опять старик чего-то удумал, дай бог ему здоровья! Сам на трех ногах, а все с ребятами, все с ними.

Возле бани Афоня повернул в сторону березовой рощи. И удивился:

— Кто-то опередил нас. Смотрите, дорожка протоптана.

— А здесь хоронят, — объяснил Петрусь.

— Кого хоронят?! — удивился Афоня.

— А всех, кого придется, — говорил Петрусь. — Только вчера какого-то дяденьку закопали: на станции умер. Проезжий.

— Вон что...

Больше Афоня не спрашивал. Тихонько шагнул вперед. Высокие березы в одиночку и стайками стояли недвижно, боясь пошевелиться под пуховым покровом куржака. Росли они в роще редко, и, видимо, у каждой была своя судьба. Иные тянулись в небо, тесно прижавшись друг к другу. Другие же от самого комля отстранялись в сторону, словно повздорили еще в молодости и за долгую жизнь так и не помирились. Еще больше отличались друг от друга одиночки. Вон ту когда-то пригнул ветер к земле, и она, перепуганная, почти по самой земле стлала свой ствол, только потом насмелилась, упрямо устремилась вверх. А недалеко от нее, такую же непослушную, ветер надломил в сердцах. Но она справилась с увечьем: рану затянуло некрасивой большой шишкой-опухолью. И хотя ствол сильно искривился, она жила, как живут горбуны, перестав сетовать на свою судьбу. Были и гордые одиночки-красавицы. Устояли в свое время. Но и этих берут годы, незаметно подкрадывается старость: зеленые плети их давно тянутся к земле.

Снежная тропка вывела путников на небольшую полянку, на которой рядком, укутавшись снегом, обозначая себя невысокими столбами и крестами, притихло до десятка холмиков.

— Все приезжие? — тихо спросил Афоня.

— Все.

Афоня снял шапку, задумавшись, потом заторопился:

— Теперь без дороги пойдем, ребятки, собирайте силушку.

За рошей начинались болотинки. Афоня вел ребят высокими взгорками, где снегу было меньше и шагалось легче. Через час добрались до леса. Почти у самой опушки Афонины спутники запутались в чаще, с хрустом и треском проваливаясь в снег.

— Вот вам и дрова, молодцы!

Афоня выдернул из-под неглубокого снега

сушину, отряхнул ее, ловко обломал сучки. Ребята сразу сообразили, что к чему, весело принялись за работу. Не прошло и получаса, как три возка сухарника, крепко стянутые веревками, были готовы. Связал Афоня охапку и для себя.

— А волки здесь есть? — спросил Глеб.

— Для них еще пора не пришла. Они потом загуляют, — ответил Афоня. — А пока можно без опаски ходить...

На следующий день мимо Афониной сторожки прошествовал целый санный поезд. Десятка два ребяташек, которых по Афониному совету возглавлял Васька Полыхаев, отправились в

лес. Смотрели на ребятишек купавинцы и радовались: до чего же добрые мужики растут, в нужде только и разглядели, какие они помощники.

...Недолго баловала зима ясными днями. Враз засвистела шальными ветрами, завьюжила беспросветными снегопадами, перехватила метровыми сугробами дороги, завалила лесную чащу до неприступности. И тогда посоветовал Афоня Петрусью взять ведро и сходить на станцию.

— Только днем иди, а то под поезд угодишь,— наказывал он.— Пойдешь меж путями и наберешь угля. Много его с платформ-то сваливается.

Петрусь принес со станции полных два ведра. За ним потянулись и другие ребята. А через неделю милиционер Силкин, заглянув к Афоне в сторожку, нервно крутил сигарку и жаловался:

— Какая-то холера научила малышню по станции ползать: вместе с углем весь мусор собирали. Понимаешь? Не жалко, конечно, но ведь задавит какого-нибудь полоротого, начальство заездит. Чистая беда! — И просил почти жалобно: — Хоть бы ты им приказал, как ихний руководитель...

Афоня сочувствовал, угощал Силкина кипятком, в просьбе не отказывал:

— Остепеню ребятишек.

И только появилась возле сторожки ребятня, упрекнул всех сразу:

— Сколько раз учил: не попадитесь на глаза Силкину! Вся хитрость у вас вымерзла. Когда воевали, так где надо и где не надо дозоры выставляли, а тут от одного Силкина укрыться не можете. Этаким позор! Мне за вас, можно сказать, выговора летят...

Ребята виновато молчали.

Силкин после этого не приходил.

7.

В самый вьюжный день долетела до Купавиной весть о разгроме немцев под Москвой. Легче показались и нужда, и думы, точившие хуже всякой болезни.

Отправлялись со станции эшелоны на запад, с места набирая скорость. Заиндевелые теплушки взрывались веселым солдатским хохотом, а то и звонкой песней под перебористые гармошки. И только зима вдруг сдурела. Без роздыха неделями загуляли бураны, напрочь скрывая все дороги, останавливая железнодорожные составы. Купавинские путейцы не слезали со снегоочистителей, в них спали, в них ели. С рассветом в домах оставались лишь старики да старики с малыми ребятишками, а бабы, не ожи-

дая приглашения, собирались в бригады и торопились на железнодорожные пути. К полудню, отменив в школе уроки, освобождали от занятий школьников, и малая их силенка, как свежая капля крови, вливалась в труд старших. Как на фронте, дважды, трижды в неделю Купавину поднимали по тревоге ночами — отбиваться от внезапных буранов. А если стояли в это время на путях воинские эшелоны, то и солдаты брались за лопаты.

И шли, шли на запад эшелоны.

Нет! Не могло быть из-за купавинцев задержки в победе!

Холода загнали ребятню в дома. В школе редкий день не отменялись занятия. И двери Афониной караулки, занесенной с трех сторон снегом под самую крышу, тоже открывались от случая к случаю.

К февралю отпустило. Но улица Купавиной не зазвенела шумливыми ребячьими голосами. Мальчишки ходили в клуб, не пропуская ни одного боевого киноборника, — по привычке табунились возле Афони, рассказывая про войну и подвиги. Но глаза их оживлялись ненадолго. И тогда Афоня видел, какими маленькими стали их личики, обтянутые тонкой и бледной кожей.

Давно еще, перед ноябрьским праздником и перед новым годом, в магазине по карточкам выдавали по литру разливной водки. С той поры водка нетронутая хранилась в четверти под Афониним топчаном. Промтоварные талоны Афоня использовал тоже аккуратно. Там же, под топчаном, в деревянном баульчике под белишком хранилось два куска сатина на рубашки, ненашенные рабочие ботинки на кожаной подошве, пробитые медными гвоздями, каких теперь уже не делали. И еще глубокие женские калоши (их однажды продавали по промтоварной карточке: не отказываться же!). Кроме того, ненадеванной лежала спецовка последней выдачи: телогрейка и ватные штаны. Даже пол-литра разливного одеколona имелась: его тоже продавали как-то раз, и не по карточкам, а по спискам, — кто хотел, тот брал. Словом, кое-что в запасе было.

Попросив у Петруся саней, Афоня по первой же оттепели сгрузил на них свои богатства и отправился на базар. Как и большинство продавцов и покупателей, деньги он не признавал, а полагался только на обмен. Ему повезло: домой он привез пуд ржаной и полтора пуда грубого помола овсяной муки. Да еще в придачу две палочки настоящих дрожжей.

И уже на другой день маленькая железная труба над его сторожкой весело задымила. На Афонино тепло потянулась ребятня. А хозяин сторожки хлопотал возле своей раскаленной буржуйки в одной рубашке. На плите потрескивала сковородка. Рядом стояло ведро с квашней. С виду лепешки получались темноватые (к на-

стоящей муке была добавлена овсяная, да и картошка), но прямо со сковородки они казались необыкновенно вкусными. И припасов у Афона от такой стряпни убавилось совсем немного, а по большой лепешке хватило почти всем маленьким гостям.

Первые, кому досталось угощение, долго у Афона не задерживались, а встретив на улице своих приятелей, сообщали:

— Афоня лепешки печет для нас! Идите к нему быстрее.

И узнавшие новость торопились к караулке.

Весь день прохлопотал Афоня со стряпней, даже не поспал перед дежурством. Зато на душе было хорошо. А понятливая ребягня оставила после себя прочищенную дорожку к магазину, наколотые и аккуратно сложенные в поленницу дровишки.

Купавинцы, недавно расставшиеся с деревней, как и отцы их, называли весну подберихой. Наверное, рождением своим название это шло от вековой людской приглядки: во все времена с весны тощали в подпольях сусеки, показывалось дно хлебных ларей, пустели бочки с солоньями. Про купавинцев и говорить нечего: если они и утратили в последние годы какие-то старые привычки, то прежде всего запасливость. Поэтому подбериха и явилась к ним первая.

Враз захворал счетовод с путейского околотка Семен Хрулин, мужик веселый, заядлый балалаечник, хотя на руках и ногах целых пальцев было только половина — в жениховской поре еще отморозил их, когда с гулянки шел из соседней деревни по бурану. Маленький, сухонький Семен за неделю вздулся до невозможных размеров. Сказывали, доктора втыкали ему под кожу водосборные иголки, длиннее мешочных, по ведру выцеживали за день, а он все равно умер.

Конюх Нагуман Садыков наелся дохлой конины тоже не от добра. И хоть не умер, а больше месяца мается брюхом, и никакие лекарства не могут унять хворь.

А солнце, ослепительно яркое, хоть и холодное, властно призывало к жизни. И враз всякое тряпье, предмет самых больших забот и признак неподдельного богатства семьи, потеряло цену. Бабы, у которых в сундуках по пятнадцать годов лежало нетронутым свадебное приданое, вытаскивали на свет и подвенечные платья, и плетеные скатерти, и простыни, подбитые покупными кружевами, старинную выходную обувь — все переправляли на базар.

Афоня тоже с опаской приглядывался и к своим запасам, и к обманчивому солнышку, и к ребятишкам. Не все из прежних приходили к нему в сторожку. Спрашивал про них у других и получал один ответ:

— Дома сидят.

Не утерпел Афоня, стал заглядывать в дома

под разным предлогом: понял — отощал его маленький народ, потерял всякий интерес к улице. Стряпать Афоня не перестал, но теперь ходил с гостинцами только в те дома, где совсем было худо.

Но видел и то, как обмяк снег, примечал днем ручейки, пробивавшие себе дорогу в наезженных колеях, знал: весна совсем близко. Отправляясь в свои недалекие походы, все чаще присаживался где-нибудь на скамеечке, не в силах без роздыха преодолеть все расстояние.

И вдруг прилетели грачи, и сами известили об этом. Афоня вышел из своей караулки, с прищуром вгляделся: на голых березах, поодиночке подступающих к огородам, чернели долгожданные посланцы тепла.

— Ну, вот она и пришла, весна-то...

А у самого шибко колотилось сердце, с болью наполняя грудь радостью, что зима миновала и дорогая его рать, которая сейчас весело шмыгала носами и утирала рукавами сопли, пережила ее стойко, как и подобает настоящим мужчинам.

— Что там у вас, Петрусь, дома? Все еще с мамкой мерзнете?

— Нет, уже тепло! — весело откликнулся тот.

Видел Афоня и то, что за эту зиму дружки его не просто выросли, а немножко постарели. И думал, что только после этой зимы они если не умом достигнут, то сердцем почуют, какая трудная бывает жизнь, каким сильным надо быть, чтобы устоять в ней в лихую годину.

Едва спустило снег, Афоня, прихватив свою суковатую палку, пошел в березовую рощу. Встретило его высокое солнце. Потемневшая прошлогодняя листва, придавленная к земле мокром, припахивала теплой прелью. Нагие еще березы стояли тихие, но уже отвечивали в ярком свете влажной испаринкой, выступившей на сучьях и ветвях перед пробуждением. Роща просматривалась от края до края, и Афоня без труда отыскал темные холмики в самой ее глубине. Подошел. И удивился, как много прибавилось зимой к первым. Как и Афоня, удивленно глядел на могилы вынырнувший на свет молодой подснежник.

Казалось, обо всем в Купавиной знал Афоня, умел и мелочи разглядеть в мирской суете, а вот когда хоронили в березовой роще, не видел, — будто прятали людей. И сколько еще положит сюда война?..

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ЛАЗЕР СМОТРИТ В НЕБО

*Репортаж из института,
в котором изучается способность атмосферы
пропускать свет лазеров*

*Тот, кто светильники звезд зажигает
В небесной дали,
Ждет с нетерпением:
когда ж запылает
Светильник земли.*

Р. ТАГОР.

**Юрий
ЛИПАТНИКОВ**

Институту оптики атмосферы Томского научного центра нет и десяти лет. Как создавался этот оригинальный институт? Вот пунктирно его предыстория. Двадцать лет назад трое сотрудников лаборатории спектроскопии Сибирского физико-технологического института при Томском университете во главе с Владимиром Евсеевичем Зуевым стали исследовать то, как распространяются электромагнитные волны оптического диапазона в атмосфере. Через несколько лет росток этого научного направления окреп — была создана лаборатория инфракрасного излучения. А в эту пору начался в стране лазерный бум. Он не минует и томичей. И в Томском университете открывается кафедра оптико-электронных приборов. В 1969 году организован институт оптики атмосферы. Его директор — член-корреспондент Академии наук СССР В. Е. Зуев.

Не было раньше больших забот о том, как летит свет в подлунном мире на большие расстояния. Надо было, скажем, осветить в небе, чтобы увидеть, что там в ночи — птицы ли, самолет ли, — включали прожекторы. Потом пришла эпоха радиолокаторов. Радиоволны свободно гуляют от континента до континента. Зачем было сильно напрягаться, познавать пропускную способность атмосферы, если радиоволны летят в околосемном пространстве, не ведая неодолимых преград. Не то — с электронным излучением высокой частоты, то есть с лазерным светом. Он «вязнет» в небесах. Вот отчего под Томском создан институт: добиться, чтобы лазерный свет взлетел над планетой легко и свободно, как летят от Солнца лучи... Ведь лазер — это не игрушка, которой поиграет, поиграет наш пресыщенный век да выбросит. Лазер — свет, идущий от человека. И люди понесут этот светильник в самые глубокие провалы незнания, и высветят тайны природы, и например, такую: как делается погода!

С лазером над облаками

Мы идем от здания аэропорта к специальному самолету, на котором установлен световой локатор, или как его еще называют — лидар. Взъерошенные на ветру, мы шагаем по бетонному полю и, конечно, видим то, что всегда бывает на аэродромах в лихую погоду. Пассажир с портфелем в одной руке, с авось-

кой в другой семенит за шляпой, которая уверенно удаляется от него длинными прыжками...

— Они топают на «Ту», — кивает в сторону пассажиров лаборант Сергей Панов, — им ветер на такой машине — тьфу! а с нами он сегодня поиграет!

Уверен совершенно, что мои спутники — Сергей Панов, младший научный сотрудник Анатолий Гришин и инженер Геннадий Толмачев — не думают сейчас в романтическом духе о том, что вот, мол, спешим мы

не на борт комфортабельного лайнера, а к выстуженному «Илу», и что полетим не в Сочи на курорт, а будем болтаться ночью на бешеных ветрах, чтобы испытывать светоносную технику, о которой еще узнают люди... Многие ли слышали, к примеру, о том, что ветер можно регистрировать, как сейчас «ловит» металлолических и живых птиц радиолокатор. Я иду в экспериментальный полет с парнями, которые и хотят дать поскорее авиации именно такие чуткие метеорологические приборы...

И вот мы уже забрались на километровую высоту, где ярится ветрище. Ущербная луна едва-едва освещает летящее поле серых облаков. Что ищешь, глядя через иллюминатор, в этом безрадостном поле — человека, затерявшийся домишко со светом в окне? Слово бы может случиться такое, что придется идти на этот заранее приисканный огонек по буграм облаков, задыхаясь от ветра и одиночества... Э! Как крепко, и в самом деле, подкидывает! «Ил» вдруг проваливается так, что у меня перехватывает дыхание...

Анатолий Гришин кричит: «Вниз смотрите!» Автоматически отодвигается люк и я гляжу себе под ноги, куда нацелен двуглазый лидар, — в пролетающие под нами клочья облаков. Трубы светового локатора (лазерная и приемная) выглядят внушительно, артиллерийски. Анатолий включает лазер. Световые импульсы зачастили, улетая вниз, и я вижу, как на грозную круговерть облаков легло весьма будничное обыкновенное пятно света. Свет — не человек, может опереться и на раздерганное ветром облако, и даже оттолкнуться от него, отразиться. Кстати, вот это и есть принцип световой локации.

— Начали работать! — это Анатолий Сергею, выполняющему в расчете светового локатора роль как бы наводчика. Сергей запрашивает у радиста высоту. Залетели уже подходяще, можно зондировать, и Анатолий включает вновь лазер. Свет слетал к облакам и отраженный попал в око приемника, затем этот слабый отсвет проскакивает на фотоэлектронный умножитель (он ловит даже мигание далеких звезд), потом эхо-свет преобразуется в электрический сигнал, и в результате появляется на экране осциллографа кривая зеленого цвета. Во имя этой зеленой змейки и весь наш полет. В ней — сведения об атмосфере. И расторопно стучит кинокамера, запечатлевая все па танцующей змейки.

Много будут летать эти парни, и сверкать в небе лазерным лучом, и копить наблюдения, чтобы в хаосе информации разглядеть закономерности взаимодействия лазерного излучения и атмосферы, чтобы появились серийного производства лидеры, способные на расстоянии измерять направление верхового

ветра или плотность облаков...

- Высота?
- Четыре тысячи.
- Дай свет!
- Даю свет.
- Высота?
- Пять тысяч.
- Свети!
- Свечу.

Парни надевают кислородные маски. На пяти тысячах дышать в разгерметизированном самолете трудно. Эксперимент продолжается. Светоносный самолет по спирали ввинчивается в небо, в неизвестное...

И никаких гвоздей!

Парни, с которыми мы только что познакомились, — из института оптики атмосферы Томского научного центра. Войдем в это уникальное научное учреждение... Впрочем, вначале вспомним то, что мы когда-то где-то читали о квантовой электронике...

Эта наука была основана на идее А. Эйнштейна, которую он высказал шестьдесят лет назад: вещество вынужденно испускает свет... Первый оптический квантовый генератор появился в 1960 году. Тогда распространилась мысль: решительно все земные вещества могут генерировать свет, и отысканные уже сотни таких сияющих веществ, кажется, подтверждают употительную догадку. Физики шутят: если молекула не испускает кванты света, то надо разобрататься в том, отчего она не светит, в конечном счете она должна светиться. Сказал же поэт: «Светить. И никаких гвоздей!». Все светится, и человек тоже, только не всякий свет видим.

Лазеры «возмутили» оптику два десятка лет назад. Чем эти популярные устройства отличаются от факелов, свечей, фонарей и электрических лампочек? До появления лазеров все источники света излучали безалаберные колебания, проявляли не очень-то высокую внутреннюю дисциплину светящего вещества. Такое развратное сравнение... Представьте, оживленная толпа. От нее доносится гул. Каждый говорит, когда вздумается, умоляет, когда ему захочется, все повышают и понижают голос тоже стихийно. Очень похоже работает обыкновенная электрическая лампочка. Она дает несогласованный свет. Атомы, из которых состоит нить накаливания, светят, когда кому нравится, и с различной частотой. Теперь — вторая половинка сравнения. Оживленная толпа, которую мы только что придумали, — не просто толпа. Вышел маэстро — началась репетиция. Толпа стала хором. Гул сменился стройным

пением. Как поет хор, так действует и лазер. Он светит когерентно-строго направленно и в узком диапазоне волн. Оттого-то лазеры — неистовые светоносцы, орудия дальнего света. Их лучи могут быть сфокусированы до толщины одной тысячной миллиметра и меньше, и они не расходятся, пролетая весьма большой путь. До появления этих приборов-светогонов человечество, если смотреть на него с космической точки зрения, было лишь безоглядным потребителем света. Когда же провели зондирование лазерным светом Луны, тогда и Земля стала светильником, подарив лучик света Вселенной. И какой лучик! Излучение лазера мощнее солнечной радиации в миллион раз. Оно сжато, о нем лучше сказать, применяя музыкальный термин, — это крещендо, физическое крещендо! Или: лазерный луч — это крик света...

Однако прославленные лазеры неидеальны. Их КПД все еще меньше, чем у паровоза, раз в шесть или в семь. То есть он даже менее одного процента. Значит, дорого обходится световая дисциплина? Да. Лазер мечет молнии, которые не уловить глазом, но и экономически неозабоченный глаз замечает: если этот дорогой прибор не будет занят решением самых трудных технических проблем, то он — непозволительная роскошь. А лазер может многое: обеспечить безопасность автомобильного движения и посадку самолетов, проводку кораблей по коварному фарватеру, а также он сможет помочь прогнозировать погоду. Оптический радар способен определять концентрации атомов, скажем, калия, натрия или алюминия на расстоянии десятков километров. Такой радар в отличие от обычного далеко видит молекулы. Легко выговариваются такие вот достижения техники, но ведь это самое настоящее чудо зоркости, о каком и в сказках-то сказать люди не успели, а оно уже наяву!

Лазерный свет способен испарить любое вещество. Лаборант будущего сможет определять химический состав грунта в заданных точках поверхности планет, не покидая не только Землю, но и рабочую комнату. По спектру сожженных лучом инопланетных веществ он узнает об их химическом составе. Еще и еще примеры применения высокоорганизованного света — лазерного. Это обработка материалов. Другое: воздействие на человека с лечебными целями. Это беспроводная передача энергии, возможно, и на другие планеты, где будут поселения землян. Это и связь, и телевидение на лазерном излучении. Без труда читатель добавит к этому реестру профессиональных интересов яростного луча другие. Нас же сейчас интересует применение лазера в атмо-

сфере, потому мы и хотим войти в институт оптики атмосферы, что находится на лесной окраине старинного сибирского города...

Золотой корень

Не всяк слышал, что Томский университет — первый вуз Сибири, и что он готовится отметить столетие. В этом учебном заведении есть свои достопримечательности — библиотека с крупным «ядром» редких книг, ботанический сад, роскошная оранжерея и богатый гербарий с полумиллионом образцов растений.

Ботанический сад — это не только великолепный музей живой природы, в который непременно приходят гости города, он и активный распространитель растений по всей Сибири. Здесь, к примеру, завершено введение в культуру целебного золотого корня. Но есть у томичей и более ценный золотой корень — это преемственность добрых деяний.

— Школа сибирских ботаников пошла от Порфирия Никитича Крылова, — это меня ведет по знаменитому гербарии университета профессор Антонина Васильевна Положий. — А сам Порфирий Никитич был самоучкой. Лишь после революции он получил звание профессора. Его пригласили в Томск разбить ботанический сад при новом университете. Это было почти сто лет тому назад... Порфирий Никитич укрупнил задачу. Заложил сад и питомник лекарственных растений. А главное — стал систематически изучать растительность Сибири, а также создал большой гербарий. Придумал разумнейший способ хранить растения. Они вечно будут целы в этих коробках и папках. Здесь постоянно работают и ученые, и студенты. Подобного гербария нет во всей Сибири и на Дальнем Востоке. Дело Порфирия Никитича продолжила Лидия Палладиевна Сергиевская. Она более сорока лет верно служила гербарии...

У меня тут все само собой и объединилось: с одной стороны, Томский университет, его ботанический сад и гербарий, а с другой — институт оптики атмосферы. Может ли быть страшнее беда, если многие неоценимые растения Сибири, хотя бы и золотой корень, погубит вал технизации, и останутся они только в аккуратных коробках этого достопамятного гербария? Вон какую машину строят под Томском — нефтехимический комбинат. Когда пустят только его первую очередь, то будет занято на переработке нефти несколько тысяч человек. Гигантское

предприятие наводнит край людьми, поднимет со временем население города тысяч на сто пятьдесят. Богатый химической промышленности разве ж не уронит ни дерева, ни травинки, разве же не разорит ни единого птичьего гнезда, не сгонит с земли зверя? А о растениях говорить: не один десяток сибирских растений — в списке редких, исчезающих. От тревог так просто не отмахнешься, и светлеет взгляд на будущее природы лишь тогда, когда видишь такие вещи, как лидары, когда услышишь от исследователей, что понад лесами и лугами в любой точке пространства уже можно мгновенно засечь то или иное загрязнение. Это значит, быть химическим ли, другим ли заводам, и жить земле вокруг них, а не превращаться в мазутную пустыню.

Заведующий лабораторией зондирования атмосферы кандидат физико-математических наук Игнатий Викторович Самохвалов и его заместитель, тоже кандидат физико-математических наук Анатолий Викторович Соснин сообщают «подкачивают» меня научной информацией о том, что происходит в атмосфере, пронзенной лазерным светом. А происходит вот что: луч лазера жадно поглощает атмосферные газы. Ученые поняли: коли лазерный свет тухнет в густой атмосфере, то по ее реакции на свет можно на довольно-таки большом расстоянии определять ее состав. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Свет лазера вынужден продираться сквозь атомы, молекулы, кристаллы, частицы. Пространство сопротивляется. Физики и научились слушать, как «хрустит» пространство, проломленное лазерным лучом. Это и есть лазерное зондирование атмосферы. Человек иголкой света расширяет небеса.

В институте строится еще один корпус. Я видел в нем два огромных металлических резервуара. Они как дирижабли. Высота самого большого — десять метров. В этих дирижаблях будет летать небо, а не они в нем. В них будут имитироваться разные состояния атмосферы. Например, туман. Такие резервуары и называют камерами искусственного тумана — КИТы. На этих «китах» держится экспериментальная оптика атмосферы.

Что может лидар?

Недавно в Томский научный центр приезжал президент Академии наук СССР академик А. П. Александров. Зондировщики стянули на этот случай в институт самую разную технику с морских и сухопутных полигонов, чтобы во всеоружии предстать перед президентом. Он оценил лидар.

Академик видел «ЛОЗУ-3». Это лидар с ЭВМ. Световой локатор, который может молниеносно определить тот или иной параметр атмо-

сферы. Например, ее градоносность. Оттого в Болгарию отправлен такой лидар, там он перехватывает облака с градом, «подкрадывающиеся» к виноградникам. К слову, лидерами интересуются не только те, кто работает под открытым небом, а и, скажем, металлурги. Что творится в световом пространстве печи, об этом можно узнать, ткнув лучиком света в пламень. Но, конечно, томские ученые мечтают о повсеместном применении их детища, прежде всего, для выяснения взаимоотношений между землей и небесами. Директор института, член-корреспондент Академии наук СССР В. Е. Зуев и свои научно-популярные книги нацеливает на небесную тематику: «Лазер покоряет небо», «Лазер-метеоролог»...

Что еще может лидар? Составить карту загрязнений воздушного бассейна над городом. Такую карту сейчас готовят для Томска. По просьбе обкома партии. Чтобы проверить, насколько жизнеспособен метод светового зондирования атмосферы. До сих пор санитарные службы городов пользуются дедовскими способами контроля воздушных бассейнов — время от времени делаются пробы воздуха, затем анализируются в лаборатории. Лидар ощупывает пространство над городом и сразу ясно: какое предприятие и в каких пределах «очернило» атмосферу. Лидар автоматически высчитывает концентрацию и размер частиц в воздухе. Эта его соколиная зоркость испытана в карьере на Кольском полуострове, где добывают никель.

Надо сказать, что световые локаторы еще недешевы. Но ведь и цена первых радиолокаторов тоже кусалась, однако сейчас эта техника распространилась настолько, что она есть и у метеорологов, и у рыбаков. Будут работать на метеостанциях ближайшего будущего и их сиятельства лазеры, давая сведения о погоде и чистоте воздуха над людьми, над растениями...

Попутно — о будущности световых локаторов. Появятся лазеры с перестраиваемой частотой, станет возможным многочастотное зондирование атмосферы. Иначе говоря, всестороннее зондирование. Скоро промышленность даст недорогие мощные лазеры, они увеличат дальность пролета света. Конструкторы изобретут компактные блоки регистрации и переработки эхо-сигналов. Лидары позволят больше знать об атмосфере до высоты тридцати километров. Не надо летать на самолетах, запускать шары и ракеты, чтобы выяснить обстановку наверху, и то, какие загрязнения всплывают там, в высших сферах. Лет через десять, видимо, станет возможным зондирование атмосферы не только снизу, но и сверху — с орбитальных космических станций. К тому времени световой локатор станет всепо-

годным... Каким образом луч пробьет облака, ведь до сих пор он этого не мог сделать?

Взорванные облака

Лазерный луч — сокрушитель... Об этом его свойстве особый разговор. Мы уже знаем, что лазер преобразует не только технику, но и физическую среду, где пронесит свой сверхсвет. Крайне важно изучать изменения освещенных веществ. И не из одних лишь практических соображений. Вообще наш репортаж из института оптики атмосферы хочется повернуть так: весь этот рассказ, да, о лазерах, но он и о природе лазерного излучения. Есть догадки, что существуют межзвездные излучения лазерного типа. Выходит, звезды сияют, как лазеры! Каким-то образом они накачиваются энергией, летящей из космоса, а потом бурно испускают ее. Значит, человек избрал изобретенное дальним космосом. Значит, лазерный свет в природе всегда взаимодействовал с веществом, и этим вечным явлением наука должна заняться фундаментально.

Есть ветвь оптики — спектроскопия. Ей более ста лет. Кирхгоф нацелил ее на звезды, применив методы спектроскопии в астрофизике. Всякое вещество, сугубо земного ли, космического ли происхождения, испускает, поглощает и рассеивает электромагнитные колебания. Если мы увидели электромагнитную жизнь какого-то тела, то можем судить по спектру о строении и составе этого тела. По изменению спектра можно догадаться даже о том, что происходит в отдельной молекуле. Вещество и свет... Ранее свет был вялым и потому классическая спектроскопия не проявляла сильного беспокойства по поводу неизученности контактов между светом и веществом. Другое дело, когда молекулу стегает немилосердный луч лазера. Тут необходимо понять, что при этом совершается. Настало время учиться светом менять вещество, светом управлять химическими реакциями...

Драматична та физика, что занимается спектроскопией столкновений. Есть такой термин: фотоустойчивость молекул. Нет, он не означает нелюбовь молекул к фотографированию, а он характеризует их способность не разрушаться от сильного света. Снимков взрывающихся молекул я не видел. Все же мне показывали в институте снимки водяных капелек, взорванных лазерным светом. Мне подарили фотографию, на которой запечатлена микротраге-

дия частицы сажи. Она разлетелась на мельчайшие кусочки от лазерного удара. Удаётся снять и кинорепортажи в быстромеменяющемся микромире. В одной из лабораторий института стоит довольно крупный прибор — ждущая лула времени. Это большой барабан с длинным клювом, который и наводили на определенную точку пространства в экспериментальной камере. Затем нужно было исхитриться послать в это место сажинку и тут же без промедления бабахнуть по ней световым импульсом. Все — событие организовано. Теперь его надо увековечить. Никакая киноплёнка не устоит за тем, что происходит в миллионные доли секунды. Поэтому взрывающуюся частицу сажи отражают на зеркальце. Зеркальце с изображением микровзрыва вращают навстречу летящей в барабане киноплёнке. Сложение этих быстрых перемещений и даёт непредставимую скорость киносъёмки — четыре миллиона кадров в минуту. Вот как не просто заглянуть туда, где лазерный свет ломает вещество...

Понимать, что и как в атмосфере сопротивляется лету лазерных импульсов, остро необходимо, чтобы уметь просветлять атмосферу, чтобы пробивать в облаках каналы. Путив в каналы прозрачности лазерный луч, установим оптическую связь с космическим кораблем или даже с другой планетой.

Что ищет в непознанных столкновениях света и вещества фундаментальная наука? На этот вопрос отвечает заведующий лабораторией лазерной спектроскопии кандидат физико-математических наук Владимир Павлович Лопасов.

— Молекулы, живущие в свободной атмосфере, никогда не сталкивались с таким сильным светом — с лазерным. «Дикие» молекулы не встречались со светом человеческой цивилизации... Как же они реагируют на такую неожиданность? Это нас и интересует.

Исследования говорят о том, что молекулы разных газов любят лазерные лучи строго определенной цветовой гаммы, образуя чрезвычайно густой частокол линий поглощения. Знать положение линии этого частокла, научиться определять микроокна прозрачности в хаосе атмосферных газов непрерывно сталкивающихся друг с другом — одна из главных задач лазерной спектроскопии. Тонкий луч лазера, перестраиваемый по цветовой гамме от видимого света до инфракрасного — основной элемент лазерных спектромеров. Ученые продолжают приручать молекулы. Они уже создали лазер с такой молниеносной вспышкой, что молекулы не успевают поглотить импульс. Другие лазеры, с обычным временем свечения, заставляют молекулы захлебываться светом, и тогда часть импульса беспрепятственно проходит

через атмосферу поверх частокла линий поглощения. Атмосфера наполняет огромный резервуар, в котором лазерный луч бомбардирует свободные молекулы и взвешенные частицы — аэрозоли. Долго надо вглядываться в атмосферу, чтобы теоретически исчерпывающе объяснить вроде бы простое явление — как свет идет через воздушное пространство. Одни и те же ступени познания кого-то ведут вверх, к оптимизму, а кого-то вниз, к пессимизму. Усложняющееся (по мере роста наших знаний) представление об оптике атмосферы нас не угнетает, а бодрит. Позволю сравнение: вот активное вещество лазера (рубиновый стержень или из неодимового стекла) накачивают светом, и только изрядно накопив его, прибор выдает мощный импульс. Наверно, исследователи тоже должны спокойнее относиться к напряжению от незнания, а работать и копить это напряжение, и произойдет этот самый прорыв — к новому знанию! Можно, например, помрачнеть надолго от того, что сейчас никому доподлинно не известно, куда уходит в атмосфере энергия лазерного луча, а вернее сказать, как в небе происходит перераспределение энергии. Однако тупик ли это? Нет, просто сия тайна основательно сокрыта природой. Фундаментально сокрыта. И скорее можно выучиться светить лазером без непростительных потерь энергии, чем объяснить, хотя бы удовлетворительно, как мы этого добились. Пространство молекул и атомов поглощает не только свет, но и наши усилия... Нам искаться и искать две истины: как изменяется вещество от воздействия лазерного света и как меняется отношение между молекулами, когда они попадают в световое поле?

Говорят, человеческая мысль летит быстрее света, надеемся, в состязании с ним она добьется успеха...

Угасает день в Томском академгородке. Под высокими березами идут улыбочивые парни — лазерщики, светоносцы...

Памятник первооткрывателю

**Аркадий
ЛОКЕРМАН**

При въезде в город Березовский, недалеко от автодороги на Свердловск, высятся памятник Ерофею Маркову. Часто останавливаются здесь машины, стоят люди, отдавая дань уважения человеку, с именем которого связана важная веха в истории края — открытие золота на Урале. Об этом говорит краткая надпись на пьедестале.

Еще в V веке до нашей эры великий историк Геродот в своей книге о греко-персидских войнах отметил, что на северо-востоке, за Русской равниной, высятся Рифейские горы, где «золото находится в огромных количествах». Основывался Геродот на рассказах эллинов, которые видели у скифов, кочующих от Черного моря до Рифейских гор, много изделий из золота. От поколения к поколению переходили легенды о том, что золото в горах Рифея растет, как пшеница. Летописи показывают, что об этом знали и на Руси и, не имея «домашнего» золота, очень стремились к богатствам Рифея. Осуществилось это лишь в конце XV века, когда Рифей — Урал — стал частью России. Однако стало ясно, что золото там не только не растет, но вовсе не видно его.

Иван III, стремясь к драгоценному металлу, выписал специалистов из венгерской и немецкой земли, обвинив в неудаче домашних рудознатцев. Но и иноземцы не нашли золота.

Прошло почти три века. Росло государство, ширился обмен, все острее становилась нужда в денежных металлах, особенно упорно искали их на Урале и за Уралом. Все цари сулили великие милости тому, кто найдет, и страшные кары тому, кто утаит. Успехи в поиске других полезных ископаемых были достигнуты значительные, особенно при Петре I. Искали и золото, но находили его лишь в виде готовых изделий, при раскопке могильников. Теперь собранная при Петре I коллекция скифо-сибирского золота хранится в ленинградском Эрмитаже.

Украшенный было очень много, единственный и своеобразный стиль их ясно указывал на местное происхождение. Петр приказал усилить поиски, дознаться, «откуда в прежние лета такое золото получали».

Открыто было золото лишь через 20 лет после смерти Петра. И помог делу случай.

В начале мая 1745 года крестьянин Ерофей Марков явился к ссыльному екатеринбургскому мастеру-серебрянику Дмитриеву и показал ему «кремешок ноздреватый», в котором желтelo что-то. Не золото ли?

Дальнейшие обстоятельства известны в подробностях потому, что и Маркову и Дмитриеву сразу же пришлось держать ответ, и протоколы допросов сохранились. Мастер «для пробы, какой металл явится... при нем же Маркове на угле сделал ямку, показанные крупинки в той ямке трубкой на огне продул и явилось золото с четверть золотника». Он же предложил сохранить открытие в тайне и «явиться к самой государыне для того, что за то здесь столько награждения не получить». На том и порешили. Но обойти местное начальство не удалось. Пришлось и золото отдать и показать место, где оно было найдено.

Был Ерофей Сидорович Марков крестьянин, неграмотный раскольник, уроженец деревни Шарташской, расположенной на берегу одноименного озера. Горный начальник Татищев, когда основал в 1721 году город, обязал жителей Шарташской изготовлять ежегодно для заводов пять тысяч кож дубленых и столько же сыромятных, а другими делами не заниматься. Запрет не очень соблюдался, и семья Марковых подрабатывала привычным здесь камнерезным мастерством, каждое лето искали подходящий материал.

При допросах и показал Марков, что золота он не искал, а «едучи... от той Шарташской к Становской деревне, отъехав версты с три, усмотрел... на верху земли светлые камешки, подобные хрусталу, и для вынятия их в том месте землю копал глубиной в человека, сыскивая лучшей доброты камней».

Екатеринбургским начальством

срочно предписано было члену правления Горных заводов Порошину, взяв с собой помощников, «ехать туда в самой скорости, то место осмотреть и разведать копанием», а также «оставить караул и приказать при том оному быть неотлучно, дабы никто оттуда с таковыми знаками камешков не мог ни тайно, ни явно увести».

Однако ни Порошину, ни присланному несколько позже иноземному рудознатцу Маке ничего не удалось обнаружить. Так возникло подозрение, что Марков утаивает действительное место находки. Поначалу Ерофею сулили лишь пряники — объявили, что даже если «и не богатый какой металл изыщется... за то имеет он, Марков, получить из казны довольноное вознаграждение». Но желанный металл все не находился. А скоро прибывшие на место члены правления Юдин и Клеопин заявили, что искать «мнится больше не для чего», поскольку «положение одного места почти плоское, а не гористое и около оно пролегли вокруг болота». Тогда считалось, что золото встречается только в горах.

Тут уж совсем худо Маркову пришлось. Пригрозили ему, что если в двухнедельный срок он «о тех местах подлинно не объявит, то будет с ним поступлено по силе указа». Речь шла о петровском указе о «горной свободе», по которому за сокрытие руд полагалось немедленное телесное наказание и смертная казнь и лишение всех имений». А чтобы он до того никуда не сбежал, в том взять по нем надежные поруки, а буде поруки не даст, то приставить к нему караул,— повелевала казенная бумага.

Марков нашел двух поручителей и это доказывает, что был он человеком, заслуживающим большого доверия. Ведь в те времена, поручаясь, отвечали головой — в самом прямом смысле.

Надо полагать, сильно старался Марков найти золото, но в установленный срок, 5 августа, он предстал перед начальством, вольным чинить суд и расправу, с пустыми руками. И все же снова подтвердил свои слова, заверял, что и раньше «объявил самую истину по евангельской заповеди... а ежели кем изобличен буду, то учинена была бы за то смертная казнь».

Добраться до золота очень хотелось, и порешило горное начальство оставить Маркова под надзором на поруках, обязав его «для совершенного оправдания» продолжать поиски и дважды в месяц являться в правление, «а ежели где обнаружит руду, то ее оставлять в земле для свидетельства».

Местные власти немедленно сообщили о своем решении в столицу, дожив, что «сумление осталося», но с

Марковым «строго или с крепким пристрастием поступить опасно, чтобы другим через то к объявлению руд не воспрепятствовать». Берг-коллегия же предписала надзор отменить, в дальнейшем «с вышеупомянутым Марковым поступать без озлобления», объявить ему, что без награждения в случае успеха и иметь быть впредь не оставлен».

Была также прислана подробная инструкция о послышном опробовании наносов на густой сетке. В ней сказано, что бывает золото, которое «глазами видеть не можно», и с учетом этого предписан порядок обработки малых проб в лаборатории. Их перед промывкой тщательно измельчали, и это, как теперь очевидно, резко увеличивало потерю золота и искажало результат анализа.

Уральское начальство заверило Берг-коллегию, что выполнит предписание «со всею ревностью». Для проведения послышного опробования наносов назначили пробирного мастера Рюмина, предоставив ему «для помощи и указания тех мест означенного Маркова».

Лето 1746 года прошло в трудах без пользы. Потеряв надежду найти золото по стальной методке, к делу привлекли лозоходца по имени Рылка. Считают, что упругие предметы — лоза, проволока, зажатые в руках, приобретают самостоятельное движение, изменение скорости и направления которого, якобы, указывает на что-то, скрытое под землей. Еще Ломоносов назвал применение лозы «притворством» и, тем не менее, время от времени даже в наши дни ее пытаются применить, забывая о многих неудачных примерах, в том числе и о лозоходце Рылке, который целый год бродил с лозой над богатейшими золотоносными жилами, да так их и не заметил...

Настало лето 1747 года. Во все стороны от ямы Маркова вырыли сотни ям, опробовали в них наносы и, ничего не встретив, снова и снова возвращались на место первой и единственной находки.

Мастер Рюмин 11 июня 1747 года обнаружил в первой яме «малый знак золота», который не только оправдал Маркова, но и добавил уверенности в успехе.

Над ямой Маркова сколотили сарай с двумя дверьми, установили ручной вороток, и 8 копщиков и 8 подъемщиков начали глубокоую шахту.

Такие задаваемые «на авось» разведочные выработки иронически называют «дикими кошками». Надо признать, что с ними связано немало сенсационных открытий и поэтому метод имеет сторонников, считающих, что риск в горном деле приносит больше, чем осторожность. При этом стараются не вспоминать о много-

численных «кошках», которые принесли лишь убытки.

«Кошка» на месте находки Маркова оказалась удачливой. Едва углубившись в зеленоватую, слюдястую породу, впоследствии названную березитом, она вскрыла множество мелких кварцевых жилков с железными и медными охрами, «меж которыми изредка значатся самые мелкие золотые блесочки». То, что это не обман зрения, подтвердили первые же пробы — они показали высокое содержание золота — 15 граммов на тонну.

Не только высшее уральское начальство, но и сам глава Берг-коллегии Томилин примчался из столицы посмотреть на такое диво. За сентябрь 1747 года удалось добыть и выплавить на этом руднике, названном Первоначальным, 31 золотник (132 грамма) золота. Его торжественно преподнесли императрице Елизавете Петровне.

Легенда о рифейском золоте стала уральской былью.

Золотые богатства Урала выявлялись медленно, трудно. Заданная из шахты Маркова рассчета не долго «преследовала» золотоносную жилу — она выклинилась, упершись в пустую породу. Идти вперед было некуда. И в противоположном от ствола шахты направлении кварц вскоре выклинился в березит и породу.

«Держись за руду» — говорит правило рудокопов, плод вековой практики. Начали проследживать жилу вглубь, по падению. Вскоре путь преградил сильный приток воды. Доступная для разработки зона оказалась разочаровывающе мала. «Держась за руду» идти дальше было некуда, но работы не прекратили, помня еще об одном правиле: «ищи руду возле руды». Тогда решили проникнуть в сторону от жилы, запустить еще одну «кошку» вдоль березита. В ней было много пирита и пробы показывали примесь золота. Так и вышли на новые золотоносные жилы и целые зоны золотоносных слюдястых пород.

В 1752 году был заложен рудник Березовский, а вслед за ним — Становский, Небогатый, Лиственичный и другие. Характерно, что их открыли не высокооплачиваемые иноземцы, а уральцы — мастерской Егор Комаров, житель слободы Семен Швецов, унтер-штейгер Кирилл Романовский. А самых больших успехов добился «зачинатель» Марков — он выявил еще две богатые зоны.

Весть о первенце — березовском золоте — распространилась по всей России. А вслед за ней распространялась и весть о страданиях, которые выпали на долю первооткрывателя, ходила молва даже о мученической его смерти.

Примечательно, что эта версия во-

По следам Ермака

Юрий
СЕРИКОВ

шла и в «Российскую горную историю», подготовленную в 1819 году по «высочайшему соизволению» видным горнозаводским деятелем Анikitой Ярцевым, который с 1791 по 1801 год был главным начальником уральских заводов. В IV томе этой «Истории» (она осталась в рукописи) Ярцев сообщает, что заводской начальник Клеопин, не обнаружив золота в указанном месте, «переворотил показание Маркова на какой-то обман, почему и чинены были тому показателю разные судейские перерасспросы, но сей бедный человек не знавший более о них ничего, содержался около двух лет в тюремном заключении, сей же безвинный страдалец оправдался уже после кончины своей...».

На самом деле, как показывают обнаруженные ныне архивные документы, Ерофей Сидорович мирно работал всю свою жизнь на Березовских рудниках, нашел еще несколько рудопроявлений, был произведен в штейгеры и — судя по этому — выучился грамоте. Вышел он в отставку «с мундиром и пенсией» в 70 лет.

Такая благополучная судьба настолько не вязалась с суровой уральской жизнью, что даже чиновнику Ярцеву было легко поверить в легенду. А уж простой народ доподлинно знал: от местных властей да петербургского начальства добра не жди, мастеровой! Тем более, если дело о золоте — тут уж одни только роковые страсти должны играть, одни лишь жестокие судьбы посылаются. Вот и пошла гулять легенда, в которой Марков назывался то Ерофеевым, то Марковым, но неизменно принимал мученическую смерть. Сказка — ложь, да в ней — намек...

Кроме казенных бумаг никаких свидетельств не сохранилось о первооткрывателе уральского золота. Даже скульптурный портрет Маркова на памятнике условен — подлинного найти не удалось, да и неизвестно, был ли таковой. И люди, останавливаясь у памятника, отдают дань памяти не только Маркову, но и всем другим безвестным искателям, чьими трудами, потом, а то и кровью писана история открытый богатств Урала.

В марте—апреле 1977 года в Нижнем Тагиле проходило VI Уральское археологическое совещание. На нем по инициативе старейшего уральского археолога О. Н. Бадера было принято решение повторить путь дружины Ермака в Сибирь. Не просто пройти, а тщательно изучить весь маршрут с целью поиска новых археологических памятников, связанных с заселением Урала русскими.

Экспедиция рассчитана на несколько полевых сезонов, чтобы к 1981 году — к 400-летию похода Ермака — изучить весь маршрут. Состоялась первая такая экспедиция. Проходила она под эгидой журнала «Вокруг света». В экспедиции участвовали студенты Уральского университета В. Арефьев и П. Халаяев, студенты Нижнетагильского педагогического института И. Бравар и Л. Семиколенных, сотрудник Нижнетагильского краеведческого музея С. Комаров, школьники поселка Баранчинского В. Локтионов и А. Видрученко, фотокорреспондент журнала «Вокруг света» В. Орлов. Егерь Баранчинского лесничества С. А. Качин был проводником разведотряда. Начальником экспедиции был автор этих строк — младший научный сотрудник Уральского университета.

Маршрут экспедиции пролегал по рекам Кокуй, Серебрянка, Бобровка, Журавлик, Баранча. Было обследовано около 150 километров речных берегов, лощин, склонов гор, перевалов.

Важным результатом экспедиции надо считать то, что так называемый Кокуй-городок, открытый в 1962 году А. Рассодович, не был местом зимовки дружины Ермака. На этом месте выплавляли металл, следов же жилья здесь не обнаружено. Так что краеведы и исследователи могут, засучив рукава, отправляться на поиски подлинной зимовки ермаковой дружины.

Наша экспедиция эту зимовку не смогла обнаружить. Возможно, это связано с тем, что мы обследовали, в основном, лишь береговую линию,

тогда как стоянка Ермака могла находиться в глубине, не на самом берегу.

Интересные находки ждали нас на реке Баранче. Выше поселка Баранчинского, на скалистом мысу была обнаружена мезолитическая стоянка (семь-восемь тысяч лет). Недалеко от места впадения Волчевки в Баранчу мы открыли стоянку, уже связанную с заселением Урала русскими. Находок здесь пока очень немного, поэтому делать какие-то обобщения рано. Зато на пашне близ пионерского лагеря «Уральский огонек» мы нашли венчики, стенки, днища кружальных сосудов, обломки точильных камней, куски костей и даже — два ружейных кремня XVII века. Судя по находкам, можно предположить, что это было место кратковременной остановки воинского отряда, шедшего в Сибирь по маршруту Ермака.

В устье Баранчи, на террасе, обнаружена стоянка, имеющая три слоя. Самый древний слой относится к мезолиту, средний оставили люди раннего железного века, а самый верхний относится к средневековью. Здесь мы нашли многочисленные фрагменты керамики, железные кованые гвозди, обломки железных изделий, точильные камни, железный рыболовный крючок... Все эти вещи очень похожи на те, что были обнаружены на Ермаковом городище. Принадлежала ли эта стоянка Ермаку — нужно еще доказать. Сходство находок еще не доказательство. Ведь в Ермаковом городище люди жили с 1582 года до XVIII века.

Поиски кратковременных стоянок, оставленных шедшими в Сибирь русскими отрядами в XVI—XVII веках, будут продолжены.

ЧАПАЙ И ЧАПАЯТА

**Владимир
РАЗУМНЕВИЧ**

Рисунок
М. Паукера

Кто из ребят, уже с первого класса, не мечтает совершить в жизни что-то героическое, значительное, кто не мечтает стать человеком честным и смелым?.. Мечтал и я в детстве об этом. Брал пример с прославленных героев нашей Родины — таких, как легендарный Василий Иванович Чапаев.

О нем и его боевых подвигах мне было известно не только из книг и кинофильма. О Чапаеве мне часто рассказывал дедушка, который лично был знаком с Василием Ивановичем, служил у него в дивизии. Дедушкины рассказы, а также воспоминания других чапаевцев, живших в моем родном селе на Саратовщине, я запомнил на всю жизнь.

Потом, когда на основании этих рассказов я выпустил книгу с веселым названием «Чапаевцы шутить не любят», состоялось очень радостное и незабываемое для меня знакомство — с детьми Чапаева: с сыном его генералом Александром Васильевичем и дочерью Клавдией Васильевной. От них я узнал столько интересного и не известного мне прежде, что захотелось продолжить повествование о славном полководце и его соратниках. Так появились книги — «Чапай и чапаята», «Сердце Чапая», «И каждый ему земляк», «Степная радуга», «Приказ номер один», «Зарево». В них я стремился рассказать о нескончаемости подвига советского народа, об идейно-нравственном единстве разных поколений, отцов и детей, чапаевцев и чапаят.

И теперь дня не проходит, чтобы ко мне домой не пришел почтальон с письмами от пионеров и октябрят, моих читателей. Откуда только не приходят эти письма — из города Пугачева и села Сулака, Ржева и Грозного, Уральска и Балакова, Воронежа и донецкого города Ясиноватая... Повсюду, оказывается, действуют пионерские дружины и отряды, школьные музеи, носящие имя Чапаева.

А ребята из средней школы № 6 города Междуреченска Кемеровской области создали пионерский клуб «Чапаенок», стены которого увешали картинами, фотоснимками, газетными

вырезками и другими экспонатами, собранными школьниками во время походов по местам чапаевской славы. Свои письма — а я переписываюсь с ними вот уже третий год — пионеры, как правило, заканчивают словами: «Привет вам от ребят-чапаят!» и вкладывают в конверт эмблему своего клуба — алую бумажную звездочку, на которой нарисован Чапаев на коне.

Однажды я получил от мальчика, который тоже называл себя «чапаенком», жалостливое письмо. Писал он мне, что не знает, где и в каком деле можно в наше мирное время проявить себя настоящим чапаевцем. «Вот если бы была война...» — написал он.

Об этом письме мы долго разговаривали с генералом Александром Васильевичем Чапаевым. И он рассказал мне тогда о том, как совет пионерской дружины союзной средней школы решил в память о легендарном Чапаеве создать «пионерские тачанки» и пригласил сына Чапаева возглавить этот отряд. Потом такие же отряды «пионерских тачанок» были созданы в других колхозах и совхозах, и генерал-майора А. В. Чапаева утвердили командующим всеми «пионерскими тачанками» страны.

Вот таким образом и «подключились» ребята-чапаята к мирному времени, сделали полезное дело, заслужили благодарность за отличную работу на уборке урожая. В этой пионерской инициативе видится мне продолжение тимуровских традиций, когда хорошая ребячья игра перестает быть просто игрой, а становится большим делом, где ребята проявляют свою самостоятельность, трудолюбие.

«Пионерским тачанкам» я посвятил свою новую детскую повесть «Лето на колесах». Ее опубликовал журнал «Пионер».

А впереди — новые встречи с чапаятами, новые письма.

Белый Пим

Чертово Ухо

**Александр
ЩЕРБАКОВ**

*Рисунки
С. Сухова*

Мороз стоял будь здоров какой. Жгучий. С колючим хиузком. Со звоном, как говорят у нас в Таскине. А говорят так потому, что лишь при ладном морозе, когда все звуки обострены, доносится до села звон пилы-циркулярки, работающей в логу у молочной фермы. В оттепели же ни слуху ни духу от нее, хотя циркулярка не менее сердито вгрызается серебристыми зубьями в березовые кряжи, распиливаемые на дрова.

Школа была уже открыта, но еще совершенно пуста. Минька это понял сразу, как только обработав веничком белые катанки, шагнул в коридор. Дверной стук гулко отдался в пустоте школы, и Минька почувствовал явное разочарование. Но когда он открыл 7 «б», навстречу ему поднялась с тряпкой в руках уборщица тетя Саня.

— Раненько что-то, Михаил Максимыч. Еще и черти в кулачки не бились...

— Да я это... по истории подучить надо,— нашелся Минька, деловито направляясь к своей парте.

— Ну-ну,— подмигнула тетя Саня.— А пимы-то у тебя, парень, загляденье! Ловко сработаны. Отец, небось, катал?

— Это я сам,— сказал Минька гордо, но на последнем слове почувствовал в горле некоторое стеснение.

— Неужели? — удивилась тетя Саня, и даже тряпка выпала у нее из рук, повиснув на дужке ведра.— Маста-ак, парень. Видать, в отца пошел.

— Ну, не совсем уж сам,— сказал тихо Минька, и кровь прилила к его лицу, как это бывает в тепле после жгучего мороза.— С отцом стирали. Но я и сам две сложки дал. И на рубцах обработал, и палил, и пемзой чистил...

Все эти пимокатные слова Минька произносил, конечно, с особым шиком и удовольствием.

— Понятное дело,— сказала тетя Саня без лукавства.— Глядишь, и мне чесанки скатаешь к будущей зиме.— А когда домыла последние половицы, остановилась в дверях и серьезно добавила:— Учись, Минька. Ремесло за плечами не носить.

Оставшись один, Минька прошелся по классу туда-сюда. Новые валенки, еще не растоптанные, немного жали в пальцах и на взъеме, но все равно приятны были на ноге своей податливой упругостью и гладкой белизной.

Хлопнула дверь. Кто-то пробежал, стуча остывшими валенками по коридору. Минька быстро вернулся за парту и открыл учебник истории. Так и просидел он до самого звонка.

Но все равно Минькина обнова стала известной в классе. На первой же перемене. Вернее, даже на уроке. Как только его соседка, кудлатая Нюська Тестова, которая живет рядом со школой и потому неизменно опаздывает на занятия, нырнув в дверях под руку учителя истории Ивана Ивановича, плюхнулась на сиденье вместе с пузатым портфелем, она тотчас, еще не отдышавшись, громко заметила:

— А пимы-то! А пимы-то! Маде ин Таскино! На лебязьем пуху.

Минька порывался закрыть ей рот учебником, но слово, как известно, не воробей, вылетит — не поймаешь.

На перемене Миньку вытащили на круг перед доской, чтобы лучше рассмотреть его обнову. Белые чесанки, какие на нем были, для многих невидаль. Миньке бы молча пережить эту малоприятную ситуацию, когда твои товарищи хлопают тебя по ногам и по шее, как цыгане, покупающие лошадь, но он возьми да ляпни с вызовом:

— Еще бы! Сам катал...

Только сказал он это, в круг еще не опомнившихся от шока ребятшек вломился долговязый Шурка Ларихин, проворный на язык, и протянул Миньке свою костлявую щупальцу:

— Поздравляю вас, Белый Пим Чертово Ухо!

Хохот и грохот потряс 7 «б». От дальнейших измывательств Миньку спас только звонок на урок. Следующей перемены Минька дождался с тягостным чувством, однако, к его удивлению, ничего такого не произошло. И он совсем успокоился, когда его дружок Ванька Ленич, улучив минуту, доверительно спросил:

— А правда, сам?

— Ну, не все, конечно, сам. Застил не мой, материн. Первую сложку отец показал, — ответил Минька не менее доверительно и невольно заметил, как загорелись Ванькины глаза при таинственных пимокатных словах.

— Возьми посмотреть в другой раз, а? — сказал он.

— Чего посмотреть?

— Ну, как ты валяешь и вообще... всякий там инструмент. Рубцы.

— Что ж, это можно. Давай хоть сегодня. Правда, валять мне нечего, но инструмент покажу.

— Идет, — сказал Ванька и пожал заслуженному пимокату руку повыше локтя.

...Села, как люди. У каждого свое неповторимое лицо, свой характер и даже свое любимое ремесло. Как появилось это ремесло и почему именно в этом селе, сказать трудно. Такие традиции уходят корнями в глубь веков. По всей вероятности, родоначальником целой плеяды теперешних мастеров, или мастаков, был когда-то живший в деревне особенно даровитый умелец, который не только принес славу себе и односельчанам, но и завещал потомкам свое мастерство, сноровку, разные хитрые секреты. И передавались эти секреты от отцов к детям, от поколения к поколению, и упрочивалась за селом слава теми или иными мастерами.

Вот, положим, у нас в Таскине рядовую кадку под капусту да под огурцы могут сделать и сами, но чтобы заказать водянку (то есть кадку, в которой и питьевую воду держат), — настоящую, плотную, чистой работы, с резной крышкой и затейливыми ушами, — нужно ехать в Верхний Кужебар. Под тайгу. Кужебар славен бондарями. Особенно знаменит там мастерством дед Козлов. Он, правда, запивает частенько и тогда мечется по улицам с кадушкой на плече в поисках покупателя. Со встречаемыми односельчанами чудаковатый старик разговаривает только стихами, рифмуя их смежно, и при этом чисто по-козлиному трясет жидкой бородкой. Когда же наступает пора трезвости, старик переходит на прозу, яростно набрасывается на работу, и кадки мастерит преотличные. Недаром, если в районе критикуют местпром за нерасторопность, то всегда корят нерадивых дедом Козловым, который один «покрывает потребности» района в бочкотаре.

Или взять мукомольное дело. На обычный хлеб насущный зерно у нас мелют дома, на колхозной вальцовке, и не обижаются хозяйки — караван выходят куда с добром. Но все же, чтобы смолоть муки к праздничку, поровнее да помельче, чтобы как пух была она, а не стояла стеной в сельнице, чтобы шаньги из нее выходили пышные, лакированные сушки изнутри как сахарные, а хрустящий хворост во рту бы таял, смолоть такой мучицы все нороят в Худоногове, на водяной мельнице. На единственной, чудом сохранившейся на всю округу. И у единственного, пожалуй, настоящего, или, как теперь говорят, профессионального мельника, равного которому нет в окрестных селах.

Но уж если кому нужно скатать сибирские катанки, да такие, чтоб ноге тепло в них было, как на печке, мягко, как в гнездышке, и чтоб век износа им не было, — тут уж все едут к нам, в Таскино.

У нас и вправду, что ни дом — то катальщик. Взять хотя бы наш край села, который называют Саратовским (видимо, столыпинские пере-

селенцы из Саратовской области здесь первыми обосновались). Начнем подряд: Сергей Калачев катает, Александр Борисов катает, Викул Тютюкин, Иван Калачев, Иван Теплых. Минькин отец — Максим Поляков — тоже катает. Конечное дело, не все одинаковые мастаки, один лучше катанки сработает, другой похуже, но уметь все умеют. И уж для своей-то семьи всегда сами зимний обуток спроворят, не пойдут чужому дяде кланяться.

Впрочем, хороший пимокат смастерит не только обуток. Он может из бросовой шерсти и войлочек скатать, и потничок под седло, и стельку на подшивку старых валенок, и даже — шляпу. Да, и шляпу! Когда-то мой школьный приятель Володька Закутилин нашивал шляпу, которую смастерил ему отец-пимокат, ныне покойный дядя Макар, огромный седобородый старик, про которого, когда он проходил по улице, таскинцы между собой говорили: «Макар куда-то зайца в зубах понес» — так бела и длинна была его старообрядческая борода... Ту Володькину шляпу нынче, наверное, не надел бы никто, и на маскарад, но в скучное послевоенное время она казалась вполне сносной и даже модной.

...Ванька Уваров — ребяташки навеличивают его Ленич — по матери Лене Уваровой, колхозной счетоводке — примчался, когда Минька еще сидел за обедом. Отец Максим Поляков, заведующий машинным двором в колхозе, был дома, отдыхал после обеда, вытянувшись на лежанке и шурша газетами. Ванька покосился на него с опаской. Он робел перед отцами своих друзей, все они казались ему чересчур строгими и надутыми. Втайне он даже радовался, что у него нет отца. Вот и теперь он робко присел на краешек лавки у порога и вопросительно уставился на Миньку. Минька понял его взгляд и, чтобы рассеять все страхи, нарочито громко и непринужденно сказал:

— Вон Ванька пимокатным делом интересуется. Можно посмотреть на инструмент?

Отец, отбросив газеты, сел на лежанке и одобрительно и добросердечно подмигнул Ваньке Уварову.

— Похвально, Иван. Знаешь, как мой отец, а Минькин дед говорил? Не умеешь только того, за что не берешься. Понял?

— Ты бы ему, пап, о шерстях рассказал.

— Это другое... Но и о шерстях, конечно, знать надо. Тут, брат, целая наука. Какие бывают шерсти?

Вопрос этот Максим, должно быть, поставил просто как риторическую фигуру, а Ванька подумал, что обращаются к нему, и по школьной привычке стал, глядя в потолок, соображать:

— Овечья, коровья, собачья, козья...

— И еще мамонтовая, — закончил Минькин

отец и расхохотался. — Это Минька недавно читал, что один геолог нашел на Севере мамонта в шкуре, и из его шерсти себе свитру связал. Но мы-то говорим об овечьей шерсти.

— Вы же спросили о шерстях? — насмелился возразить Ванька.

— Точно. Тут такое дело. Шерсть одна — овечья, но в том-то и суть, что шерсть шерсти рознь. Не всякая пойдет для добротного валенка. А лучше всего годится летнина, шерсть, снятая с овцы в конце лета. Она мягка, эластична, пропитана жирком и потом, и хорошо сваливается, скатывается в войлок. Ее можно определить по острому овечьему запаху. И на ощупь она как липкая, в отличие от жесткой, сухой той и пухлой «зимнины», которую состригают в конце зимы. Ну, а пимокат отличит зимнину от летнины и просто на глаз. В летнине будут комочки репейника, вилочки череды, другие летние липучки. В зимнине же — сенная труха, мякина, ухвостье. Сухая зимнина не скатается в пласт, сколько ни катай. Но зато она на другой службе хороша — из нее делают пряжу на варежки, шарфы, носки, а раньше пряли и на домашнее сукно. У нас его шабуром звали. Вот я, к примеру, вырос в домотканых, в шабурных штанах и в пальтишке-шабуре.

Ванька даже шею вытянул, слушая, и все удивлялся, что Минькин отец, оказывается, совсем не строгий, а напротив — очень даже приветливый и разговорчивый мужик.

— Есть и другие сорта шерсти, — продолжал Максим. — Примерно, поярок — первая стрижка с молодой овцы. Или клочья — линька, собранная ранним летом. Это — надбавка к летнине.

Максим поднялся, достал с печки катанки, большие, гладкие, с округлыми носами и заворотами в ладонь. Позевывая, стал обуваться. А когда обулся, постучал пятками валенок в пол и сказал:

— В моих вездеходах пять с половиной фунтов. Слышал про фунты?

— Мы проходили, — кивнул Ванька. — Это четырехста граммов.

— Верно, около того. Так вот, шерсть до сих пор мы по старинке меряем фунтами. Во-первых, коромысловых весов нынче днем с огнем не найдешь, во-вторых, — так привычнее. Например, на тонкие выходные валенки, чесанки, идет всего около двух фунтов, но зато самой отборной, длинноволосой летнины. На обычные же валенки, на рабочие, поболее надо: на женские два-три фунта, на мужские четыре-пять.

Ну, а если нужны особенно жаркие валенки, в тайгу, в дорогу, на крещенский мороз, то в них вгоняют и шесть, и семь, и даже восемь фунтов! Как-то Иван Китов, покойник чудак был, девятифунтовые себе на лесозаготовки сваял. Но теперь уж таких не делают. Теперь в обозы ник-

то не ходит. В тайге на машинах работают. Да и обуток такой, хоть и теплый, а неловкий, тяжел на ноге.

Максим поднялся с лавки, на которой сидя обувался, и стал надевать полушубок. Ванька из-за его спины скорчил гримасу, по которой Минька должен был понять, что пора напомнить отцу об инструменте. И Максим будто подслушал их немой диалог:

— Заходите в катальню, увидите там что к чему.

К пимокатной мастерской, или попросту — катальне, ребяташки бежали рысью. Хоть и сияло всю полуденное солнце, но мороз был по-прежнему крут. Ванька, семеня шаг за шагом позади Миньки, хотел было о чем-то спросить его, но едва раскрыл рот, как тотчас захлебнулся жгуче холодной волной и прикрыл лицо варежкой.

Старая, с просевшей крышей, катальня стояла на ослепительно белом пригорке, закуржавелыми окнами к солнцу, и над нею кренился тугий дымовой хвост. Едва ребяташки перескочили высокий порог катальни — неволью замерли на месте. После яркого, как электросварка, зимнего солнца катальня показалась темнее подвала, хоть глаз коли. В нос ударил влажный и вонючий пимокатный дух. «Пахнет супом харчо», — мелькнуло в голове у Ваньки.

Очухался первым Минька. Он уверенно шагнул в густые сумерки и потянул за собой Ваньку. Из мглы тотчас выплыло лицо Максима, покрытое каплями пота. Кругом раздавался глухой стук, шорох, плеск и еще звуки, похожие на свиное чавканье. Красновато светило круглое поддувало печи. Вскоре обозначились фигуры пимокатов. Затем — верстаки вдоль стен, закопченных, насквозь пропитанных сыростью. У самого входа, над печью возвышался огромный чан. Под шапкой густого пара в нем хлопотала вода. С печью посредством патрубка соединялся огромный жестяной куб с помятой дверцей — сушилка.

— О-о, пимокаты прибыли! — воскликнул Максим поощрительным тоном, и все мастера тотчас повернулись на его голос. Ванька узнал их — Семен Гужавин, Прохор Филимонов, Викул Тютюкин...

— Пополнение? Давай, давай, а то верстаки пустуют. Вот перемерем скоро, и валенка в деревне никто сделать не сумеет, — горласто закричал из дальнего угла длинный и сутулый Прохор.

— Теперь их не заставишь валенки работать, все больше к ручке, к бумажке тянутся, — усмехнулся бородатый Викул. — Вон у меня племяш

с техникума приедет, по хозяйству палец о палец не ударит, сестра Аниска одна горбится. А этот чуть проснется — сейчас за гитару. Да хоть бы играл, а то лупит с плеча по струнам «трень-брень, трень-брень», будто шерсть на лучке бьет, и базлает, как под ножом: «Вы хрынцужской стырыне, н-на чужый планети»...

— Может, мы сами виноваты, к делу их вовремя не приучаем, — сказал Максим. — Ни к технике, ни к другому ремеслу.

И чтоб пресечь дискуссию о лености современной молодежи, махнул ребяташкам:

— Подходи ближе. Начнем урок по пимокатному делу.

Минька стал рядом с отцом, а Ванька — в торце верстака, где лежали граненые железки, похожие на напильники, но только с гладкими гранями. И палки — вроде коротеньких бит для игры в городки.

— К нам поступает от застильщиков вот такой застил, — развернул Максим огромный пухлый валенок, который в пору был бы разве что слону. — Мы скручиваем его вот эдаким макаром, перевязываем бечевкой и опускаем в чан с горячей водой. Чан перед вами. Он у нас, как донна, всегда под огнем. А потом — смотрите...

Максим вытащил из чана застил и, налегая всем телом, стал мять его и прокатывать. Это больше походило не на стирку, а скорее на то, как мнут и прокатывают тесто для пельменей.

— Затем его снова мочим в чане и снова бросаем на верстак, вон как сейчас делает Викул Иванович.

Ванька взглянул на соседний верстак и увидел, что Викул Тютюкин действительно бросил на полотно верстака темный, ворсистый комок, который тотчас развернулся и задымил паром, как зимний новорожденный ягненок.

Волоокий Викул подмигнул ребяташкам и добавил в продолжение Максимовой лекции:

— Только теперь обрабатываем не голыми руками, а прутом, — он показал четырехгранный железный стержень, тонкий, почти острый по концам, потом положил его на застил и стал катать. Он так усердно ездил прутом по застилу, что тот выгибался рыбиной, выброшенной на берег.

— После стирки прутом внутрь валенка вставляем вот такую круглую палку, — сказал Максим Иванович, — пимокаты зовут ее — балка, в носок тоже проталкиваем маленький каточек, называемый катарулькой. И начинаем катать вот этим чугунным рубчатым вальком, вроде того как раньше, когда еще мало было в деревне утюгов. И так до тех пор, пока валенок не станет валенком.

Максим положил перед ребятами пару мок-

рых валенок, плоских, будто по ним проехали дорожным катком.

— А как узнать, что валенок готов? — спросил Минька отца.

— Обычно пимокат определяет, ладно ли простиран валенок, просто на ощупь. Вот пощупайте. Если он стал плотным, жестким, если он, как говорится, заремнел — значит, готов.

Ванька пощупал теплое и мокрое голенище раздавленного валенка и действительно почувствовал, что оно «заремнело», то есть стало упругим.

— Теперь самое трудное. Валенки надо посадить на колодку. Дело, повторяю, ответственное. Принеси-ка, Минька, из сушилки катанок с колодкой.

Минька небрежно откинул заложку мятой жестяной дверцы, сунул руку в темное нутро куба и вытащил настоящий катанок, только он был немного лохмат и из голенища его торчал протезом деревянный обрубок. Минька сунул катанок Ваньке и тот от неожиданности чуть не выронил его — столь тяжел был он. Максим подхватил «небритый» катанок, поставил на пятку, покрутил туда-сюда, будто любуясь им:

— Да, дело, говорю, ответственное. Требуется не только сноровки, но и тям, вкуса то есть.

Не тямлишь, не микитишь — лучше не берись за насадку. Вся прежнюю работу на нет сведешь. Фасон катанка во многом зависит от колодки. За хорошей колодкой всегда погоня, как за хорошей книжкой. Бывает, что и в очереди стоишь. Мастера, чтоб сделать добрую колодку, встречаются теперь крайне редко. Да и раньше они табунами не ходили. Мастер всегда редок. Тут должен быть талант, нюх особый. Не зря пимокаты хорошего колодочника почитают не меньше, чем музыканты — мастеров по скрипкам. Вот у нас в Таскине, к примеру, до сих пор охотятся за петуховскими колодками. Их несколько чудом сохранилось у старых катальщиков. Откуда такое слово — «петуховская колодка»? А жил когда-то в Каратузе, когда еще Каратуз и райцентром не был, некто Петухов, мастер, который из березовой болванки мог выточить наилучшую колодку. Без единого изъяна. Как говорится, отвечающую всем требованиям. А ведь никаких чертежей у него не было. Ничего — кроме чутья. Петухов давно помер, а колодки его живы.

Однако колодка еще далеко не все. Плохой катальщик, хоть распетуховскую колодку ему дай, фасонистого валенка не сделает. Валенки еще нужно как следует насадить на ту колод-

ку. А уж тут полняком дело зависит от твоего умения и вкуса. На молодую ногу простирает пожестче, на старую — помягче. Для парня обязательно сделает завороты, хотя бы самые простые — вниз. Вон как у Миньки. А бывает заворот и двойной, и даже тройной: широко — вниз, потом поуже — вверх и еще раз вниз. Теперь бы такое, пожалуй, показалось смешно, да ведь мода — дело переменчивое. А в деревне она еще нередко и своя, местная. Вот я, примерно, как был парнем, нашивал катанки с тремя заворотами, у нас это называлось «чертово ухо».

— А Ларихин Минькины назвал «чертово ухо», — сказал Ванька.

— Слышал звон, да не знает, где он, — усмехнулся Максим.

— Теперь на рубцы, — нетерпеливо подсказал Минька.

— Точно. Насаженный на колодку валенок последнюю шлифовку проходит на рубцах. Вот видишь, как будто стиральная доска из дерева? — обратился Максим к Ваньке. — Это и есть рубцы. Они делаются обязательно из лиственницы, которая не боится сырости, даже вроде бы прочнее от нее, костенеет.

— Ну, теперь осталось катанок как следует просушить. В пимокатке есть специальная камера — сушилка. В домашних условиях лучшая

сушилка — русская печь. Заложил валенки с вечера, когда чугуны уже вынуты, но еще не совсем остыли угли в загнетке, — к утру готово дело. На одну-две пары запас тепла в печи всегда достаточный... Потом высушенный валенок палят на огне. Прижигают ему ворс, как поросенку. Потом обрабатывают пемзой, пока поверхность не станет ровной, гладкой.

— Видал пензу? — спросил Минька у Ваньки. Ванька отрицательно покачал головой.

— Не пензу, а пемзу, — поправил Максим. Он достал с полочки, прибитой над верстаком, серый, ноздреватый камешек, похожий на застывшую речную пену. Передал его Ваньке, и Ванька с удивлением обнаружил, что камень этот необыкновенно легкий. Прямо как пушок.

— Пемза — вулканическая порода. Вулканов, как известно, в нашем Таскине нет, поэтому раздобыть хорошую пемзу не так просто. Тут бывает в цене даже и отирушек величиной в полтинник. Ну, а когда вовсе нет пемзы, пимокаты обходятся обломками хорошо прокаленного кирпича. Он тоже пористый, но против пемзы, конечно, не то... Теперь осталось валенки подкрасить. Если черные — сажей, размешанной в керосине, если белые — мелом или мучной пылью. Дальше — освободить от колодок, подложить в проемы под пятки по клочку шерсти или

ваты — и пимы готовы. Обувайся и можешь без горя идти хоть в снежную тайгу, хоть в клуб на танцы, сибирский катанок тебя нигде не подведет. Ну, а теперь, Минька, дуй-ка за застилом к матери, заодно и Ванюшке застильную покажешь, пока к пимокатному делу интерес проявляет.

...Окна в окна с пимокаткой через дорогу — застильня. Приземистый дом с двускатной крышей. Окна от солнца. И потому дом всегда выглядит несколько угрюмым, насупленным, словно с обидой смотрит на людей, которые лишили его прошлой бурной жизни и значительности.

Первое, что поразило Ваньку, когда он вслед за Минькой проскользнул в застильню и из-за его плеча оглядел длинную с низким потолком комнату, была огромная машина с круглым барабаном, по которому параллельно один другому бежали валики. То есть валики куда не бежали, а лишь крутились, поблескивая металлическим ворсом, и по ним тонкой пеленой расстилалась шерсть. На разных по толщине валиках и ворс был совершенно разный — то крупный, жесткий, как ежиные иголки, то мелкий и искристый, как соболиный бархатец. У подножия барабана шерсть ниспадала воздушной пенообразной массой.

Две женщины, налегая на рукоятку, с усилием крутили эту машину.

— Шерстобитка, — кивнул Минька в сторону шуршащего, пощелкивающего валиками и стучащего щеткой агрегата. Чувствовалось, что он и здесь свой человек. Женщины, которые работали за одним сплошным от стены до стены верстаком, похожим на нары, приветствовали его одобрительными возгласами. А писклявая тетка Домна, когда он проходил мимо нее, даже хлопнула по плечу.

— Наш пимокат пришел. Выдать ему лучший застил! Как застил делается? Слушай и запоминай. А делается застил так. Вот на этом полотне, по-нашему — воловище, раскладывают битую, то есть тербленую шерсть, таким вот квадратным войлочком. Потом полученный пласт вместе с воловищем накручивают на такую вот палку и закатывают. Вот так. Как тесто для калачей. Затем затирают ладонями через полотно. Войлочек «схватился», немного присел, сваялся. Теперь его разворачивают и кладут выкройку из тряпки — подносочник называется. Теперь согласно выкройке надрывают у войлока края, загибают их на подносочник и запорашивают швы шерсткой. Потом отдельно готовят еще три небольших округлых пласта и кладут как заплатки поочередно на носок, на подошву и на пятку, чтобы головка будущего валенка была толще голенища, дольше носилась, крепче держала тепло. Просто? — засмеялась тетка Домна.

— Дело просто, да не хватает роста.— пропела Макарьиха, высоченная, сутулая старуха.

— Ничего, было бы желание,— сказала тетка Домна.

— Не мужское это занятие, лучше пимы стирать учитеесь,— вставила Марина Саранина.

— Как не мужское? Вон мой Максим делает, так что и мне еще нос утрет, хоть и в застильщицах хожу. Минька мне читал недавно, что в других-то странах мужики вязать стали. Сойдутся на вечерку, берут спицы и вяжут,— сказала Минькина мать.

— Поди, и в юбках с фартуками? — съязвила Домна, и по застильной, заглушив машину, прокатился смех. Минька с Ванькой тоже приснули в ладони. Так уморительно подала свою реплику тетка Домна.

— Погодите, еще не все,— сказала Домна Васильевна, когда ребятишки, чуя, что женщины напали на излюбленную тему и теперь исчерпают ее нескоро, стали потихоньку пятиться к двери.— Главное в мастерстве застильщика — сделать застил ровным. Чтобы ни бугорка, ни ямочки. Брак пимокат обнаружит сразу. На месте простила будет дыра, которую не залатаешь уже, приходится просто зашивать суровьем. Ну, а что это за валенки, которые снова починают? Да и красота от застила идет. Примерно, у фабричных — сплошь голенища подрезаны. Красиво разве? Валенки опорком смотрятся. Хороший застильщик так аккуратно край обрабатывает, что обрезки не потребуется. Толщину голенищам и головкам он даст соразмерную. И валенок у него не будет выглядеть кувалдой — сам худ, голова с пуд — или, наоборот, самоваром — в голенище пузатым, в носке — тощим. Поняли?

— Поняли,— выдохнули Ванька с Минькой почти разом.

— Приходите, место за верстаком найдем.

Когда ребятишки, занеся в пимокатку застил, бежали по улице, зажимая варежками рты, Ванька крикнул:

— Вот бы здорово научиться!

...На другой день уж чуть не вся школа знала, что Минька с Ванькой решили стать пимокатами. Минькины белые пимы с заворотами «чертово ухо» стали знаменитыми. Посмотреть на это чудо приходили даже старшеклассники. Мордастый Володька Розманов из 9-го, прежде чем рассмотреть нашумевшее изделие, бесцеремонно сдернул с Миньки правый пим и поднял к потолку. Пим пошел по рукам, и Минька вынужден был всю перемену прыгать в одном валенке, скрючив босую ногу. А долгорукий Шурка Ларихин, неистово жестикулируя, с подвывом прочитал стихотворение, которое написал на первом же устном уроке. Он назвал его «Белые

Пимы — Чертовы Уши». И посвятил известному пимокату Миньке Полякову.

Скатай, отец, мне катанки,
Чтоб голенища — во!
И пемзой ноздреватою
Сними паленый ворс.
Подкрась секретной краскою
Из банки потайной,
Чтоб все девчонки Таскино
Гужом гнались за мной!
Потолще, с заворотами,
Помягче изнутри,
Чтоб мог я за воротами
Торчать в них до зари.
И с кантами, и с бантами
В сельмаге туфель — воз,
Но ты скатай мне катанки,
Чтоб не спешить в мороз!

...Сейчас в 7 «б» поговаривают о кружке юных пимокатов. Минька Поляков советовался с отцом по этому предмету. Максим Иванович свое отношение к идее высказал весьма лаконично, единственным словом, но вполне созвучным пимокатному делу: «Валяйте!»

- Юные гвардейцы тыла
- Карбышевский класс
- Пионерский «Форпост»
- Музей называется «Родничок»
- По следам «Красных орлов»
- О тех, кто всегда в строю
- Семь или двенадцать?

Многие подростки в войну оставляли школу и вставали к заводским станкам. Время сделало их не по годам серьезными и сосредоточенными, и хотя кое-кто не дорос еще до станка — приходилось ставить подставку, — трудились они не хуже взрослых.

Печи работали на мазуте, часто густой дым расстилался по цехам, раскаленный металл выплескивался из матриц. Тут же, в цехе, пекли картошку, чтобы хоть как-то поддерживать силы, или, кое-как устроившись, засыпали на несколько минут...

На Каменск-уральском заводе обработки цветных металлов рядом со взрослыми трудились Костя Жерновников, Коля Янченко, Маруся Микунова, Лида Беляева, Зоя Крутикова и многие другие.

Сегодняшние ребята из каменск-уральской школы № 4 помнят о трудовом подвиге своих сверстников. Они восстанавливают подробности тяжелых рабочих смен того времени, узнают новые имена тогдашних малолетних рабочих, своим трудом помогавших в разгроме врага.

Юные карбышевцы шестого «в» 115-й свердловской школы ведут обширную переписку с теми, кто лично знал генерала Дмитрия Михайловича Карбышева. Шефом ребят стал друг и соратник Д. М. Карбышева генерал-лейтенант инженерных войск Евгений

Варфоломеевич Леошня, живущий в Москве.

Школьники обмениваются опытом поисковой работы со следопытами Свердловской, Челябинской и Курганской областей. Они накапливают и демонстрируют материалы о войне и ученом.

В 1934 году вступил в строй крупнейший в стране Уральский завод тяжелого машиностроения. Вместе с ним вырос уралмашевский поселок. Этот же год стал годом рождения одного из первых на Урале пионерских штабов «Форпост».

Материал о «Форпосте» передали в музей пионерской славы Уралмаша следопыты бывшей школы № 45, где учился председатель штаба «Форпост» Александр Филиппович Пономарев. Он, тогда еще семиклассник, сумел организовать детвору. Первые дела пионерии Уралмаша были действительно интересными — в штаб потянулись ребята из всех рабочих кварталов. Они строили авиамodelи, обсуждали книжки, готовили концерты, учились владеть фотоаппаратом.

В музее хранится много материалов по истории пионерской организации от начала строительства Уралмаша до наших дней. Собирают их следопыты многих уралмашевских школ.

Очень хотелось ребятам школы-интерната № 31 Свердловска сделать такие же прекрасные сувениры из камня, какие показали им однажды учащиеся профтехучилища, где готовят огранщиков и камнерезов. Попробовали сделать из заготовок — получилось... Впервые ребята испытали себя в исконном уральском ремесле. А сколько же красивых вещей создают мастера других народных промыслов?

И вот в школе появился художественный музей «Родничок». Работой его руководит учительница Л. А. Примакова. Ребята разыскивают по всей стране народных умельцев: вышивальщиц, кружевниц, любителей столярного дела, гончаров... С ними школьники переписываются, а те, кто живет в Свердловске, сами приходят в школу.

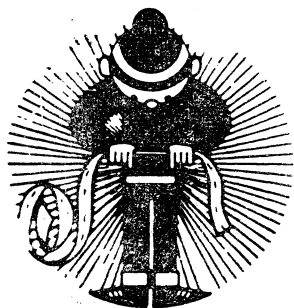
Среди экспонатов музея — михайловские кружева, присланные художницей из Рязани Д. А. Смирновой, работы из дерева А. С. Лямкова из деревни Сураватиха Горьковской области, дымковские игрушки, сысертская керамика...

1918 год. Чехословацкий корпус на Урале поднял контрреволюционный мятеж. «Наседали» белогвардейцы... Положение стало таково, что нельзя было дальше воевать мелкими добровольческими отрядами — только регулярные части могли противостоять натиску врагов революции.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

В Зауралье был сформирован 4-й Уральский стрелковый полк, сразу проявивший себя в боях под Далматовом. 1-й Камышловский полк, созданный из рабочих Камышлова и добровольцев Ирбита, дрался так храбро, что получил название полка «Красных орлов».

Большой материал по гражданской войне на Урале собрали следопыты школы № 15 города Серова и школы № 23 города Дегтярска. В 15-й школе восстанавливают историю сражений 4-го Уральского полка, в 23-й — полка «Красных орлов». Эти полки приняли на себя первые тяжелые удары контрреволюции и дрались рядом, зачастую поддерживая один другого, — сначала с белочехами, потом — с колчаковцами.

У входа в школу № 99 Орджоникидзевского района Свердловска стоит памятник Николаю Островскому. Памятник построен на средства из так называемого фонда корчагинцев, заработанные самими ребятами. Под руководством преподавателя литературы М. А. Бычковой идет поиск людей, повторивших в наше время жизненный подвиг Николая Островского.

На стендах музея — романы Островского, вышедшие на разных языках мира, фотографии, письма, книги корчагинцев наших дней. Следопыты ведут постоянную переписку с автором и исполнителем песен Людмилой Тумановой из Кургана, московским поэтом Алексеем Кондратьевым, поэтессой Антониной Баяевой из Сочи и многими другими. С каждым из них переписывается один комсомольский и один пионерский класс.

С большим интересом слушают ребята на полит-

информациях рассказы следопытов о подвигах корчагинцев, о встречах с ними, об их новых произведениях.

На страницах «Уральского следопыта» было описано семь пограничных столбов, разделяющих материки Европу и Азию. А юные краеведы из среднеуральской школы № 31 и их руководитель А. Г. Пешков утверждают, что этих столбов двенадцать. Им самим удалось побывать на одиннадцати.

Об этих походах рассказывает специальная карта «Как мы открывали границу Европа — Азия», на которой отмечено местонахождение всех столбов и даны их снимки. Можете сами повторить маршрут. Вот «адреса» столбов:

1. Обелиск на Полярном Урале, между железнодорожными станциями Лабитнанги и Чум (кстати, это и есть тот единственный столб, который ребята не видели воочию).

2. Обелиск около поселка Уралец (шоссе Висим — Черноисточинск).

3. Обелиск около села Промыслы (Пермская область).

4. Обелиск около поселка Кедровка (Серебрянский тракт).

5. Обелиск у поселка Синегорск.

6, 7. Два одинаковых обелиска с двух сторон железной дороги Чусовой — Кушва.

8. Обелиск на дороге Тарасково — Починск.

9. Обелиск на железной дороге у станции Вершина.

10. Обелиск у станции Уржумка (Челябинская область).

11. Обелиск около поселка Большие Егусты (Челябинская обл.).

12. Хорошо известный всем обелиск около Первоуральска.

● У косы Бугаз на Черном море каждый год в одно и то же время высокий седой человек бросал в море букет красных гвоздик... Комиссар Петр Иванович Никогда чтит память своих погибших товарищей-краснофлотцев. Нет больше в живых комиссара, но каждый год, в один и тот же день, на волнах алеют гвоздики... Эту традицию переняли следопыты затокской средней школы (Одесская область).

● За тысячи километров от Брестской крепости находится школа небольшого рудничного поселка «Медвежий ручей». Но расстояние — не помеха для следопытов, которые вот уже десять лет собирают материал о крепости-герое. Норильской школе № 12 присвоено имя Героев Бреста.

● В селе Лыкошино Бологовского района Калининской области создан музей Н. К. Крупской. Здесь экспонируются личные вещи Надежды Константиновны, фотографии, письма-воспоминания.

● Музей революционной, боевой и трудовой славы своего, Ленинградского, района открыли учащиеся 78-й рижской школы.

● Механизатор из Оймьяконья Петр Трофимович Константинов часами может бродить по оймьяконской тайге, наблюдая повадки зверей. И чучела, которые он делает, получаются как живые. Искусными руками П. Т. Константинова сделаны десятки чучел птиц и зверей для музея томторской средней школы.

● Брянская Злынка веками была знаменита своей деревянной резьбой, но со временем мастерство здешних резчиков пошло на убыль. Музей злынковской средней школы бережно хранит экспонаты и фотографии, рассказывающие о

старинном народном искусстве. Ребята сами восстанавливают по сохранившимся образцам солнечных птиц и диких зверей. И новостройки в Злынке теплеть снова начинают отдавать в старом стиле.

● В новое двухэтажное здание переехал музей 235-й ленинградской школы — знаменитый на всю страну музей «А музы не молчали...».

● Школе № 1 города Талгара Казахской ССР присвоено имя генерал-полковника И. Халипова, который в 30-е годы был ее первым директором.

● У деревни Жердно в Белоруссии во время мелiorативных работ обнаружены обломки самолета, парашют, планшетка, карманные часы с надписью: «Отважному истребителю Черствову от командующего К. Ф.». Старожилы вспоминают, что в 1943 году здесь был сбит советский истребитель. Последним усилием пилот сбросил машину от деревни, и самолет рухнул в болото. 34 года болото хранило тайну. Следопыты устанавливают военную биографию летчика.

● Еще один музей открылся в столице — музей радистов-партизан. Ребята из 188-й школы города Москвы начинали свою работу с поиска людей, учившихся на курсах Осоавиахима. Сейчас в музее много интересных экспонатов: радиостанция «Ветерок», компас, мешок от парашюта и другие.

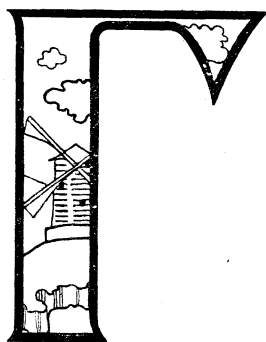
● Одним из лучших в крае стал музей истории ВЧК барнаульской школы. Музей — народный. За большую поисковую работу школе присуждено имя Ф. Э. Дзержинского.

Язык земли

Краткий словарь географических названий Урала

**Александр
МАТВЕЕВ**

Оформление
З. Баженовой

ГАИ, поселок городского типа в Оренбургской области, севернее Орска.

В начале XX века в этих местах появились переселенцы-украинцы. Они жили в поселке Калиновка. А рядом была березовая роща, которую переселенцы называли по-своему — гай.

В 1950 году здесь было открыто месторождение меди, а в 1959 году возник поселок горно-обогатительного комбината, который так и назвали Гай.

Название Гай нередко у населенных пунктов, особенно в Поволжье, Украинское, а также южнорусское и среднерусское слово *гай* — «роща», «лесок».

Интересно совпадение: в Оренбургских степях воевал в 1918 году с белочехами и белоказаками Дутова герой гражданской войны Г. Д. Гай (1887 — 1937).

ГАЙВА, правый приток Камы, впадает в Перми.

Многие считают, что это название сложено из коми-пермяцких слов *гай* — «отклик», «эхо» и *ва* — «вода», что значит в переводе на русский язык «Вода с откликом (эхом)». Но коми-пермяцкое *гай* — «отклик», «эхо» трудно отделить от русского диалектного *гай* — «крик», «шум», «гам». Уже это вынуждает с сомнением относиться к предположению, что Гайва — «Вода с откликом».

Топоним Гайва безусловно коми-пермяцкого происхождения, но его первая часть пока загадочна. Пытаются вывести Гайва из Кайва — «Птичья река» (коми-пермяцкое *кай* — «птичка», «пташка», «птица»). Трудно объяснить все же, каким образом и почему Кайва стала Гайвой.

ГАЙНЫ, рабочий поселок на севере Пермской области, центр Гайнского района (Коми-Пермяцкий национальный округ). Расположен на правом берегу Камы.

Погост Гайна упоминается уже в писцовой книге 1579 года, составленной Иваном Яхонтовым. Название села, по сообщению И. Я. Кривошекова, сами местные жители производят от русского диалектного слова *гайно* — «беличье гнездо».

Приходится, правда, считаться и с другими объяснениями. Так, у северных башкир одним из наиболее древних и значительных было племя гайна. Башкиры из этого племени населяли и часть бывшего Осинского уезда Пермской губернии, особенно земли по реке Тулве и ее притокам (Гайна, или Гайнинская башкирская волость). Есть данные, что родовая группа гайна была и у удмуртов.

ГАРИ, рабочий поселок, районный центр на севере Свердловской области. Расположен на правом берегу реки Сосьвы.

Знаменитый историк Г. Ф. Миллер в своей «Истории Сибири» указывает, что Гаринская слобода была основана в 1622 году. Он пишет: «Для объяснения происхождения названия этой слободы нужно знать, что гари называют места, где прежде находился лес, выжженный с целью сделать землю пригодной для пашни».

Названия Гарь, Гари очень широко распространены в качестве обозначений населенных пунктов и урочищ как на Урале, так и в других районах лесной полосы России.

ГЛЯДЕНЫ, санаторный поселок и деревня в Сухоложском районе Свердловской области. В Пермской области к западу от города Александровска есть деревня Гляден. На Архангельщине и Вологодчине, в Кировской области, на Урале и в Запад-

Продолжение. Начало см. в №№ 1, 2, 3, 4.

ной Сибири, а также в других районах нашей страны часто встречаются и урочища, особенно горы и холмы, со звучным именем Гляден или Глядень.

В толковом словаре В. Даля *глядень* — высокое «прозрачное» место, в других источниках — открытое возвышенное место, удобное для наблюдения и караула. Названия эти возникли в старину от глагола *глядеть*, то есть Гляден или Глядень — «Гора, с которой глядят»...

ГОВОРЛИВОЕ, село в Красновишерском районе Пермской области на правом берегу реки Вишеры. Получило свое название по возвышающемуся рядом Говорливому Камню, одной из самых высоких и красивых вишерских скал.

Говорливый Камень обладает удивительно звучным и отчетливым эхом, которое многократно повторяется. Этот феномен объясняют дугообразной формой каменной стены, протянувшейся по берегу Вишеры на большое расстояние.

Еще один Говорливый Камень есть на правом берегу Туры близ Верхотурья. Наконец, надо назвать камень Говорун на реке Сосьве около поселка Денежкино. Наименования этих скал столь же красноречивы, как и название их знаменитого собрата — вишерского Говорливого Камня.

ГОРНОЗАВОДСК, город в Пермской области, центр Горнозаводского района. В 1947 году у железнодорожной станции Пашия началось сооружение Новопашийского цементного завода, а в 1950 году возник рабочий поселок Новопашийский, или Новая Пашия, который в 1965 году был преобразован в город Горнозаводск. В названии отражены географическое положение города, находящегося к востоку от Перми в предгорьях Урала, и его промышленный характер.

ГОРНЫЙ ШИТ, село южнее Свердловска на дороге Свердловск — Полевской. В настоящее время оно включено в состав Чкаловского района Свердловска.

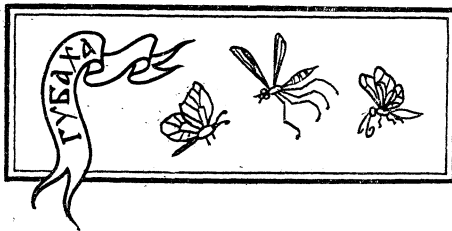
В конце XVII — начале XVIII веков на месте Горного Шита стояло село Верхний Уктус (на реке Уктус), через которое шла важная дорога из Кунгура в Сибирь. В 1709 году башкиры напали на это село и разорили его. В. Н. Татищев в свое первое управление уральскими заводами заложил здесь в 1721 году для защиты от нападения «башкирцев» укрепленное селение, назвав его красивым символическим именем Горный Шит. Туда были переселены драгуны Уктусской роты. С течением времени дорогу в Сибирь провели прямо через Екатеринбург, а южнее были построены укрепленные заводы Сысертский и Полевской, а также крепостца Косо-

бродская. Укрепления в Горном Шите стали ненужными, в 1773 году их уже не было, а само село сохранилось.

ГОРОДИЩЕ, название очень многих населенных пунктов или их частей, а также различных урочищ как на Урале, так и вообще в России и за ее пределами — в славянских землях. В одной только Пермской области восемь сел и деревень с этим названием, в Свердловской области их пять.

Название имеет значение «место, где раньше был город (в старину «укрепленный городок», «укрепление»)». Обычно в таких местах сохраняются валы, рвы, развалины. Для археологов такие названия часто сигнал — здесь надо производить раскопки.

ГРЕМЯЧИНСК, город в Пермской области. Поселение возникло в 1941 году в связи с освоением Гремячинского угольного месторождения. В 1949 году из горняцких поселков был образован город Гремячинск. По реке Большая Гремячая (русское диалектное *гремячий* — «гремящий», *гремяч* — «ключ», «родник»).

ГУБАХА, город в Пермской области, центр угледобывающей и химической промышленности. Населенный пункт возник здесь в середине XVIII века, когда было открыто месторождение железной руды. В начале XIX столетия в этих же местах было обнаружено месторождение угля. Городом Губаха стала в 1941 году.

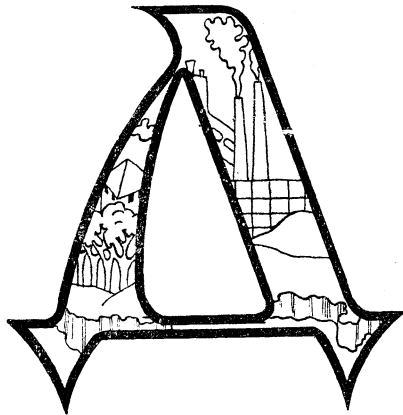
По речке Губаха (притоку Косвы). Суффикс *аха* явно русского происхождения (сравните *рубаха*). Топоним Губаха невозможно отделить от двух других названий Прикамья: Губ (левый приток Яйвы) и село Губдор (на тракте Соликамск — Чердынь в Красновишерском районе Пермской области), упоминаемое как погост уже в писцовой книге Яхонтова 1579 года. Основу *губ* сравнивали с коми-пермяцкими словами *гоб*, *губ* «гриб (вообще)» и *геб* — «мошка». В частности, Губдор переводили «Страна мошек», или «Край мошек», поскольку коми-пермяцкое слово *дор* имеет значение «край». И. Я. Кривошеков пишет, что это «отвечает действительности в настоящее время, благодаря близости больших болот, составляющих долину реки Вишеры». Однако переработка коми-пермяцкого *геб* в русское *губ* мало-

вероятна, а мошки достаточно и в других местах Прикамья, поэтому толкование «Страна мошек» трудно принять. Очень сомнительно и сравнение с *гоб*, *губ* — «гриб (вообще)». Заманчиво сопоставить с коми-пермяцким *гублян* — «яма», «рытвина в реке», «вымоина» или коми-пермяцким *гӧл*, коми-язьвинским *гол* — «углубление», «яма» (в коми-язьвинском также «глубокое тихое место в реке»).

И еще одно: Губдор находится на Губдорском озере. Это открывает путь и для сравнения с мансийским языком, так как в западномансийских диалектах «озеро» — *тор*, в русской передаче иногда с озвончением, то есть *дор* (Колтор — «Избное» или «Рыбное», но Елпиядор — «Священное»). Озвончение могло произойти и в коми языке (сравните название озера в Коми АССР Синдор, которое тоже выводят из мансийского языка).

ГУБЕРЛИНСКИЕ ГОРЫ, в юго-восточной части Южного Урала в бассейне реки Губерля (Оренбургская область).

Первично название реки, хотя уже П. Паллас в XVIII веке упоминает Губерлинские горы и Губерлинскую крепость (у Палласа река называется Губерлина, Губерла). Обычно переводят «Жабья» от татарского *губерле бака* — «жаба». Другое объяснение — «Бурлящая» (татарское *губердяч* — «бурлить», «клокотать»). В Юргамышском районе Курганской области есть село Губерля.

ДАВЛЕКАНОВО, город в Башкирской АССР к юго-западу от Уфы (до 1942 года — поселок). От башкирско-татарского личного имени Давлекан (произносится приблизительно как Дяулякан). Есть еще деревня Давлеканово в Бураевском районе Башкирской АССР и починок Даулекан в Бавлинском районе Татарской АССР.

ДАЛМАТОВО, город в Курганской области на левом берегу реки Исеть.

В 1644 году здесь был основан Далматовский монастырь, начало которому положил казак Дмитрий Иванович Мокринский, принявший в монашестве имя Далмат. По легенде, скорее всего придуманной монахами, местность, где поселился Далмат, находилась во владении тюменского татарина Илигея, который после чудесного видения отдал ее во владение Далмата. По другой версии Далмат был родственником Илигея по матери. Близ монастыря сперва возникла слобода Служняя, а потом село Николаевское или Долматовское. В 1781 году оно было переименовано в уездный город Далматов.

ДАРЬЯ, правый приток Чусовой. Впадает в рабочий поселке Староуткинск (Шалинский район Свердловской области).

Заманчиво сравнить с иранскими языками, например, с таджикским *дарье* — «река», памятуя о возможном пребывании в древности иранских племен (сарматов) на Южном и Среднем Урале. Однако это иранское слово проникло и в некоторые среднеазиатские тюркские языки (киргизское *дарья*, узбекское *дарё*, туркменское *деря*), что очень усложняет ситуацию, так как в прошлом среднеазиатские слова могли легко просочиться в тюркские языки Урала.

Топоним Дарья может оказаться мансийским (вогульским) по происхождению, тем более, что в Дарью впадает река Вогулка. В этом случае конечное *я* надо сравнивать с мансийским *я* или *е* — «река», а основу *дар*, например, с усеченным мансийским *тарыг* — «сосна» или *таарыг* — «журавль». Заметим, что мансийское *г* в конце слова звучит очень слабо и часто вообще отпадает.

ДВУРЕЧЕНСК, рабочий поселок в Сысертском районе Свердловской области (с 1957 года). Расположен у впадения реки Сысерть в Исеть, отсюда и название Двуреченск.

ДЕГТЯРСК, город в Свердловской области.

После того, как А. Н. Демидов в 1731—1734 годах построил на реке Ревде железодобывательный завод, юго-восточнее Ревды, там, где сейчас находится Дегтярск, начали выжигать уголь, необходимый для железодобывательного производства, а также гнать деготь и древесную смолу. Постепенно здесь возник небольшой поселок углежогов и дегтярей — Дегтярка (впоследствии Северная Дегтярка).

С 1914 года, когда началась разработка Дегтярского меднорудного месторождения, поблизости появился горняцкий поселок — Ревдинская Дегтярка. В первые годы после революции будущий город обычно называли просто Дегтярским медным рудником, затем рабочим поселком Дегтяркой, который в 1954 году был преоб-

разован в город районного подчинения — Дегтярск.

ДЕМА, значительный левый приток Белой, впадающий в пределах города Уфы. По-башкирски название этой реки звучит Дим. На юго-востоке Татарской АССР, в Бавлинском районе, тоже есть небольшая река Дим (по-русски Дымка), близ устья которой находится село Димтамак, то есть «Устье Дымки».

В татарском языке находим слово *дым* — «влага», «сырость». Но это сопоставление (дым — дым), несмотря на его соблазнительность, трудно принять, потому что *и* и *ы* в татарском языке звучат разные. К тому же в документах XIII века Дема фигурирует в форме Дума, что еще больше затемняет картину. Остается думать, что это древнее слово (добашкирское и дотатарское).

ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ, высокий хребет на Северном Урале (1493 метра) в верховьях реки Сосьвы, северо-западнее города Североуральска.

Назван по имени манси Андрея Денежкина, который в середине XVIII столетия жил в становище по реке Сосьве ниже по течению от этого хребта. На Сосьве до сих пор существует поселок Денежкино (ранее Денежкино зимовье, затем деревня Денежкина). Возможно, что этот населенный пункт возник на месте мансийского становища. Западнее Денежкино находятся невысокие горы — Денежкины Камешки.

ГОРА ДИДКОВСКОГО, одна из наиболее значительных гор на Приполярном Урале (1777 метров). Названа в честь видного уральского революционера Б. В. Дидковского (1883—1938).

ДОБРЯНКА, город в Пермской области на левом берегу Камского водохранилища в устье реки Добрянки. В 1752 году здесь был основан металлургический завод. В 1943 году Добрянка стала городом.

На первый взгляд, название прозрачно: достаточно вспомнить русские слова *добряк*, *добрячка*, *добрыня*, *добруша*. Но Н. К. Чупин в своем «Словаре» пишет: «Прежде Добрянский завод назывался Домрянским, а река Добрянка — Домрянкою». В переписной книге 1647 года всеводы П. К. Елизарова действительно упоминается деревня Домрянка. Более того, оказывается, названия Домрянки, Домрянский завод были в ходу до XIX столетия. Похоже, что формы Добрянка, Добрянский завод появились под влиянием народной этимологии: непонятное *домр* было заменено на *добр*.

Истоки топонима ищут в названии музыкального инструмента *домра*

или конструируют коми-пермяцкое *дом-рам-ва* (дословно «привязь» — «тихий» — «вода»), что якобы означает «тихая причальная вода». Оба эти предположения нелепы.

ДОНГУЗ, левый приток Урала, впадающий ниже Оренбурга. На пересечении этой реки и железной дороги Оренбург — Соль-Илецк находится железнодорожная станция Донгузская.

Еще Паллас писал о реке Тонгус близ Оренбурга: «Название реки доказывает, что на оброслых тростниковом берегах и лощинах водились кабаны...» В тюркских языках находим соответствующее слово: татарское *дунгыз*, казахское *донгыз* — «свинья». Ближе к топониму казахское слово.

ДУВАН, село в Дуванском районе, на северо-востоке Башкирской АССР (в прошлом — районный центр, позднее перенесенный в село Месягутово).

Из башкирского *дыуан* — «совет», «сбор», «сборище», родственного кумыкскому (есть такой тюркский язык на Кавказе в Дагестанской АССР) *дуван* — «суд», казахскому *дуан* — «окружной суд». Или из названия башкирского племени дуван. В конечном счете это слово заимствовано в тюркские языки из персидского, где *диван* — «государственный совет», «суд».

На Урале и в Поволжье много урочищ, особенно открытых высоких мест, с названием Дуван. Вполне возможно, что они связаны с дальнейшим переосмыслением слова *дуван* уже в русском языке: «совет» — «место совета (на возвышении)» — «открытая возвышенность». И верно, в русских говорах есть слово *дуван* — «чистое открытое место», а также «делёж добычи» и сама «добыча» (ее делили на «совете», «сборе»).

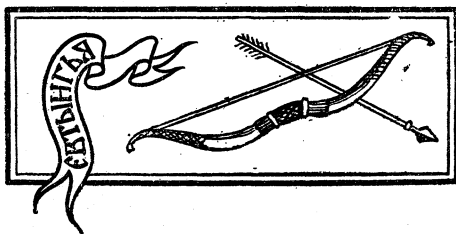
В русских говорах встречается еще слово *дуван* в значениях «возвышенность, которая со всех сторон продувается ветром».

ДЮРТЮЛИ, рабочий поселок (с 1964 года), районный центр на северо-западе Башкирской АССР. Кроме того, в Башкирии есть еще три и в Татарии два населенных пункта с названием Дюртили. В переводе с башкирского и татарского языков этот топоним — «Четыре дома», «Четырехдомный».

ЕВТЫНГЪЯ, правый приток Нйса (верховье Северной Сосьвы).

Мансийское слово *évt* — «лук (оружие)», *évtynг* — «луковый». Таким образом, Евтынгъя — «Луковая река». Очевидно, название дано по лукам-самострелам, которые некогда ставили манси на мелкого и крупного зверя (особенно на лося и медведя). Иначе возникло название горы Евт-Хури, которое переводится «Изображение лука», «Подобная луку» (манси различают Яныг-Евт-Хури — «Большую Евт-Хури» и Мань-Евт-Хури — «Малую Евт-Хури» (это название дано по форме).

ЕГОРШИНО, крупная станция на пересечении железных дорог Свердловск — Тавда и Богданович — Алапаевск (Свердловская область).

Село Егоршинское, или Егоршино, основано в XVII веке. В 1871 году вблизи села было открыто богатое месторождение угля-антрацита. Началась его разработка, возникли шахтерские поселки. В 1915 году была сооружена железнодорожная станция Егоршино. В 1938 году село Егоршинское и пристанционный поселок Егоршино вошли в состав города Артемовский, но название железнодорожной станции сохранилось.

Происхождение названия прозрачно: Егорша — народноразговорная форма личного имени Георгий (народное Егор). По-видимому, неведомый Егорша был основателем села.

ЕЛАНЬ, название многих уральских сел и деревень, а также различных урочищ. Только в Свердловской области три населенных пункта с этим названием. Встречаются они и в Поволжье, и в Сибири. К этой же группе наименований относятся более редкие Ялань, Ялани.

Разгадку находим в русских народных говорах, где есть слово *елань* — «равнина», «открытое безлесное место», «луг», «поляна в лесу». Слово это заимствовано из тюркских языков, в татарском и башкирском *ялан* — «поле», «луг». Переход *ялань* — *елань* произошел уже в русских говорах подобно устному *ечмень* из *ячмень*.

ЕЛИЗАВЕТ, село на южной окраине Свердловска, сейчас включено в городскую черту.

В 1722 году на реке Уктуске (теперь Патрушиха) начали строить Верхнеуктусский железодобывающий завод «цесаревны Елизаветы» (дочери Петра I). После пуска Екатеринбургского завода Верхнеуктусский почти не работал, и вскоре был вообще упразднен. Осталось село — Елизаветское, или Елизавет.

ЕМАНЗЕЛГА, название нескольких рек в южной части Среднего Урала, из которых наиболее значителен правый приток Уфы, протекающий по территории Свердловской области. Первая часть слова (*еман*) — русская перделка татарского или башкирского *яман* — «плохой», «дурной», вторая (*зелга*) — отражает диалектный вариант татарского *елга* или башкирского *йылга* — «река», в целом — «Плохая река». Любопытно в связи с этим замечание Палласа, что словом *зылга* «называется у башкирцев и татар каждый проток, в котором бегущая льется вода».

На территории Башкирской АССР в Уфу впадает слева довольно значительная река с аналогичным названием Яманзельга. Названа эта река плохой потому, что ее вода сильно минерализована.

Наконец, надо упомянуть о городе Еманжелинске в Челябинской области (возник в 1930—31 годах в связи с разработкой угля, рабочий поселок — с 1932 года, город — с 1951 года). Город стоит в устье реки Еманжелинки на берегу озера Сарыкуль. На карте 1914 года в этом месте находим населенный пункт Яманжелино. П. Паллас в дневнике путешествия 1770 года пишет, что в озеро Сарыкуль (у него — Сарыкуль) вливается «небольшой ручей Яманзилга, над коим кичигинские и иткульские козаки сего лета населили новую деревушку, укрепив и назвав оную по имени сего ручья».

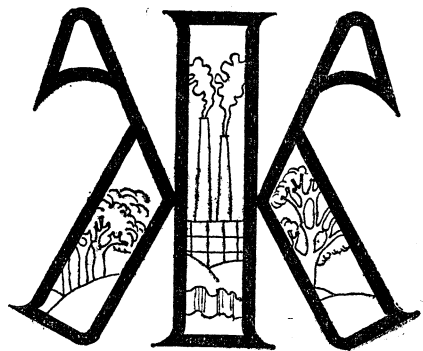
ЕМКИ, общее название нескольких горных хребтов на крайнем северо-востоке Пермской области, в между-речье Вишеры и Печоры.

Манси различают Яныг-Емки («Большие Емки») и Мань-Емки («Малые Емки»). В топониме Емки легко выделяется компонент *ки*, аналогичный слову *ки* — «камень», которое некогда существовало в коми языке, но сейчас сохранилось только

в сложном слове *изки* — «жернов». В других финно-угорских языках находим: хантыйское и мордовское *кев*, финское *киви*, марийское и мансийское *кю* — «камень». Значение первой части слова неясно. Трудно сказать и к какому финно-угорскому языку восходит топоним Емки.

ЕРТАРСКИЙ, рабочий поселок в Тугулымском районе Свердловской области (с 1940 года).

Поселение возникло в середине XVIII века. Название усвоено у местных татар. Можно сопоставить, например, с татарским диалектным *йортара* — «двор». Но татарское *йо* обычно передается русским *ю* (сравните татарское *йорт* — «дом», «двор», «усадебный двор», «жилище» и русское *юрта*), и это осложняет поиск решения.

ЖАРЛЫ (иногда Джарлы), правый приток реки Кумак на востоке Оренбургской области (бассейн Урала).

Из казахского *жар* — «яр», «обрыв» плюс суффикс прилагательного *лы* («обрывистый»). В казахской топонимии слова *жар* и *жарлы* встречаются очень часто: Жарколь, Жарбулак, Жаркум, Жарлы, Жарлыбутак, Жарлыколь и тому подобное.

ЖЕТЫКОЛЬ, большое озеро на самом востоке Оренбургской области. В переводе с казахского — «Семь озер». Любопытно, что севернее этого озера на карте обозначены два небольших озера, а юго-западнее еще четыре. Так что озер действительно семь. В Казахстане тоже есть озера с этим названием («Жетиколь»), их смысл обычно толкуется «много озер»: число семь в различных языках мира обозначает неопределенное множество. Другие казахские названия такого рода: Джетысу — «Семиречье», Жетикара — «Семь холмов», Жетиарал — «Семь островов».

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ФОТО НА ПАМЯТЬ

Рассказ
Анатолий
ВЛАСОВ

Рисунок
В. Кохана

— Люсь, что я нашел!

— Отстань...

— Нет, ты только посмотри!

— Как? Через стенку? Я же не ясновидящая
Роза Кулешова.

— Представь, что Розу и нашел. Другую, конечно. Помнишь, с тобою работала? Вот отпечатая... Подожди.

— Нет уж...

В комнате щелкнул выключатель, жена погасила свет, пошарила по дверце боковушки, сказала нетерпеливо: «Чего заперся?», он откинул крючок, и Люся втиснулась к нему, а с нею вплыл свежий, прохладный воздух комнаты. И она показалась свежей, рукой он обхватил мягкие бедра жены, щекой прижался к боку, холодному от синтетической ткани.

— А что не кажешь, если нашел?

В лаборатории горел красный свет, от него красными были кюветки, с прозрачными розовыми растворами в них. Люся протянула к фонарю пальцы, и в его свете ее длинные и узкие ногти, покрытые густым лаком, стали белыми.

— Белые! Белые ногти! — обрадовался Дима неожиданному поводу потянуть время, подзадорить любопытство жены. Однажды Люся зашла к нему вот так же, когда он печатал снимки, в переднике — белые и красные продольные полосы сантиметровой ширины. И он показал фокус. Положил край фартучка на столик, и ткань стала совершенно однотонной, почти белой, с легким пепельно-розовым отсветом. «А где полосы?» «Ты их на кухне оставила.» Так что сейчас он Люсю не удивил.

— Ты мне зубы не заговаривай. То — нашел, то — ногти белые. Кажи!

Она даже чуть притопнула туфель, как девушка.

Он медленно поправил под объективом бумагу — простой писчий лист, положенный для просмотра негативов, долго вправлял в рамку пленку и наконец объявил торжественно:

— Даю свет!

Чакнула кнопка переключателя, и в полный размер листа на доске увеличителя вспыхнуло черно-белое негативное изображение: пятеро девочек стояли у станка — непринужденные позы, широкие улыбки белых губ, черные волосы у белокурой Люси и совершенно белые у цыганистой Розы.

— Вот она, слева. Розочка Лосева.

— Увидела, что не справа. Можешь не уточнять. А это?

— Таня Свешникова. Кто ж еще.

— Да, Танька. А в середине?

— Ну, ты меня удивляешь. Разве можно забыть?..

— Неужели Лидия? Ах, Лида... Как улыбается, голову-то запрокинула. Отулыбалась...

А это Лена? И не узнаешь... Ведь столько прошло годочков...

— Ну сколько? Этот снимок я сделал... двенадцать лет назад. Или в июне, или... Конечно, в июне! Ну что эту вот крайнюю особу я увидел именно тогда и такой — тут задокументировано. Та самая, твоя клетчатая кофта, те клипсы.

— А почему ты тогда не сделал нам карточки?

— Затерял негатив. А сегодня перебирал старье, смотрю: букет девичьих рожниц и причесок. Как цветок.

— Конечно, конечно. Роза — да не цветок. Все годы, наверное, искал.

— Не искал, да нашел. Вот сделаю отпечатки большим форматом, и всем раздам.

— Ну, кроме Лидии. Ей уж не надо. Да и Роза где?

— Розу найду. Есть же у ней родня, выпрошу.

Люся отодвинулась от него.

— Да ищи-ищи. Жалко, что ли.

— А тебе это что — не понравилось?

— Да то. Найди да вышли. Письмо еще напиши. Рада будет. Как же — Димочка вспомнил.

— Чего ты на самом деле?

— А то. Думаешь, забыла, ради кого ты нас всех фоткал? К Розке пришел, а мы тут...

— Конечно, тут. С тобой, например, тут и познакомился, у этого самого станка. Так что нечего.

— Да уж нечего. Если бы Володька тебе отворот не показал, не отлип бы от Розы.

— Значит, к тебе бы не прилип, коли на то пошло.

— А если на то пошло, так я сама тебя выбрала. И Розка довольна осталась, больно привязчивый был.

— Был да сплыл. Так что не волнуйся.

— А я и не волнуюсь. Была нужда! Печатай свою Розу!

Она ушла, и там, в комнате, сердито молчала. Ему же, наоборот, хотелось говорить, вспоминать, так взбудоражило его старое изображение. Дима сделал пробный отпечаток, наскоро проявил и закрепил его, ополоснул водой и мокрым расстелил в светлом квадрате под увеличителем.

Конечно, Роза на фото была, как георгин среди ромашек. Лохматые крупные кудри, полные губы, прищуренные длинные глаза, скулы с темными пятнами — такой крутой бывал у нее румянец. И что-то бесшабашное, вызывающее написано на лице.

Превосходна была Лидия. Голова вполборота, лицо вздернуто — у, гордычка! — прямые светлые волосы распущены по плечам, глаза полуприкрыты. И губы... не улыбочка, а усмешечка: вот, мол, какая я!

Люсю уже тогда разнила от других нежная плнота. Не это ли — мягкость лица, рук, тела — тогда и пленило?

А Танька, Танька! Вот тебе и Танька. Ростом так себе, худенькая, очкастая, тонколицая, мелкозубая, а в деле — первая, в словах — рассудительная, в жизни — справедливая. И даже здесь не смеется, одна.

И Лена: некрасивая девчонка, а хохочет... Пуще всех...

— Люсь. Ты что делаешь?

— То и делаю.

— Нет, все же.

— Да тебе не все ли равно.

— Дружные вы были?

— Да ну тебя, прилип опять.

— Нет, скажи.

— Да что я скажу. Танька тогда бригадирила.

— Она строгая была?

— Любила покомандовать.

— Люсь, а Лидия?

В комнате помолчали, однако молчание было недолгим.

— Странная была. То вся горит работой, то как холодной водой окачена. Глаза отрешенные, из рук все валится. Но чаще веселая была. Начнет парням глазки строить, свидания на один вечер троим назначит, да ни к одному не придет. Те на другой день с претензиями, все вместе, а она заливается: «Вы, парни, шуток не понимаете, ли чо?» Или забыл, как сам три вечера впустую ждал ее? Еще бы бегал, да за Розкой ухлестнул...

— Люсь, а Лена?

— Ленка Ленкой и осталась. Вкалывает — дай боже всякой. Да дочку растит, вот и довольна.

— Двое вас из той бригады осталось. Из пятерых-то. Люсь, а почему Таня Свешникова-то оставила вас?

— Показать себя захотела. Трудную бригаду взяла. Мы ее Танькой звали, а туда пришла, старший мастер представил: «Вот ваш новый бригадир, Татьяна Андреевна. Прошу любить и жаловать. И подчиняться». За Андреевной и ушла от нас. И теперь все — Татьяна Андреевна, Татьяна Андреевна... Слушать противно!

— Люсь, а как у тебя с Розой? Люсь, ты заснула, что ли? Ладно, ладно. Молчи...

Отпечаток, поблескивая глянцем, лежал на темной полировке журнального столика и светился под зеленоватой лампой торшера.

Это был классный снимок!

Все вышло на славу, к тому же негатив оказался куда как хорош, а уж теперь-то, с таким

солидным стажем фотолюбительства, Дима мог сделать добрую фотографию.

— Как вчера я вас щелкнул, — раздумчиво сказал он, усаживаясь на стул напротив жены и ожидая ее похвал.

Люся поскуцнела, но глаз от поблескивающего отпечатка уже не могла оторвать. Вздыхнув, она сказала негромко:

— Если бы знать тогда хоть вот на такую толику, — она показала краешек алого ноготка, — что впереди у каждой...

— Вот что, я сейчас...

Дима принес подсвечник с тремя голубыми, уже оплавленными свечами, чиркнул спичку. Загорелись три острых беспокойных огонька. Выключил торшер, и на вогнутом листке отпечатка возле веселых девчонок стрельнули три желтых живых лучика.

— Люсь, а сколько Лидии было?

Она помедлила и заговорила нехотя, но, наконец, уже не могла не рассказать.

— Старше нас. Здесь ей двадцать. Прибегает раз на смену. В щеках пламя, глаза искрят. «Люська, Люська, я сегодня не работаю! Мне надо день, понимаешь! Влюбилась по уши. Пиши прогул или отпуской!» «Иди к мастеру.» «А я не хочу! Не могу же я ему об этом!» «Я не имею права отпускать. Иди к мастеру.» «Не тот он человек, чтобы я перед ним объяснялась». «Я не могу отпустить». «Пиши прогул! Пиши-и-и!» И убежала. А у самой уже три опоздания, да накануне с работы на два часа раньше смылась. Я вынуждена была доложить мастеру... Он докладную начальнику цеха подал. И на другой день вытащили нашу Лидию на обсуждение. Она подняла голову, повернула вот так же в сторону — и ни слова. Ее просят женщины, постарше нас которые: «Скажи, Лида, зачем так делаешь? Объясни, что да почему. Мы ведь понятливые. А пойдем, так и разберемся поженски. Может, и не завиним тебя. Ты уж выложи нам все, как на духу.» А она молчит. Тут-то и сказали ей: «Тебя, Лидия, в субботу на пруду видели. Ты в лодке с парнем вино пила, прямо из бутылки!» Лидия как посмотрит... Сверкнула глазами и мимо всех молча, с поднятой головой — к выходу. Собрание тогда и решило просить завком дать согласие на увольнение Лидии Скворцовой. За допущенный прогул. Вот и все. А утром звонок в цех: Лидия в больнице, разбилась на мотоцикле. Мы стражделегата сразу послали, навестить Лидию. Да уж не успели...

Люся сидела, упершись локтями в стол, зажав ладонями щеки.

Дима вытянул губы и слегка покачивал головой.

— Она с парнишкой тогда познакомилась. Только в армии отслужил. Он без ума в нее втрескался, и она... Говорят, хотели уж поже-

ниться. Не могла она без него. А прямо с собрания — опять к нему же. Да на мотоцикле в горы. Выехали на шоссе, она: «Жми! Чтобы дух захватило!» И все требовала: «Жми, Юрка! Еще! Еще!» Кричала ему в ухо: «Хорошо-то как! Легко-то как!» Легко ей было... Он-то и впрямь легко отделался — плечо только разбил. Через месяц выписался из больницы, да за решетку. Отсидел свое и уехал. Вот и все.

Люся поставила карточку на ребро за подсвечником. Упругая бумага сощелкала своим торцом по полировке.

— Люсь, а Татьяна была на том собрании?

— Все в то лето и случилось, когда Татьяна в другую бригаду перешла. И Розка уехала экзамены сдавать. Да не сдала она. И Лидия... Сними нагар на свечах... И мы с тобой в то лето встретились...

— Знаешь что, Люсь. Позовем-ка мы Таню, Елену в гости. Розе напишем...

— А к чему это нам? Совсем ни к чему, Дима.

— Ну, как хочешь.

Дима идет по заводу. Он в новеньких зеленых брюках, туфли из желтой кожи с дырочками, будто пробитые крупной дробью, в сиреновой рубашке-кофте с пестрыми разводами. На плече — ремешок фотоаппарата.

Жарит солнце, и в траве газонов — там, тут, в третьем месте — вдруг жидким стеклом вырастают прозрачные зонтики воды, края их разрываюся на мелкие брызги и белой пылью оседают на зелень, мокрят асфальт. Смолкают кузнечики. Минута — и свежесть облегчением наполняет грудь. Дима вскидывает аппарат к глазу, нажимает спуск. Будет симпатичный кадр для заводской фотогазеты.

— Дима, приветик!

— Салям, девочки.

— Дима, ты нас сфотографировал в то воскресенье на пляже. Когда сделаешь фотки?

— Как делать? Красивыми или так себе?

— Да мы серьезно, Дима. В накладе не будешь.

— И я не шучу. В понедельник меня ищите.

— Найде-ем!.. А ты куда?

Девочки поправляют на себе синие халатики, прихорашиваются перед ним.

— Я к Татьяне Андреевне.

Но тут новый разговор:

— Димка, черт! — кричит парень. — Ты куда провалился? Я тебя неделю ищу.

— Плохо ищешь. Кто ищет, тот найдет.

— Ты сейчас куда?

— В четырнадцатый.

— Димка, плюнь. Иди к нам. Сегодня мы в сборе. Да и перерыв кстати. Сфоткай нашу бригаду — семерых охломонов. Завтра пятеро оста-

емся. Борька с Глебом сбежали. В институт. Понимаешь, фотка на память. Калым сразу на бочку.

— Зайду, — обещает Дима надежно...

Татьяну Андреевну он увидел за стеклами в конторке старшего мастера. Она сидела, а перед ней стоял парнишка, морщась и глядя куда-то в бок.

Дима открыл легкую остекленную дверцу, спросил негромко:

— Можно ли, Татьяна Андреевна?

— Дима?! Заходи-заходи. Я сейчас.

И обратилась к парню:

— Ты, Ванек, вот как нам нужен. И себе, дружок, тоже нужен именно здесь, а не где-то там. Ты понять это должен. Я тебя ни за что не отпущу, пока человека из тебя не сделаю.

Парнишка отрешенно смотрел в сторону.

— Ну, иди. Не подпишу я тебе заявление. Не в первый и не в последний раз мы с тобой толкуем.

Когда парень ушел, она подвинула винтовой стульчик поближе и сказала:

— Посиди-ка, дружок, рядышком. Как это ты зайти надумал? Уж не ко мне ли в бригаду проситься? Айда, возьми. Как раз одного наладчика ищу. Мастером своего выдвинула. Уже второго лучшего наладчика вот так отдаю. — И вздохнула, блестя стеклышками очков. — Вот ведь незадача.

— Растут у тебя люди, Татьяна Андреевна.

— Ну, дружок, и всегда-то я для вас с Люсей была Таней. Вот и зови по-старому, не навеличивай. Так что пожаловал?

— И не догадаться, Таня. Но прежде поздравить тебя хочу.

— С чем же? — она подняла вопросительно белесые брови.

— Так ведь по-новой с тем же. Прихожу нынче на избирательный, получаю бюллетени, а в одном Татьяна Андреевна Свешникова, Танька то есть, нашим кандидатом пропечатана. В облсовет. Разрешите пожать вашу ручку...

— Спасибо, Дима. Неужели до избирательного не знал?

— Так то слова были. А тут черным по белому, своими глазами. Ты у нас, Таня, так и до ордена добьешься.

— А что? И добьюсь, — она улыбнулась. — Люся-то как, не хворает? Давненько я ее не видела.

— Здорова. Спасибо.

— Так что же еще?

— А вот еще то самое.

И Дима извлек через расстегнутый ворот, изпод своей сиреновой рубашки с разводами, черный пакет, а из пакета осторожно вытянул фотоснимок и положил его перед Таней.

Она крутнула, будто не понимая, головой,

достала из кармана платок, отчего сразу тонко нанесло духами, протерла стекла очков.

— Дима! Ей-богу, дружок, хоть целуй тебя за это.

— Так я не против.

— Да ведь это мы-ы... И Роза, и Люся, и Лена, и Лидия... Лида, Лида...

Она вздохнула.

— И все как огурчики зеленые,— пошутил Дима.

— А я-то, я-то какой цыпленок! Люсенюшка твоя... А Роза! Ух, цыганка черная. Ну, дружок, уважил. Ты мне разреши снимок с собой взять, я мужу покажу.

— Дарю сердечно, помни вечно.

— Ну, спасибо. Уж вот не подумала бы. А ведь ты тогда обещал через неделю принести, дружок. И сколько же я должна тебе? Говорят, ты дорогой мастер.

Дима смутился, Татьяна Андреевна весело и настойчиво глядела ему в глаза и, конечно же, наблюдала, как медленно и густо краснели его щеки и уши.

— Да будет тебе, дружок. Я ведь шутил. Приму как подарок. За наше обещание. Помнишь, Лидия тебе сказала: сними, мол, нас, так мы тебе из своей бригады невесту выделим. Уж кого она подразумевала, не скажу, но Люсю-то ты из нашей бригады взял... И как ты удумал принести-то? Для всех сделал? Ну, конечно, кроме Лидии. Не уберегли мы девку, все виноваты. И Розе пошлешь? Слыхивала я — в гору они с Володькой пошли. Так спасибо тебе, дружок, не знаю, как и высказать...

Еще Дима завернул в цех, где работала на полуавтоматах его Люся. Собственно, там этот снимок и был сделан когда-то. Оставалось вручить карточку Лене, ее он, пожалуй, и не помнил вовсе, а как пришел на участок полуавтоматов, так сразу и узнал, увидев обеих — и жену, и эту самую Лену: высокая, худая женщина, выглядывшая куда старше своих тридцати, что-то кричала Люсе.

У женщины было узкое, немного желтоватое лицо и белые большие уши. По этим ушам и определил Дима, что Лена на снимке и эта ругающаяся женщина — одно и то же.

— Ты мне можешь воду на киселе не разводить,— кричала она,— я твоих пигалиц в пять раз больше роблю, везу бригаду, как лошадь, а ты меня с ними равняешь! Ты подумала, что я одна, что мне девку поднимать надо? Я тебе такой процент гоню? А мне самую плохую работу. Пусть энти пигалицы с мое тут поробят! Да еще наладчика сопливого поставила, он гайку с шестерней путает, дак я, по-твоему, как робить должна?

— Здравствуй! — громко сказал Дима, не пред-

видя скорого окончания этой перепалки.— Здравствуй, я к тете Насте.

Но шутка была явно не к месту.

Лена сердито глянула на него и замолчала, сжала побелевшие губы.

— Ты чего? — спросила жена, все еще красная от неприятных слов, наговоренных ей.

— Это вам,— пропустив мимо ушей вопрос жены, обратился он к Лене, подавая снимок.

— Мне платить нечем,— косо глянув на фотографию и поняв, что к чему, отвернулась Лена.

— Да я ж на память. Вы хоть посмотрите, кто тут.

— Не слепая, вижу.

— Возьмите так, это для вас.

— Говори! Кто бы это даром карточки делал? Вон Юльку мою снимал один, так по тридцать копеек за карточку содрал, а карточки-то со спичечный коробок. А энта — картина целая. Рубля три, поди, стоит.

— Я ж толкую вам — возьмите так.

— За так не бывает. Сейчас не возьмешь, потом притащишься пьяный, потребуешь на бутылку... Нет, убери.

— Я непьющий,— неловко засмеялся Дима, хотя ему было очень неприятно от ее слов.

— Значит, жена твоя горяшка не знает. То и чужую беду плохо понимает.

— Да не о том речь,— перебил он, потому что надо было как-то убедить Лену, и обратился к жене: — Ну толкуй ты ей...

— Возьми, Елена,— сказала Люся.— Он вчера старый негатив разыскал и всем отпечатал по снимку. Смотри, какие мы были.

— Глупые были. Кабы умные были, не лыбились бы так. Вон, Розка-то ржет. А чего ей не ржать было, парни за ней гужом бегали. Она и вертела ими, как хотела. Володьку, говорят, теперь в таких руках держит, что он шелковым стал. И правильно.

— Лида на снимке, память,— сказала Люся.

Елена как-то недружелюбно посмотрела на нее.

— А тебе тогда нечего было ее на собрание тащить да про лодку брякать. Тоже мне, память.

Люся вспыхнула и отрезала:

— Не болтай, если не знаешь.

— Да я вот этими глазами видела, этими ушами слышала,— Елена поскребла ребром ладони свое большое белое ухо.— И к мастеру тогда можно было не бегать, а уж пошла, так объяснила бы по-человечески... Да что с тобой толковать! Ты никогда людей-то понять не могла...

— Ты их очень понимаешь, да? — вскинулась Люся.

— Ну-ну! — вмешался Дима.— Я вижу, вы не о том разговор завели. Пошли напрямую.

— А чего нам вокруг да около,— не унима-

лась Лена,— знаем, кто чего стоит. Вот эта разве что нам не чета,— она ткнула пальцем в фотографию на Таню Свешникову.— Это другого поля ягода. Бригадир такой же, да человек другой. Я только, дура, и осталась с тобой, приржавела к своим полуавтоматам, ни вправо от них, ни влево, а уж вперед — и подавно. Куда уж нам,— она опять косо посмотрела на Люсю.

— Гм,— хмыкнул Дима.— Однако... Кто да где сейчас, да каков — надо ли говорить? На снимке вы все ровня. Да и теперь не в должностях дело.

И он положил фотографию на тумбочку.

— Возьми, Лена. Будь здорова!

Она взяла снимок в руки, отнесла его подальше от глаз, видно, зрение уже ослабело, и во взгляде ее вдруг появились мягкость и влажность. Она, не стесняясь, утерла глаза.

В тот же день удалось разыскать Володькину сестру и узнать его адрес. И фотография в самодедном конверте из тонкого серого картона с пометкой «авиа» полетела с Урала в далекий алтайский город Барнаул. Дима вложил в конверт еще и небольшую записку, сообщив, что с Люсей жизнь у него идет благополучно, пожелал всего доброго и Володьке, и Розе.

А через три дня получил телеграмму:

«За фото благодарна володька арктике институт закончила вас всех помню и люблю работаю технологом целую милку тчк все вскл роза».

— Ну,— сказал Дима,— круто отписала. Вон куда уже Володьку занесло. А имечко-то Люсино — то самое...

«То самое» он и сам эксплуатировал. Возвращаясь порой из гостей, дома, на пороге, исполнял нежно:

Эх ты, милка моя, вересковый кустик!

Неужели ты меня ночевать непустишь?

Эффект этой самодеятельности был всякий раз один и тот же: его Люся-Люсенька, его Мила-Милка — уж как только он не называл ее, пребывая в веселом настроении,— бросала на пол старое пальто, вместо подушки — фуфайку и отвечала:

— Как не пушу? Вот тебе угол. Ночуй!

Не любила она слово Милка. А он еще называл ее Милкой, если видел в ней вдруг такое, что раздражало его. Как там, в цехе, при их разговоре с Леной он едва не сказал Люсе: «Ну, Милка, ты что-то вообще не того!»

Вечером отдал жене телеграмму.

— Написал-таки? — заволновалась она, ревниво читая текст.— Разыскал свою Розочку?..

— Написал, как видишь. А то бы откуда теле-

грамме быть? — Дима энергично поднял руки.— И закончим об этом, Люсь, хватит.

— Хватит, говоришь? Не-ет, Димочка. Вижу, как глаза-то засияли. Ви-ижу. Наверно, тоже в Арктику полетел бы, жар от Розкиной любви остужать?

И она разорвала телеграмму надвое, и скомкала половинки, стала жать их пухлыми пальчиками перед его лицом.

— Вот! Вот!

— Да ты что, Милка? Сдурела, что ли?

Он схватил ее за руки, начал выпрастывать из кулачков обрывки. Она смякла, разжала пальцы.

Дима отошел к столу, положил на него бумажные катыши. Скопил глаза на зеркало. Увидел в нем: жена опустила на стул и стала размазывать по щекам слезы ладонями.

— Ди-имка,— негромко и как-то жалобно сказала она.— Ну, почему я такая? Почему?

Но что мог ответить ей на это Дима?

Сказать лживые слова, что какие мы есть, и ладно? Или хлестнуть жену упреком в равнодушии к чужим радостям и болям? Или спросить себя: почему не научил ее законам добра и участия? А сам-то постиг он эти законы?

И не мог выбраться Дима из этих трудных вопросов.

ТЫ—В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

**Дмитрий
БИЛЕНКИН**

*Найти смолоду
дело по душе—
прекрасно,
но это еще
далеко не все.
Главное—
способность
к самообразованию.
Без этого
великого качества
нельзя быть
по-настоящему
счастливым
не только
в профессии,
но, быть может,
и вообще в жизни...*

Окажись российский современник Пушкина за три тысячелетия до своего рождения где-нибудь на Древнем Востоке, он, конечно, нашел бы там много непривычного. Но еще больше он нашел бы знакомого. Там и здесь — цари, аристократия, рабы, крепостные; тот же пахарь за плугом, бездна ручного труда, схожие средства передвижения, городского благоустройства, связи, одинаково тусклые светильники по ночам. Другие обычаи и нравы? Разумеется, но и в родном XIX веке не меньшую экзотику он сыскал бы в соседней Персии, тем более в далеком Тибете.

Теперь представим того же человека перенесенным всего на полтора-два года вперед, в Москву наших дней. Вы можете вообразить его реакцию на невероятную, ошеломляющую, сверхсказочную новизну всего, с чем он столкнулся бы? Что его могло подготовить к восприятию действительности, в которой люди буднично летают за облаками, смотрят телепередачи из космоса, и нет нигде ни дворян, ни крепостных? Верите ли, но я, писатель-фантаст, не могу представить смятение его мыслей и степень потрясения чувств.

Сами того не заметив, мы оказались в фантастическом для прежних поколений мире. Развитие меж тем ускоряется. А это значит, что в любом случае мир завтрашнего дня окажется и для нас фантастическим.

Пожалуй, впервые в истории наиболее неизменной чертой действительности стали как раз изменения самой действительности, причем не только количественные, но и качественные. И, вроде бы, мы к этому привыкли настолько, что уже не замечаем тут никаких особых касающихся каждого проблем.

А они есть. Судите сами, насколько они серьезные.

Недавние исследования привели к открытию так называемого «закона» Лехмана. Выяснилось, что по творческой отдаче специалисты делятся будто бы на две несхожие группы. Творческая активность первых (если она, понятно, имелась) возрастает к тридцати пяти годам, а затем, уже без скачков, длится до самой старости. Во второй группе она тоже возрастает к 35 годам, но затем быстро снижается.

Нет, конечно, правил без исключений, но такова наиболее типичная картина. В чем причина различия? Как выяснилось, представители первой группы, как ни парадоксально, сразу же занялись не той работой, к которой их готовили. Учили, предположим, на биолога-теоретика, а человек стал агрономом. Готовили транспортника, а он предпочел общественную деятельность. Наоборот, представители второй группы полагали как раз на ту узкопрофессиональную стезю, к которой их готовили.

Произошло вот что. Сменившему профессию в первые годы было трудно. Очень трудно, поскольку накопленные знания и навыки помочь не могли, всем пришлось овладевать заново и самостоятельно. Зато навык **самообучения** человек приобрел на всю жизнь.

Тому, кто точнехонько скользнул на подготовленные рельсы, было гораздо легче. Он сразу стал реализовывать накопленные в годы учебы знания и навыки, быстро пошел вперед, ломать себя и переучиваться ему нужды не было. Еще недавно он так бы и процветал до конца жизни. Но теперь на часах последняя четверть двадцатого века... Вот что пишет об этом член-корреспондент АН СССР Г. Поспелов: «В XVII—XIX столетиях длительность творческой жизни ученого (35—37 лет) была в два-три раза меньше периода существования общепринятых теорий, взглядов, методов исследований. Сейчас все изменилось в обратную сторону. Периоды обновления и изменений в науке стали меньше творческой жизни ученого... и составляют 30—40 процентов от нее. Это означает, что ученый должен каждые 8—10 лет перестраиваться, переучиваться, а то и полностью менять свою квалификацию. Если он этого не делает... то не только не приносит пользы, но может нанести и вред!»

Естественно, ведь такой ученый незаметно становится консерватором! Меж тем, то, что Г. Поспелов говорит о науке, относимо уже и ко многим другим профессиям. Водоворот быстрых изменений втягивает в себя инженерию, экономику, медицину, вот-вот захватит педагогику. Примерно

то же наблюдается и в ряде сугубо рабочих профессий.

Оказалось, однако, что если человек не приобрел вкус к самообучению в молодости, не закрепил в себе этот навык, то после тридцати пяти лет переучивание дается ему с огромным трудом. Он уже застыл в раковине своей узкой профессии, оброс стереотипами и убаюкан былыми успехами.

Диплом перестает быть плацкартой до конца пути; ныне профессия может умчаться от специалиста, как экспресс от промедлившего пассажира. Сегодня это обстоятельство влияет на судьбы тысяч, завтра оно отразится на жизни миллионов.

Нередки сетования, что специализация требует сужения кругозора человека, что производству нужны точно пригнанные «винтики», и вообще человек становится безликой частью сложного общественного механизма. Специализация, точно, идет; взаимозависимость, действительно, возрастает.

Но все пронизано диалектикой. Само усложнение и само ускорение все настойчивей требует прямо противоположного: не узости, а широты, не механического исполнения, а творческого созидания. Та же, вызванная новыми условиями ранняя консервация специалиста, не просто — личная беда. Размах этого процесса привел бы к **самоторможению** всего производственного и социального прогресса.

Только все, как всегда, противоречиво. Рядом, иногда под одной крышей, можно встретить грузчика, чья профессия мало изменилась с Древнего Египта, рабочего у конвейера, который был фигурой прогресса полвека назад, и наладчика промышленного робота, что еще десять лет назад было чистой фантастикой. И ничего странного в таком сочетании нет: даже на одной яблоне не все яблоки созревают одновременно.

Не исчез еще ручной труд, в разгаре научно-техническая революция, а в среде кибернетиков поговаривают уже о новой, научно-гуманитарной революции — и не без оснований. Еще недавно среднее образование рассматривалось как трамплин для поступления в вуз. Сейчас средняя школа готовит пополнение уже для всех звеньев народного хозяйства. Казалось бы, в этом есть элемент роскоши. Зачем сантехнику, трактористу, медсестре знакомство с астрофизикой или поэзией? А затем, в частности, что тормозящему окостенению мысли, о котором шла речь, противопоставляется изначально воспитанная широта мышления, навык пересмотра стереотипов, интерес к «постороннему», без чего невозможно постоянное обновление того же самого профессионального багажа. Даже поэзия (о, кошунство!) работает здесь вполне утилитарно, ибо она,

как и фантастика, отличное **антистереотипное** средство.

Бег изменений, в который мы вовлеклись, возбуждает и другие новехонькие проблемы. Беспорядочный, настроенный «на невероятное» поиск воображения в фантастике, как раз в силу этих причин, часто, пусть и туманно, выхватывает из будущего контуры небывалых ситуаций. Внезапная и тревожная «злоба дня» — ухудшение природной среды. Как вы думаете, когда фантастика впервые коснулась этой темы? В девяностых годах прошлого века! А возможность «энергетического кризиса» еще столет назад обсуждали герои Жюль Верна.

Но даже фантастика не сконцентрировала на этом свое внимание, — сказалось «свойство беспорядочного поиска. Ну а поиск упорядоченный, научный? Серьезные прогнозы состояния сырьевых ресурсов стали делаться уже давно. А вот резкое, чреватое кризисом ухудшение экологической обстановки всех застало врасплох.

Примечательно, однако, что как раз в это время, в шестидесятых годах, произошло взрывное, иного слова не подберу, развитие новой науки — прогностики (футурологии). Научная мысль поспешно стала просвечивать будущее во всех его срезах, стремясь запеленговать возможный ход событий до и после 2000 года.

Ново тут вовсе не прогнозирование само по себе. Предвосхитить события человек пытался во все времена (в зачатке это «свойственно и животным»). Триумфом естественно-научного прогнозирования был сделанный в свое время расчет предстоящих лунных и солнечных затмений. В социальной сфере начало эпохи прогнозирования ознаменовали труды Маркса, Энгельса, Ленина. Как элемент планирования прогнозистка вошла в расчет еще при разработке плана ГОЭЛРО. А в шестидесятых годах во всех развитых странах все сферы человеческой деятельности поспешно стали вооружаться методами прогнозистики подобно тому, как перед этим корабли стали оснащаться локаторами...

Брести по темной и неразведанной дороге в будущее можно и со свечой «здорового смысла». Мчаться по ней с машинными скоростями без радара нельзя.

Без тока экран локатора мертв. И так же точно мертва прогнозистка без воображения. Все дело, однако, в том, что прогнозистическое дальновидение необходимо сейчас не только науке управления, оно необходимо всем.

Разве? Не нужно, чтобы все были космонавтами. Или металлургами. Даже математиками, хотя математике теперь учат всех. А вы говорите, что каждый должен быть прогнозистом! Нелепо...

Хорошо, выйдем на берег реки. Кто-то (председатель? агроном? тракторист?) заложил вспашку до уреза воды, чем открыл дорогу эрозии поймы. Кто-то отвел сточные воды со скотного двора в реку, чем и отравил ее на протяжении нескольких десятков или сотен метров. Кто-то (штукатур? адвокат? официант?) с шиком дал мотору своей лодки такие обороты, что крутая волна рушит отвесный берег.

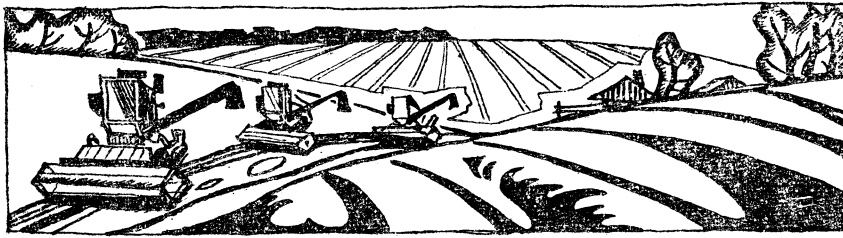
Все это ничтожные, но повседневные события. Однако из тьмы таких вот больших и малых событий складывается эрозия берегов, обмеление реки, гибель природы, нехватка питьевой воды. И когда все это обозначается грозно, прибрежные жители хватаются за голову, ищут виновного и жаждут хозяина, который бы «навел порядок»...

Азбучная истина: любое изменение социальной и природной среды есть совокупный результат деятельности всех людей. Не надо, чтобы все были прогнозистами, как не надо, чтобы все были математиками. Но прогностическая функция мышления, умение на своем месте рассчитывать последствия своей деятельности, связать частное с общим — это требование дня. Жесткое и обязательное, не будет оно выполнено, и тогда... Впрочем, выбора нет.

Прогностическое мышление требует развития таких качеств ума, как воображение, диалектическая широта понимания, жажда знаний, нешаблонное умение прилагать их к делу. А все это, между прочим, качества творческой личности.

Как лучи света в фокусе, на умножении творческого начала сходятся главные требования будущего. Но о том же самом — о всестороннем развитии личности каждого — говорили еще классики научного социализма. Вот кто умел далеко видеть!

КОМ- БАЙ- НЕР

Юрий
БОНДАРЕНКО

Профессия комбайнера — едва ли не самая уважаемая на селе. Однажды я присутствовал на параде хлеборобов в одном из хозяйств Оренбургской области. В закрома уже засыпан богатый урожай, работа закончена, и на центральной усадьбе выстроились «Колосы», «Нивы», «Сибиряки». Хлебом и солью (а хлеб испечен из только что убранного зерна) односельчане приветствуют комбайнеров: «Спасибо вам за труд, дорогие земляки...»

Такое отношение к профессии не случайно: именно комбайнер завершает борьбу земледельца за урожай. Можно самыми качественными семенами в самые оптимальные агротехнические сроки засеять поле — будет погода доброй, и заколосится спелый хлеба, но тут и встает ответственной задачей — по-хозяйски убрать ниву. Подкачают комбайнеры, упустят срок — опадет зерно, пропадет весь труд. А благополучие страны хлебом держится...

И этой ответственностью гордятся комбайнеры.

Кроме того, эта профессия не совсем обычная — сезонная, многопрофильная. Какие существуют механизаторские специальности? Тракторист, электрик, сварщик, слесарь... Всеми ими в достаточной степени должен владеть комбайнер. Профессии же «только комбайнера», строго говоря, — нет. Не может же, в самом деле, человек сидеть весь год сложа руки и ждать, когда вырастет хлеб!

Так что комбайнера вернее называть механизатором широкого профиля. Зимой он ремонтирует технику или работает на тракторе, наступает весна — пашет, сеет, а летом заготавливает корма. Техника везде нужна, без нее сейчас как без рук.

Кульминационный момент механизаторского года — уборка. Вот здесь-то в полной мере и проявляется хлеборобское мастерство.

Словом, комбайнер — специалист многих профессий, своего рода универсал. Поэтому и ценится он на селе. Зарплата у механизаторов, как правило, выше, чем у других рабочих. О комбайнерах и говорить не приходится: в жаркие дни уборки они зарабатывают по 50—80 рублей в день. Читатель, возможно, покачает головой — много! — однако комбайнеры эти деньги зарабатывают не-

легким трудом. Не на пустом месте возникло выражение «битва за хлеб».

И часто по столам отцов идут сыновья. В том же 1976 урожайном году на полях Оренбуржья работало 7200 молодых комбайнеров, столько же — их помощниками. У механизатора совхоза имени Ленина Константина Митрофановича Коваленко профессией унаследовали сразу семь его сыновей — Леонид, Николай, Иван, Александр, Василий, Виктор, Владимир. Леонид удостоен звания Героя Социалистического Труда. Всего трудовая династия Коваленко имеет около двадцати правительственных наград.

Какие требования предъявляются к сегодняшнему комбайнеру?

Конечно, в первую очередь он должен в совершенстве знать технику и уметь управлять ею.

Сейчас в сельское хозяйство поступают все более производительные машины. О таких комбайнах как «Нива» (с кабиной!) земледельцы десять лет назад могли мечтать: удобно на нем работать — не жарко, не пыльно...

Но «Нива» — сложная машина. Приходилось мне как-то разговаривать с пожилым механизатором, которому предлагали совершенно новую «Ниву», а он... отказался.

— Больно мудрено. Я уж как-нибудь на своем СК-3...

Да, работать на таком комбайне не просто, требуется специальная подготовка. Не зря в профессионально-технических училищах, где готовят механизаторов широкого профиля, изучению конструктивных особенностей «Колоса», «Нивы» и «Сибиряка» уделяют очень много времени.

Молодым же ребятам, наоборот, эта сложная техника, как говорится, по вкусу. Николай Сапожков, комбайнер из Соль-Илецкого района, рассуждает: «Интересно работать на «Колосе». Действительно, как корабль: ведешь его по степи и чувствуешь себя капитаном».

Разговор происходил в сентябре, на дворе стоял солнечный день бабьего лета, и по всему было видно, что на душе у механизатора тоже было солнечно и радостно. Оттого, что уборка прошла хорошо, что пришло, наконец, время отдохнуть.

— Это был, пожалуй, главный мой экзамен — нынешняя уборка, — говорит Николай. — Во-первых, я практически испытал то, чему учили. Во-вторых, замечу об этом с радостью, я не разочаровался в своей профессии, а наоборот — понял: она мне дана на всю жизнь.

С Николаем Сапожковым нельзя не согласиться: он выбрал себе достойную профессию.

Каменный лес

Рабочий день народного краеведческого музея в Совгавани уже подходил к концу, когда пришел Григорий Иванович Кошкин — из межрайонного общества охраны природы. Он принес окаменевший кусок дерева — отчетливо видны годовые кольца, сучок... Так в музее появился экспонат из Сизимана.

Те немногие мореплаватели, что поднимались вдоль Татарского побережья на сто — сто пятьдесят километров севернее устья Тумнина, были очевидцами необычного явления. Непокойное море подмыло берег, он круто оборвался и обнажил отшлифованные ветром и водой блестящие камни, с будто нарисованными деревьями. Лес и лес... Топором такой «древостой» не возьмешь, местные охотники стреляли по камням из карабина — несколько кусков отвалилось. Показали геологам. И спустя время на берегу возле поселка Сизиман появился их палаточный городок.

В обрывах, действительно, была окаменевшая древесина. Миллионы лет назад лес, росший на склоне вулкана и поблизости, был «захоронен» на корню во время извержения. Деревья засыпало туфом — породой, состоящей из частичек вулканического пепла.

Научный сотрудник Геологического института Академии наук СССР М. Ахметьев установил, что по строению древняя древесина ближе всего к нашей ели и лиственнице, хотя полностью с ними отождествлять ее нельзя. На Сизимане собрана настоящая коллекция — на камнях обнаружены отпечатки листьев папоротника, туи, ольхи, платана, магнолии, каких-то бобовых, напоминающих листья современных глициний, даже метасеквойи. Метасеквойя — живое ископаемое, произрастающее только в горных районах Китая — стала известна науке совсем недавно, в 1943 году. Специалисты предполагают, что сохранилось всего несколько тысяч таких деревьев. Метасеквойя — прямой родственник секвойи, или знаменитых мамонтовых деревьев, растущих в Калифорнии. Они достигают гигантских размеров, до ста метров высотой, и живут три, иногда четы-

ре тысячи лет. У нас на Кавказе, вблизи Адлера, есть опытная плантация этих редких деревьев.

Какую научную информацию несет сизиманский «каменный лес»? «Самую разнообразную, — говорит М. Ахметьев. — Прежде всего, он дает возможность сделать вывод о возрасте пород и палеоклимате эпохи, помогает представить палеоландшафт, флору и фауну того времени».

Сравнение ископаемых растений и их современных аналогов позволяет проследить эволюцию того или иного вида. Исследование характера годовых колец на деревьях сизиманского леса позволило ученым высказать предположение и о размещении полюсов в эпоху, когда деревья росли. «Мы исходили из предпосылки, что сгущение годовичных колец указывает на север, — говорит М. Ахметьев. — Единичные замеры, сделанные в Сизимане, показали, что положение Северного полюса тридцать — сорок миллионов лет назад, по сравнению с современным, расходилось на 30—35 градусов». Возраст сизиманских туфов, определенный по периоду распада радиоактивных изотопов, — 32 миллиона лет.

Ископаемые леса, подобные найденному, известны в разных районах земного шара — в ГДР, Шотландии, США. Есть на восточном склоне Сихотэ-Алиня, где расположен Сизиман, и десяток других вулканических проявлений. Но все они почти разрушены временем, остались лишь фрагменты. Тем бесценнее находка в поселке Сизиман.

Обломки древесины из Сизимана дополнили коллекции Геологического института АН СССР, музея имени Павловых в Москве и другие геологические и палеонтологические собрания.

В. БЕРЕЗИН

*Сизиман,
Хабаровский край*

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Повесть

Борис
РОМАНОВСКИЙ

Красное солнце выползло из-за вершин леса-урода. Испарения ядовитых болот окрасились лиловыми переливами, осветилась картина тяжелой и жестокой битвы.

Уже около часа семеро космонавтов в тяжелых скафандрах вели изнурительный бой.

Последние две гадины с зелеными, в отвратительных гнилых пятнах, шкурами были срезаны Ютой и рухнули на кучу тел, копошащихся в предсмертной агонии.

Хотелось вытереть пот со лба и шеи, он затекал в глаза и на губы, щекотал спину и виски...

— Внимание! — раздался в шлемофонах бас Рэда Селинджера. — Внимание, сзади! Десантники круто развернулись.

— Рэд, прикрой наши спины! — крикнул Эррера Мартин, начальник отряда.

Из-за красных кактусов с искривленными стволами и странных шевелящихся деревьев с щупальцами на ветвях летела стая крылатых демонов. Можно было различить жуткие морды с круглыми неподвижными глазами и огромными, причудливыми ушами.

В МЕДОВОМ РАЮ

Рисунки
Е. Стерлиговой

Первым выстрелил Антуан Пуйярд. Промахнулся и шумно засопел. Демоны были еще далеко и летели врассыпную. Жаннет, жена Антуана, поискала глазами, нашла вырвавшуюся вперед тварь и полосу лучом.

— Раз, — выдохнула она.

Стая растянулась дугой, окружая людей. В воздухе нависал шум от треска крыльев и крика, похожего на хриплое кваканье гигантских лягушек.

— Занимаем круговую оборону!

Эррера срезал еще двух, и одну — Ютта. Наконец и Антуан прикончил тварь, летевшую прямо на него. Осталось штук двадцать, и они были очень близко. Приходилось бодро поворачиваться, а гравитация, вдвое превышавшая земную, уже давала о себе знать. Мзия Коберидзе, самая маленькая в отряде, одной рукой держала

пистолет, другой поддерживала эту руку. Даже мужчины устали от перегрузки.

— Ютта, не считай ворон. Они над нами! — прохрипел Эррера.

— Два... — Это Жаннет провела лучом, и животное, чуть не задев их, рухнуло на землю.

— Молодец, Жаннет! Я тебе сегодня синтезирую шоколадку! — крикнул Эррера.

— Они отступили! — устало сказал Том Гаррисон.

— Нет, — возразила Мзия. — Они меняют тактику.

— Ишь ты! — восхитился Том. — Перестраиваются, смотрите, они перестраиваются...

— Том, помолчи! Рэд и Мзия, отойдите влево на два шага. Жаннет, Антуан, Ютта — вправо на три! Они будут атаковать клиньями с двух сторон.

Действительно, два клина, по восемь тварей в каждом, атаковали людей слева и справа. Они стремительно неслись к земле, пытаясь прорваться на большой скорости. Однако рассредоточение людей сбило животных с толку, клинья замедлили скорость и вновь рассыпались.

— Три,— меланхолично подсчитала Жаннет.

— Четыре, Жаннет! Дарю тебе этого,— Антуан был галантным мужем.

— Четыре и пять! Сама набыю.

У других шло не хуже, и через несколько минут две оставшиеся твари повернули к красному лесу.

— Полетели за помощью,— мрачно предположил Рэд.

— Может быть...— Эррера рассматривал индикатор заряда на пистолете.— Ребята, у меня энергии на три минуты действия. Как у остальных?

Ответить никто не успел.

— Бой окончен,— раздался в шлемофонах спокойный голос.— Атаки отражены успешно. Один из десантников убит. Все свободны.

— Убит так убит,— недовольно пробормотал Рэд Селинджер и пошел к лесу прямо через груды поверженных врагов. Остальные потянулись за ним. Над лесом загорелось красное табло — «Вход».

— Убрать трупы,— весело приказал Эррера и сам же выполнил свой приказ: нашарил выключатель и нажал клавишу.

Лес, подышающие животные, ядовитая трава с потоками крови и слизи бесследно исчезли. Люди вышли из зала через услужливо отодвинувшуюся перед ними дверь.

Помещение, куда они попали, служило тамбуром для перехода в раздевалку. Тренировочные стрельбы, так это называлось на корабле, происходили в атмосфере усыпляющего газа, который использовался для того, чтобы участники тренировки не снимали шлемов,— соблазн иногда был большой. Стоять было тесно. Здесь было мало места для семерых крупных людей. В эту эпоху люди научились воздействовать на формирование человеческого тела в его зачаточном состоянии, человечество хорошилось с каждым поколением.

Впрочем, собравшиеся отличались даже от средне-статистического землянина. Сознательно или подсознательно многочисленные комиссии отбирали десантников и по степени внешней привлекательности, которая не терялась даже в скрадывающих фигуры костюмах.

Пожалуй, самым обаятельным был командир группы, единственный среди них офицер Эррера Мартин, высокий смуглый человек, художественный и широкоплечий. Волосы у него были черные и волнистые, глаза большие и выразительные, а нос, тонкий и с горбинкой, иногда даже казался крючковатым. Все настроения Эрреры немедленно отражались на его лице. Это были взрывы, взрывы веселья, гнева или горя.

Из-за плеча Мартина выглядывала кареглазая Ютта Торгейссон, которая только что не родилась в море, под водой, где провела всю свою сознательную жизнь. Образ жизни, несомненно, повлиял на нее. Плечи и грудь Ютты были крупнее и сильнее, чем у других женщин. Она была молчаливее и сдержаннее подруг.

Третьим был Том Гаррисон. Все считали его настоящим англичанином, хотя как должен был выглядеть настоящий англичанин — никто толком не знал. Он был высок, белобрыс и голубоглаз. На лице Тома царил, заглушая другие краски, нежно-розовый румянец, который в минуты замешательства сгущался до багрового. Том был пилотом, электронщиком и мастером на все руки.

Рэд Селинджер, двухметровый гигант, три года назад завоевал свою последнюю золотую медаль на мировых соревнованиях по боксу. Он был массивен и среди товарищей казался грузным. Как большинство крупных и сильных людей, Рэд отличался бесконечной добротой и спокойствием. Он брил волосы на голове, потому что стеснялся намечающейся лысины, а к косметологам не ходил, считая их «тоже врачами».

Где бы Рэд ни находился, рядом с ним была Мзия. Самая маленькая из десантников, не больше метра семи-

десяти ростом. Тем, кто когда-нибудь видел старинные персидские миниатюры, Мзия больше всего напоминала персиянку. Большие миндалевидные глаза, черные с антрацитовым блеском, и потоки черных же волос... Когда Рэд впервые ее увидел, он воскликнул, не удержавшись: «Какое богатство!» При этом он машинально погладил себя по голой голове и густо покраснел. С тех пор любимым издевательством Мзии было очередное заявление о том, что она острижет волосы: перед отлетом, перед началом тренировок, перед посадкой... Великан тревожился и сердился, и по крайней мере у Эрреры создалось впечатление, что Рэд раздельно и одинаково любит и Мзию, и ее волосы.

Безусловно, был красив и Антуан Пуйярд — рослый сухощавый человек с высоким лбом. В общении он был скупен, поскольку, не умея рассказывать, подавлял слушателей лавиной знаний. Сложное впечатление производила жена Пуйярда. «Это просто ископаемое!» — сказала о ней однажды Ютта. Жаннет проигрывала во внешности, всем дамам корабля. Почти пепельные, но не пепельные, а серые волосы, почти серые тусклые глаза, маленький невыразительный рот... Она была молчалива, скромна и рабски предана мужу, который служил для нее средоточием ума и обаяния. Всем корабельным мужчинам казалось, что Жаннет придана Антуану судьбой для его комфорта.

Здесь не хватало еще одного члена десантной группы — Алексея Сударушкина. Самый худощавый среди них, всегда уравновешенный и склонный к язвительности, великодушный боец на тренировочном поле, главный биолог корабля был сейчас занят работой в лаборатории...

Минут пять десантники постояли в тамбуре, ожидая, пока насосы откачают просочившийся за ними усыпляющий газ. Когда загорелось зеленое табло, прошли в раздевалку.

— Никогда я не привыкну к потере чувства времени! — сокрушенно сказал Эррера, трясущимися руками снимая с себя шлем. — Мне казалось, что прошло часа три, а на самом деле — пятьдесят семь минут!

— Темп! — отозвался Антуан. — Темп существования сумасшедший. За пятьдесят семь минут столько действия, что рассказывать потом можно часов пять.

— Все-таки этот парень... — Рэд Селинджер, успевший снять шлем, покрутил пальцем у виска. — Псих он!

— Какой парень, Крошка? — Эррера вытирал полотенцем совершенно мокрое лицо.

— Этот. Ван-Риксберг, художник!

— Ты прав, Крошка, — отозвался Антуан. Он сидел, уронив руки на колени, без шлема, но еще в костюме. — Я слышал, что его долго лечили. Говорят, от гениальности!

— Недолечили, — мрачно констатировал Рэд. — Разве здоровому человеку придет в голову нечисть? Кошмар какой-то!

— Да-а... — задумчиво протянула Ютта. Она полулежала в кресле, одетая в легкий комбинезон. — И заметьте, мальчики, два года тренировки, а бред ни разу не повторился! Какое нужно воображение!

— Мне говорили осведомленные люди, — солидно произнес Антуан, — что Ван-Риксберг несколько месяцев просидел в библиотеке, просматривал наследие художников прошлого: Лукаса Кранаха, Дюрера, Босха, Брейгеля... И других. Наши предки любили ужасы. Например, первых сегодняшних драконов я видел на старинных китайских фарфоровых вазах. Традиционный народный мотив.

Антуан Пуйярд действительно был эрудитом.

— А кто сегодня погиб? — заинтересовался Том. — Опять я?

— Мзия Коберидзе, — отозвалась Жаннет.

— Снова? — Рэд строго уставился на Мзию. Его лицо боксера-тяжеловеса, каким он и был еще несколько лет назад, силилось изобразить гнев. Но даже побитый в бою нос, который он упорно отказывался реставрировать, не мог придать Крошке выражения свирепости: слишком добрыми оставались глаза.

— Две твари напали на нее и тебя, когда ты защищал наш тыл,— объяснил Эррера.— Я видел, как она срезаала твою. А вторая клюнула ее.

— Сядь, Рэд! — откликнулась Мзия из глубины своего кресла.— Это же только тренировка!

Селинджер, наконец, сел. В бою такой подвижный, с быстрой и точной реакцией на опасность, он был флегматиком в повседневной жизни. Мзия звала его «ленивцем», и это прозвище ему чрезвычайно шло.

— Поплывать бы сейчас в невесомости,— мечтательно сказала Жаннет, разглядывая свои руки со вздувшимися голубыми венами. Впрочем, вены набухли у всех.

— Нет, ребята,— Эррера покачал головой.— Потом. А сейчас мыться и спать!

Сам командир группы спать, однако, не стал, а направился из душевой в рубку.

В рубке было тихо. словно неведомые механические насекомые, монотонно жужжали и пощелкивали приборы, каждый своим голосом; перемигивались цветными лампочками щиты и пульта. На большом экране прямо в визирной крестовине сияла маленькая планетка — их находка в странствиях, а теперь и пункт назначения. Есть ли жизнь на этом комке серебристой ваты, трудно было сказать, но наличие атмосферы вселяло такие надежды.

— Вы здесь, Эррера Мартин? — У капитана сохранилась привычка называть членов команды полным именем и фамилией, остальные давно уже перешли к сокращениям и школярским прозвищам.— Я так и знал, что не удержитесь, зайдете.

Эррера помедлил с ответом: капитан загнипнотизированно ласкал взглядом планету, найденную им в огромном космическом море. На лицо Кэндзибура Смита мягко легла счастливая улыбка, а само оно собралось морщинками.

— Вы знаете, сколько мне лет? — вдруг спросил Кэндзибуру.— Шестьдесят четыре! Предельный возраст для космолетчика... Сорок лет в космосе. Да, сорок лет, потому что, даже отдыхая между рейсами, я все равно оставался здесь — на корабле, в космосе. Сколько я перетаскал грузов и людей с планет солнечной системы и сопредельных, не сосчитать! Загнал четыре корабля, а ведь я человек аккуратный!..

— У вас огромный опыт, капитан,— офицер же понимал, с чем связано это откровение.

— Что значит сейчас мой опыт? Грамотно произвести посадку и старт в самых сложных условиях может выпускник Академии с двухлетним стажем. Умение бороться с метеоритными полями и навигационное чутье — разве что это?.. И все-таки мне повезло!.. — в голосе капитана скользнула торжественная нотка.— В радиусе тридцати световых лет человечество не нашло ни одной обитаемой планеты. Ни одной планеты с растительностью и даже просто пригодной для жизни! Тридцать восемь лет назад я участвовал в последней экспедиции, искавшей «братьев по разуму». С тех пор взнезменными цивилизациями занимают дилетанты и энтузиасты... И все-таки мы нашли ее! — капитан протянул руку к экрану.— И мне будет что внести в графу «Итог». Горько только, что сам я не ступлю на ее почву...

Что ж, старик был прав, подумал Эррера. Космические проблемы мало занимали сейчас человечество.

Люди были заняты, очень заняты. После века ядерных реакторов и биостимуляторов наступила эра очистки Земли. Не только человечество, но и каждый человек почувствовал себя ответственным за планету, на которой жил. Наступило новое время людей, освобожденных от необходимости ради сиюминутных нужд вскрывать вены Земли и вспаривать ей чрево. Шла эпоха питания дарами планеты, единения человека с природой.

Но сколько для этого необходимо было сделать! Хотя раны Земли были очищены, восьми миллиардам человек, всем вместе и каждому в отдельности, надлеже-

ло долго и упорно лечить ужасные язвы. Тяжелая это была работа, и улетевшие космонавты понимали, что через четыре года отсутствия они не могут вернуться с пустыми руками. Желание привезти на Землю что-то нужное человечеству подстегивало их, заставляло метаться по космосу и искать, искать, искать...

Капитан, выговорившись столь неожиданно, опять погрузился в созерцание экрана. А Эррера постоял еще немного, потом тихо выскользнул из рубки. Но спать все-таки не пошел — решил проведать заодно и биотрансформатор. В конце концов, это была его обязанность — время от времени проверять агрегаты, предназначенные для десантных операций.

В отсеке, как обычно, было пусто: лишний раз сюда никто не заглядывал. С отсеком даже не было связи — кроме аварийной и специальной...

Посреди помещения высился биотрансформатор — одно из интереснейших открытий века, необычайно важное и для космонавтов. Вначале медицинский прибор для заживления ран, потом трансплантатор, на основе генетического кода клетки восстанавливающий целые органы, он вырос в биологический преобразователь одних тканей — а затем и существ — в другие. С ним исполнились сказочные мечты древних народов: калиф мог превратиться в аиста, принц — в дракона. Правда, коллоидный консерват, именуемый человеческим организмом, довольно болезненно переносил трансформацию...

У офицера все тело заняло при воспоминании о трансформации.

Усовершенствования самого последнего времени позволили биологам трансформироваться в животных, сохраняя человеческий разум при инстинктах, восприимчивых от зверя. Человек автоматически получал «язык» животного и его «способности», такие, как слух, обоняние, осязание и так далее. У людей было много вопросов к природе...

На следующий день молодой офицер нашел Кэндзибуру Смита опять в рубке у экрана.

— Кэп,— сказал Эррера,— мы с вами хотели просмотреть списки команды для определения отряда разведки.

— Хорошо,— ответил капитан, морщась от фамильярности офицера и непрофессиональных терминов.— Давайте просмотрим списки личного состава.

Они прошли в медицинский отсек и сели у диагностического аппарата. Офицер нажал пальцем на клавишу. Когда машина прогрелась, на коричневатом экране зажглась надпись: «Кэндзибуру Смит, капитан».

— Можно пропустить.

Офицер кивнул, корабль остается на орбите, капитан — на корабле. Нажал кнопку. Экран написал:

— «Эррера Мартин, физикуводитель».

Потом пошел текст мелкими буквами:

Кровь — норма.
Почки, печень, сердце, легкие — норма.
Гормональная регуляция — норма.
Костно-мышечный аппарат — значительно ослаблен.
Нервные реакции — несколько повышены.
Мышечная реакция — норма.
Общий тонус — норма.

— Отклонения незначительны,— сказал капитан.
Отклонения в нервных реакциях были у всех. У всех... кроме Жаннет Пуйярда.

— Я всегда считал ее самым лучшим приобретением для команды,— буркнул капитан.— Антуана Пуйярда взяли ради нее.

Для офицера это было неожиданностью...

— Итак, капитан, состав отряда определен: Эррера Мартин, супруги Пуйярд, Ютта Торгейссон, Рэд Селинджер и Мзия Коберидзе.

— Да,— согласился капитан.— А около континентальной ракеты останутся старший биолог Алексей Су-

дарушкин и пилот Том Гаррисон. Тем более, что Гаррисон стажировался оператором биотрансформатора...

Планета была родной сестрой Земли. Совпадения превзошли самые смелые ожидания. Атмосфера была кислородно-азотно-гелиевая, воды было достаточно. Подумать только! Атмосфера, пригодная для жизни земных существ, и, возможно, пригодная вода. Температура в пределах плюс сорок — минус тридцать. Орбита — слабо эллиптическая, близкая к круговой. Размеры и масса планеты составляли шестьдесят процентов от земных... Когда были получены эти данные, команда бросилась проверять взятые с собой семена земных растений: все чувствовали себя колонистами.

Кэндзибуро Смит предложил конкурс на лучшее название планеты. С этого момента члены экипажа просто перестали замечать приборы и схемы на своих постах: они перебирали варианты названий, а по вечерам спорили до хрипоты во всех углах корабля. Капитан вынужден был отменить конкурс.

— Думаю, что лучшее название появится при более близком знакомстве с планетой, — сказал он. — У нас будет возможность понаблюдать за нею: каждый десантник понесет на груди миниатюрную телекамеру.

Два дня космический корабль летел по круговой орбите, уточняя данные. За это время свободные от вахт члены команды успели рассмотреть на планете динозавров, летающих коров, гигантских каракатиц... Но что точно видели все и что подтверждалось данными приборов — на планете были и леса, и реки, и моря. На ней был ветер и, наверное, была трава. Хотелось, чтобы была трава и цветы среди травы...

Континентальная ракета опустилась на большую поляну, утвердилось на своих четырех ногах. Затихли приборы, корректировавшие спуск и посадку. В иллюминаторах было черно от дыма, а в дыму с одной стороны горели сучья и небольшие стволы. Когда дым рассеялся, через наименее закопченный иллюминатор стали видны цветные пятна — синие, оранжевые, зеленые. Больше ничего рассмотреть было нельзя. Пока стерилизовали в камере «магнитного ползуна», которому предстояло очистить стекла, начало темнеть.

На следующее утро «магнитного ползуна» выпустили сразу после завтрака. Все ждали, затаив дыхание, и, наконец, в одном из иллюминаторов появилось светлое пятнышко. Оно росло, стали видны две металлические лапки с губками-пылесосами на концах... Потом робот переполз на другое место и исчез, а люди приникли к окну в новый мир.

Вокруг ракеты была выжженная земля, покрытая шлаком и еще дымящаяся. Но за краем гаревой площадки, чуть ли не на глазах тесня ее, буйно росла трава. Пестрая, зеленая с желтым и синим. Это было очень красиво, трава каждого цвета росла кустиками или, скорее, клумбами. Кончалась оранжевая клумба, начиналась синяя... За травой шли кустарники и лес, яркий, ненастоящий. Он был похож на старинную палехскую миниатюру: деревья с красными или синими стволами, неправдоподобная, причудливая, разноцветная листва...

Этот день просидели в ракете, ждали, не подойдет ли поближе мир планеты — животные, если они здесь есть, птицы. Нужно было оценить опасности этого леса, слишком уж ярко и добродушно он выглядел, взять пробы воздуха, исследовать микроорганизмы.

И все очень ждали разумных существ.

Но существа не появлялись. Люди занялись анализами. Прежде всего — воздух и микробы. Потом за травой послали «краба». Маленький танк с щупальцами, управляемый с ракеты, нарвал разноцветной травы и даже прутик с листвой от росшего ближе других куста. Он же принес пригоршню почвы. Потом еще один рейс. Потом еще. Так прошел день второй.

На третий день проснулись очень рано, как только взошло местное солнце.

— Смотрите! — крикнула Мзия. — Ночью был дождь! Отмыло все иллюминаторы!

Действительно, оставшиеся невымытыми стекла были в подтеках, но довольно чистые. Над горизонтом сияла вполне земная разноцветная радуга.

— Странно, — задумчиво произнесла Жаннет, приступая к завтраку, — почему трава здесь оранжевая?

— Потому что фотосинтез может осуществляться не только в хлорофилле. Возможны другие механизмы... — и Антуан Пуйярд, не дождав первого куска, пустился с высоты знаний объяснять способы усвоения растениями световой энергии. Говорил он долго и скучно, с отступлениями и примерами, основательно испортил остальных и аппетит, и настроение.

Чертыхнувшись про себя, Эррера двинулся из каютки-столовой проверять показания приборов. У приборного пульта уже были Крошка и Мзия.

— Воздух как воздух, — заметил Рэд. — Четыре группы микроорганизмов, совершенно безвредных.

— Выходи в шортах и загорай? — ехидно спросил Эррера.

— Можно. — Смутьить Рэда было нелегко.

Эррера задумался. Тихо гудела система жизнеобеспечения, пощелкивали приборы. Когда он поднял голову и обернулся, то увидел, что за спиной собрались уже и все остальные.

— Нужно выйти и осмотреться, — тихо предложил Алексей.

Эррера подумал еще.

— Хорошо, — решился он. — Выходим. Надеть скафандры, взять оружие... — Эррера повернулся к Сударушкину. — Прихвати мышей, штук пять... Остаются Мзия и Том.

— Но почему я? — закричал в отчаянии Гаррисон.

— Ты пилот...

Когда группа подошла к заметно приблизившемуся краю опаленной земли, первое, что всех поразило, — была роса. Обычная, виденная всеми многократно на Земле... Потом какие-то насекомые, прыгающие и летающие. И деревья — огромные, развесистые оранжевые, помельче — синие и другие, с красными на зеленой подкладке листьями.

Сударушкин извлек из прозрачного мешка клетку с мышами. Мыши задрали мордочки и ожесточенно начали нюхать воздух. Покидать этот мир они не собирались.

Тогда главный биолог произнес вполголоса сложное заклятие, бросил клетку со зверьками в траву и откинул шлем.

Его примеру последовали остальные. В лицо людям ударил воздух, напоенный ароматами. И какими ароматами! Воздух казался густым от запахов меда, непривычного, неземного меда неизвестных цветов. Тишина, полная тишина, никакого гудения механических систем. Шелест оранжевых листьев, тепло солнечных лучей на затылках... Десантники стояли с лучевыми пистолетами в руках, слушали тишину и вдыхали этот воздух. Их обступал покой. И за этим покоем не чувствовалось никакой затаенной опасности, ничего недосказанного и скрытно угрожающего.

Внезапно вскрикнула Ютта — из травы высунулась усатая кошачья морда. Люди отступили, подняв пистолеты, и из синих зарослей вышел дикий зверь, около метра длиной, с восемью мускулистыми ногами, покрытый коричневой с переливами шерстью. Он больше походил на мохнатую гусеницу, однако казался симпатичным и внушал доверие. Без тени любопытства зверь посмотрел на них, отщипнул клочок оранжевой травы, задумчиво ее пожевал и ушел.

— Не попрощался, — сказал Рэд.

— Идем дальше? — спросил Алексей.

— Стойте пока на месте! — Эррера шагнул прямо в синюю клумбу, сделал еще десять-пятнадцать шагов, остановился, поводил грубым сапогом по траве.

Из-под ноги врассыпную скакнула стайка местных кузнечиков.

— Кроха,— попросил Эррера,— принеси-ка пару сачков и три прозрачных мешка. Жаннет и Антуан, будете ловить насекомых. Смотрите, осторожнее лица, да и руками старайтесь не брать! Остальные — подстраховывают меня.

Еще через десяток шагов он остановился перед деревцем с тонким желтым стволиком и длинными синими листьями.

— Осторожно, Эр! — крикнула Ютта.

— Я вижу!

По всему стволу сидели ежи. Обычные земные ежи, только иглы на них были покороче и потоньше. Офицер дулом пистолета шевельнул одного из них. Колючий комок камнем упал в траву. Эррера отпрыгнул, а когда осторожно подошел снова, еж лежал все там же.

— Похоже, это плод, ребята! — шевельнув его пистолетом, крикнул Эррера.— Держите!

И он бросил «ежа» десанникам. Те шархнулись в сторону, Сударушкин запротестовал:

— Не ребячься, Эр. Может, они ядовиты?

— Проверь,— пожал плечами офицер.— Это дело главного биолога...

Потихоньку группа углубилась в чащу.

Странный это был лес. Светлый, какой-то прозрачный, напоенный удивительными ароматами. Видов деревьев было много, но ползучие растения почти не встречались; из-за множества полянок лес казался чуть запущенным английским парком. Непрерывно попадалось мелкое зверье.

Отойдя от ракеты метров на двести, десантники вынырнули на большую поляну.

— Осторожно! — тихо сказал Эррера, шедший впереди группы.— Не стрелять!

— Ой! — это Жаннет вынырнула вслед за командиром.

На поляне паслись коричневые животные величиной с корову. Сужающиеся головы были снабжены парой острых рогов, а заканчивались двумя хоботами, которыми

эти странные существа очень ловко, действуя попеременно, срывали пучки травы и отправляли в рот.

Одно из животных, привлеченное шумом, повернуло голову и посмотрело на них большими любопытными глазами. Все застыли. Но животное отвернулось, и его хоботы опять ритмично задвигались.

— Машина какая-то! — с досадой сказала Жаннет.
— Хоботная корова! — в восторге прошептал Сударушкин.

— Крошка, что у вас там? — послышался в шлемофоне взволнованный голос Мзии.

— Ничего, Мзиюшка, нашли коров. Сейчас подоим, и вечером будешь пить парное молоко.

— Я хочу к вам!

— Нельзя, Мзия. Мы уже поворачиваем, — сказал Эррера и, обращаясь к группе, добавил: — Сто метров в сторону и назад.

Эти сто метров прошли значительно быстрее, уже разговаривая и смеясь. Впереди опять показалась поляна, по краям заросшая зелеными кустами. Все остановились. На шарообразных кустах, широко распластав крылья и как бы обняв ими зелень, сидели лебеди. Темно-синего цвета птицы с отливающими сталью синими же пластинами на спине и крыльях, они были величиной с крупную собаку. Длинную шею венчала лобастая голова с зелеными фасеточными глазами — двумя по сторонам и одним на затылке — и массивным клювом.

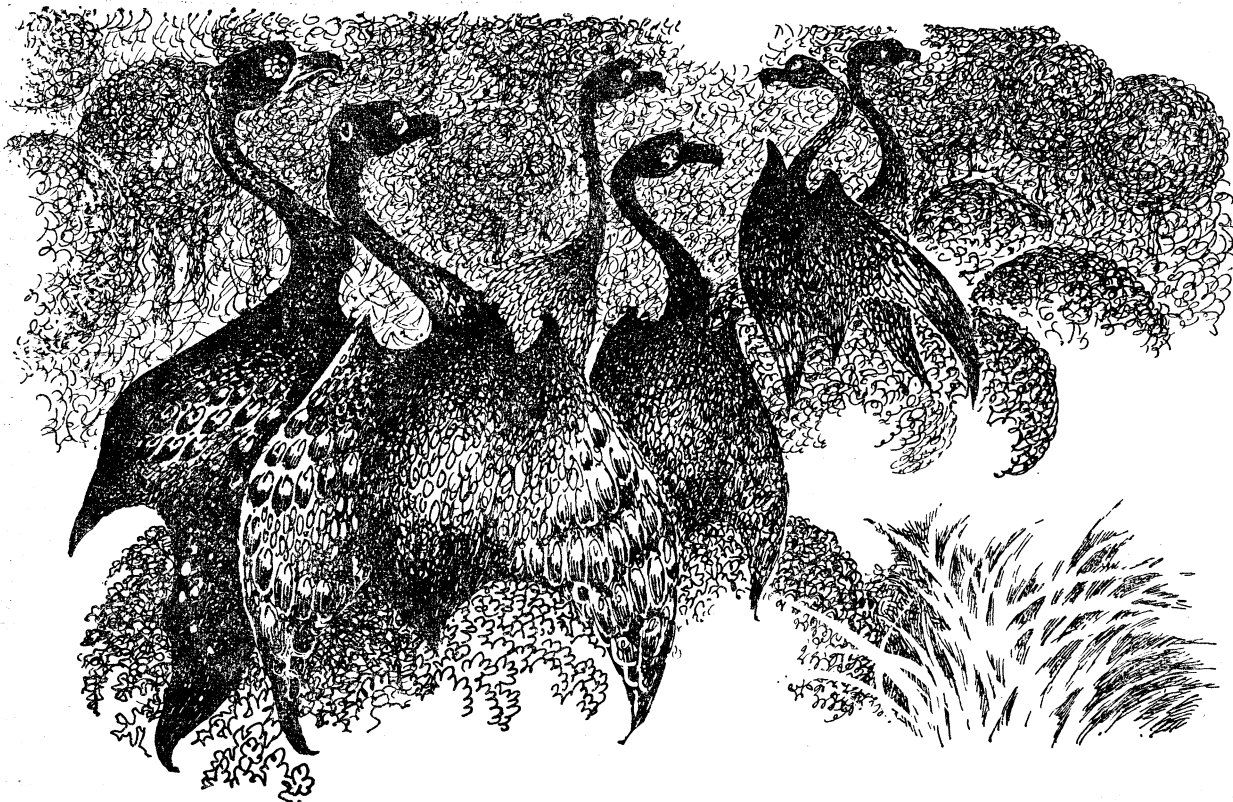
— Зачем им глаз на затылке? — шепотом спросила Ютта.

— Наверное, здесь есть хищники, — пояснил Сударушкин.— Это как дополнительная защита против возможной опасности. Иначе он атрофировался бы.

— Отдыхают, — задумчиво констатировал Рэд.— Как боксеры после боя. Вид у них беспомощный какой-то.

— А погладить их мне не хочется! — вдруг сказала Ютта.

— Почему? — спросил Эррера.

— Они противные.

— Просто на них нет мягких перьев,— командир с сомнением посмотрел на птиц.— Пошли, ребята!

Странные существа проводили их взглядами фасеточных глаз, но ни одно не поднялось со своего куста.

К ракете вернулись без приключений.

Вечером все маялись головной болью и сильной слабостью. Биотрансформатор после осмотра и анализов выдал диагноз: «Легкое отравление гелиевой атмосферой. Лечение — биостимуляция и повышение обмена веществ в нормальном воздухе. Профилактика — пребывание в атмосфере планеты не более четырех часов».

Так состоялось короткое первое знакомство с новым миром.

Через два дня разведчики осмотрели территорию в десять квадратных километров. Ездили на вездеходе и ходили пешком, составили огромный гербарий, наловили животных и насекомых. Наконец, обнаружили море или большое озеро.

— Странная планета, странный животный мир! — сказал за ужином главный биолог экспедиции Алексей Сударушкин.— Совсем нет хищников. Не обнаружено! Никто не поедает другого, все лопают траву.

— Нет разумной жизни,— продолжал Антуан.— Как мы ни старались отыскать ее, не нашли. Скучная планета.

— А по-моему, эти хоботные коровы — очень милые существа,— возразила Мзия.— Неразумные, но мирные.

— Нужно проверить море! — предложил Сударушкин.— Может быть, разумная жизнь развивается здесь в другой среде?..

Но и море не ответило на этот вопрос.

Дальнейшие изыскания проводились на суше. Разведчики забирались на вездеходе куда-нибудь подальше, оставляли его на видном месте, а потом бродили небольшим отрядом по напоенному ароматами лесу, поражаясь вновь и вновь открываемым видам кустов, трав и деревьев.

Самое удивительное, если можно еще было удивляться на этой планете, состояло в том, что на всех деревьях, на большинстве кустарников и даже в травах они находили прекрасные плоды разнообразных цветов и форм. Анализ показал, что все плоды съедобны. Они так пахли, что Рэд и Ютта первыми откусили от райских яблок, а затем уже вся группа перешла на питание фруктами, орехами и овощами.

— Хорошо здесь! — на четвертый день сказал Антуан Пуярд.— Можно уйти в лес, дышать медом и ничего не знать о восьми миллиардах чужих для тебя людей. И никаких тебе проблем...

Жаннет с удивлением посмотрела на него.

— Райский сад,— отозвался Сударушкин, надкусывая яблоко, острое и будто перченое.

— Медовый сад,— поправила Ютта лениво, жуя медово-сладкий огурец.

Они сидели на поваленном стволе, вытаскивали из мешка плоды — кому что попадет — и наблюдали за стадом хоботных коров, пасшихся метрах в пятидесяти.

— Нет,— сказал Эррера.— Точнее, это Медовый рай.

— Ни за что бы отсюда не уехал! — не унимался Антуан, но никто его не слушал.

— Рай-то рай, но где-то поблизости должен быть и дьявол,— заявил Том. Он теперь тоже ходил в походы, чередуясь с другими членами отряда.

— Идиллия,— сказала Ютта.— Едим дикие плоды среди девственного леса и пасем коров...

Все улынулись.

— Для равновесия должен быть дьявол,— упрямо повторил Том.

И словно в подтверждение его слов появился дьявол. Это был синий лебедь.

Широко распластав крылья и вытянув вперед длинную изящную шею, лебедь планировал в небе, набрав скорость где-то за лесом. Все залюбовались им, а он

застыл над хоботными, вытянув вниз шею, и вдруг громко закаркал.

Услышав карканье, неповоротливые коровы с неожиданным проворством кинулись к лесу, издавая жалобный визг. Однако три из них, пригревшись на солнышке, успели только вскочить. Лебедь, как стрела, спикировал на огромную тушу, клюв вошел в шею добродушному травоядному, и оно, крутанувшись на месте, рухнуло в траву, уронив хоботы. Дьявол, «вызванный» Гаррисоном, немедленно оседлал поверженного и обхватил половину его тела крыльями так, что эта половина совершенно исчезла из вида. Тем временем еще пятеро каркающих существ, неожиданно появившись из-за деревьев, спикировали на оставшихся животных и, убив их, расселись по двое на каждом хоботном. Один оборотень парил в небе.

— Этот кинется на нас... — Том побледнел и начал шарить по траве, ища пистолет и не отводя глаз от парящего в небе лебедя.

Сегодня все его пророчества сбывались... Убийца увидел их и развернул свое большое тело для атаки. Однако не успела летящая торпеда перейти в смертельное пикирование, как два луча разрезали ее на части. Стреляли Эррера и Рэд.

— В лес! — приказал Эррера.

Все вскочили. Том, нашедший свой пистолет, в виде моральной компенсации за испытанное замешательство резанул лучом по одному из чудовищ. «Дьявол» развалился пополам, крылья его скоробило судорогой, и сначала одна, а потом и вторая его половина съехали в траву. Ютта вскрикнула. На месте травоядного белел скелет, только кое-где висели остатки серого мяса.

— В лес! — повторил Эррера яростно.

И все ринулись в лес.

Разговоров хватало на целый вечер.

— Это тебе не «бой с тенью!» — нравоучительно сказал Крошка Тому. Он плотно поужинал, и к нему вернулась обычная медлительность. — Птичка кусачая! — фыркнул он. — Синий лебедь!

— Не надо, Рэд,— Мзия зябко поежилась.

— А что в них такого? — удивилась Ютта.— Форма жизни. В конце концов, среди наших тренировочных зверей большинство было пострашнее.

— Нас готовили к таким встречам, и мы были готовы к ним! — Эррера, казалось, убеждал самого себя.

— Все-таки я не был готов,— удрученно признался Том.

— Это все Медовый рай! Он нас расслабил,— подвел теоретическую базу офицер.

— А ведь мы были так близки к смерти в тот, первый раз,— поежилась Жаннет.

Всем стало не по себе при воспоминании о первой встрече в лесу с синими лебедями.

На следующий день Эррера и Малыш отправились на вездеходе на поиски летающих тварей. Вернулись они поздно вечером с тремя вмятинами на корпусе машины и мертвой птицей на крыше. Было ясно, что охота протекала не совсем гладко.

Десантники обступили вездеход, рассматривая свесившуюся голову и крыло чудовища. Антуан срезал палку и ею приподнимал и шевелил поверженного «дьявола».

Кожаные крылья, защищенные снаружи роговыми пластинками, с внутренней стороны были покрыты мелкими прыщичками, тесно, один к одному, выстилавшими всю поверхность.

— Орган пищеварения, я думаю,— сказал Алексей.— Смотрите, железы еще выделяют жидкость. По-видимому, что-то вроде желудочного сока.

— Да. Результат мы видели.

— А лап у нее четыре.— Антуан вывернул из-под груди чудовища короткую, но сильную лапу с шестью пальцами.

— Задние для хождения, они массивные, передние же имеют какие-то другие функции, вероятно охотничьи...

Смотрите,— Алексей указал на срезанную часть клюва, из отверстия которого торчал белый костяной шип.— Этой штукой оно, скорее всего, и убивает! Каплю видите? Голубенькую каплю. Уверен, что это быстродействующий яд!

Десантники переглянулись. Лица были серьезны. Даже мертвой эта тварь внушала отвращение и страх.

— Налюбовались? — хмуро спросил Эррера.— Тогда в анализатор ее!

Он сел в машину, подъехал к биотрансформатору и сбросил тушу на поддон приемника. Стальной лист, похожий на гигантский кухонный противень, втянулся внутрь, задняя стенка закрылась, и машина тихонько загудела, время от времени подрагивая.

За ужином слушали скупой, чрезмерно краткий рассказ Эрреры об охоте.

— ...Таким образом, я склонен считать, что они не лишены разума. После трех ударов перестали долбить вездеход, несколько раз меняли тактику. Да и удары были нацелены в людей, а не в машину...

— Они не могут быть разумными! — сказала Мзия, зябко поежившись.

— Почему? — спросил Сударушкин.

— Они... противные.

Все засмеялись.

— Да,— упрямо продолжала Мзия.— Они отвратительные! И убийцы! И способ питаться у них отвратительный.

— А ты ожидала встретить гуманоидов? — спросил Алексей.— Бронзовых мужчин и голубых женщин с огромными прекрасными глазами? А разумных кольчатых червей, например, ты бы не признала?

— Но они убийцы!

— А люди не убийцы? — вдруг вмешался Антуан.— Люди не едят мяса всего живого, что населяет Землю? — И жестко закончил: — Это не аргумент.

— Мне кажется,— вступила в разговор Ютта,— что нужно искать контакт. Только тогда мы сможем решить — разумные ли они. И если да, то насколько.

Все согласились.

— Мы тут дебатирем по поводу контактов,— подал голос командир отряда.— А что показал анализ, Алексей?

— Много чего,— Сударушкин был сдержан.— Это странное животное правильнее было бы окрестить гидрой. По типу организма оно близко к нашим кишечнорастворимым. Имеет две независимых пищеварительных системы. Одна — внутренняя, похожая на примитивную систему млекопитающего, вторая — внешняя, пищеварение производится с помощью выделения соков внутренней частью крыльев и брюшиной.— Он на минуту потерял вид докладчика-ученого и фальцетом сказал: — А желудочные соки, ребята, способны разъедать легированную сталь!.. Самое интересное, что в той части туловища, где начинается шея, найден мозг. То есть развитый мозг. Машина сделала, что могла, для анализа, но животное мертво, и сведения получены ограниченные... И еще. Есть участок мозга, вроде бы как-то связанный с речью. Повторяю, «вроде бы» и «как-то».

— Мы ничего, кроме карканья, не слышали! — сказал Том.

— Не перебивай его, Томми!

— Нет, ничего,— отозвался Сударушкин.— Я, кажется, кончил... Да. Они яйцекладущие, и похоже, это была самка.

— Что ж,— задумчиво сказал Эррера.— Ты еще больше склонил меня к мысли, что необходимо выходить на контакт.

На следующее утро Эррера, Алексей и Антуан втащили в вездеход громоздкий лингвистор, проверили пистолеты и, попрощавшись с остальными, отправились на поиски.

Синих лебедей они увидели неожиданно. Существа мирно сидели на кустах, как при первом знакомстве. Шум моторов их не пугал, они вяло повернули головы и уставились на людей мутновато-зелеными глазами.

— Поставим лингвистор на крышу, а сами сядем в вездеход и микрофоны возьмем,— Антуан немного трусил, и это будило его изобретательскую мысль.— «ПП» выбросим поближе к ним!

Так и сделали. Под защитой пистолета Эррера отнес поближе к гидрам «ПП», как они называли приемопередатчики, и, пятясь, вернулся к вездеходу. Когда забрался в кабину, все трое были в поту.

— Теперь ждать, когда они насытятся! — сказал Алексей.

— Сколько ждать? Ведь мы не знаем...

— Сколько надо, Антуан. Ручаюсь тебе, они скоро кончат!

Действительно, примерно через полчаса настороженного и томительного ожидания они увидели, как одно из чудовищ слезло с куста. С бывшего куста,— на нем остались только наиболее толстые ветви, без коры и еще влажные... Зашевелились и остальные гидры. Глаза их засветились ярким изумрудно-зеленым светом. Эррере даже показалось, что в них теплится мысль.

— Включи сирену, Алексей! — сказал командир, не отрывая взгляда от синих лебедей.— Надо их расшевелить!

Завыла сирена.

Когда унылый рев кончился, Антуан начал вращать верньер, ловя частоту.

— Поймал! — крикнул он.

Теперь лингвистор передавал карканье и потрескивание. Он анализировал чужую речь, если это вообще была речь в человеческом понимании. Алексей и Эррера внимательно прислушивались, боясь пропустить начало контакта.

А лингвистор все трещал, не фильтруя и выдавая звуки без перевода. Карканье и треск, временами переходивший в подобие чириканья или щебетанья, резкого и неприятного... Антуан еще минут десять настраивал аппарат. В районе дециметровых волн и слабых электромагнитных, поочередно на тех и других, лампа светилась красноватым светом, но при совмещении обеих безнадежно гасла.

— Эта проклятая штука испортилась! — Эррера не был занят настройкой, поэтому его терпение лопнуло раньше.

— Не может быть,— самоуверенно возразил Антуан.

— Почему?

— Ну, как же! — вступился за лингвистор и Алексей.— Ее проверяли специалисты на Земле по всем диапазонам. А я уже здесь переводил со старофранцузского на современный. Великолепно получалось!

— А другие диапазоны? Почему ты думаешь, что все каналы целы? Почему вы оба думаете, что любой прибор, попавший в другие условия, перенесший посадку, транспортировку и так далее, остается целым и невредимым? Почему?

— Ты зря ко мне привязался со своими «почему». Я не знаю, цел ли он, хотя думаю...

— А проверить вы можете?

— Нет.

— Тогда поехали домой! Контакт не состоялся!

Антуан и Алексей молча полезли из вездехода. Пуйярд был настолько обескуражен неудачей, что даже забыл об опасности. Они сняли лингвистор, подтащили «ПП» и закинули в кабину вездехода. Гидры сидели поптичи, глядя на них выпуклыми глазами. Они не кормились, но и не пытались напасть на людей.

На базу вернулись к ужину. Ели в молчании. Оставшиеся на базе десантники не тревожили командира расспросами. Дискуссию Эррера начал сам.

— Ну, видели? — спросил он товарищей. Тон был вызывающим.

— Видели,— спокойно кивнул Рэд.— Но мне показалось, что лебеди сидели, как зрители первого ряда в театре. Они смотрели и словно бы даже обменивались впечатлениями — неслышно для вас, да и для нас тоже!

— Они просто нажрались листьев и переваривали

пищу,— презрительно сказал Том.— Бросьте приписывать им какой-то интеллект.

— Ты один раз напугался, Том,— сказал Сударушкин,— а теперь стыдишься своего страха. Брось, ведь мы все боялись. Попробуй быть объективнее!

Том вскочил, как ужаленный. Через три минуты стоял всеобщий гвалт, через десять все успокоилось.

— Я не уверен, что эта штука цела.— Эррера показывал на лингвистор.— Но не уверен и в том, что она исправлена!

— Что ж,— подытожила Жаннет Пуйярд.— Придется трансформироваться!

И всех зазнобило от отвращения.

После завтрака Мзия исследовала психическое и нервное состояние членов команды, потом Алексей исследовал ее. Все были в норме, хотя и волновались, причем больше всего были возбуждены остающиеся на базе Том и Алексей.

Спокойно, без оживления и обычных шуток, десантники обступили биотрансформатор.

— Срок — три дня, резерв — еще два! — сказал Алексей.— Время сбора — солнце в зените!

Все посмотрели на взошедшее солнце.

— А теперь...— Сударушкин многозначительно умолк. Эррера выступил вперед, обернувшись, посмотрел на товарищей, как будто прощался с ними, и шагнул на площадку аппарата. Десантники застыли, только на сером лице Ютты дергалась невидимая жилка под глазом.

Эррера лежал на площадке ничком, как предписывала инструкция. Он лежал, не шевелясь, вытянув руки вперед. Прошло несколько минут, и обнаженное смуглое тело командира стало распухать, удлиняться, терять человеческие формы и цвет и вдруг, за пять-шесть секунд быстро, почти неуловимого для глаза превращения, трансформировалось в упругий корпус голубого лебеда, сверкающий вороненой синевой.

Гидра каркнула и перетаскала свое тело за край площадки, а затем неуклюже поползла к лесу. Там она распластала крылья по траве и затихла.

Один за другим подходили исследователи к платформе, один за другим превращались в ужас этой планеты. Они расслабленно подползали к краю платформы, плюхались на грунт, как набитые чем-то тяжелым мешки, и отползали ближе к лесу, под тень деревьев.

Наконец Сударушкин и Гаррисон остались одни.

— Старт! — крикнул Алексей и махнул рукой.

Синие лебеды сначала тяжело, потом легче и легче замахали кожаными крыльями и поднялись в воздух. Два круга над ракетой, и караван полетел на восток, ведомый неизвестным инстинктом, а может быть, и неизвестным разумом. С этого мгновенья известия о них можно было получить только по телевизорам: каждый десантник перед трансформацией надел на себя миниатюрную камеру. Но кто знал, долго ли прослужит аппаратура, когда оператор не имеет рук и не вполне владеет своими чувствами?

Том и Алексей долго глядели им вслед.

Подробности дальнейшей жизни разведчиков стали известны оставшимся со слов Эрреры.

«В первый момент после превращения состояние было, как всегда, паршивое. Я еле сполз с платформы, добрался до края луга. Сознание было еще человеческим, я понимал, что должен подождать остальных, но мной овладевало предчувствие опасности. Мое тело готовилось, помимо моего сознания, к бою, я знал — неизвестно как, но знал, — что камеры в носу, по обе стороны боевого шипа, полны яда. Очень хотелось есть. Это чувство голода, как я теперь понимаю, сильно отличается от человеческого — голодным было все тело. Была слабость, и я

сознавал, что эта слабость от голода. Я раскинул крылья, положил их на траву и почувствовал, что голод уменьшается, а слабость понемногу проходит. Только очень медленно. К этому времени мои товарищи-гидры собрались рядом со мной, они тоже были слабы, некоторые намного слабее меня. Я воспринимал их мысли: «Опасность неизвестно откуда... питаться, питаться...» Не «есть», а именно «питаться»... И самое приятное: «Я — человек»...

Довольно скоро мы во всем разобрались. Усваивали пищу крыльями и брюхом. Впитывать могли и прямо органику и неорганику почвы, но они усваиваются медленно и, условно, невкусны. Самое вкусное — трава, листья, плоды. Плоды можно есть ртом, и это приносит приятные вкусовые ощущения. Да и усваиваются они значительно быстрее.

Отлетев от ракеты на такое расстояние, что ощущение опасности почти полностью исчезло, мы сразу же сели — кто на плодовые кусты, кто на деревья — и начали их «усваивать». Кстати, быстрее всего усваиваются животные, однако их надо предварительно убить. Как это делается, вы знаете. Мы тоже знаем, но иначе. Изнутри. Убивать приятно, «усваивать» теплое животное вдвойне приятней. Вкусней, что ли. Мы знали вкус убийства, если так можно сказать...

Подкрепившись, мы лежали на земле, — кто свернул крылья, кто продолжал подпитываться из почвы. Но теперь, когда изнуряющий голод был заглушен, мы смогли разговаривать.

Да, разговаривать. Карканье, которое мы знали до нашей трансформации, это основная, несущая звуковая частота, даже часть ее. Она может передавать какую-то долю простейшей информации. Очень ограниченный круг сигналов. На эту частоту накладываются высокие и сверхвысокие частоты, неслышимые для человека. Кроме того, звуковые частоты чередуются с сочетаниями электростатических полей, перемежаясь с ними на манер гласных и согласных человеческого языка. Вроде, но не совсем.

С новым способом передачи мыслей освоились как бы автоматически, нужно было только привыкнуть к «голосам» друг друга.

«Голоса» окрашены гораздо индивидуальнее, чем человеческие, и я быстро определил, где чей; по-моему, и у остальных осложнений с этим тоже не появилось.

Что меня больше всего поразило, так это возможность передачи наших мыслей их способом. Сложные, абстрактные понятия передавались без труда. Значит, информационный аппарат изначально был подготовлен к обмену сложной информацией. Но если они могут передавать и воспринимать мысли, значит, они сами мыслят. Значит, они разумные?

Это было неожиданное открытие!

Интересно, что я почти с самого начала заметил, как мы велики для гидр. То есть масштаб был тот же, но мы были крупными экземплярами. Все понимали, что это хорошо. И мы очень нравились друг другу. Никакого чувства отвращения, как перед стартом, например».

— Я даже влюблена была в синего лебеда по имени Эррера! — вмешалась в рассказ Ютта, ехидно улыбаясь.

«Да. Мы поняли, что человеческий разум лучше всего проявляется тогда, когда мы сыты, — продолжал Эррера, покосившись в сторону Ютты.— Во время голода инстинкты почти заглушали человеческие мысли. Впрочем, инстинкты не покидали нас окончательно в любое время. Например, мы «знали», что нам нужно лететь к горам, искать укрытие на ночь: ночной холод и возможный дождь были неприятны. Человеческие ли побуждения двигали нами или инстинкты, не берусь утверждать с точностью».

Я скомандовал лететь, и стая поднялась в воздух. Видеть мы могли широко — что делается по бокам, что впереди. Было очень красиво вокруг, невольно у меня создалось впечатление, что все это кем-то распланировано, больно уж пейзаж был живописен. Я помню свой восторг и удивление товарищей и еще тогда подумал,

что гидры отличаются от животных восприятием эстетических категорий. Еще одно подтверждение их мыслительной способности. Это меня поразило вторично, но совсем мы ошалели от удивления, когда долетели до гор.

Горы были изъедены водой и ветром и истыканы пещерами. На каменных карнизах около пещер копошились синие лебеди. Их было не меньше полутора сотен, большие и маленькие, они медленно переползали из пещер на карнизы и обратно, занятые какими-то делами. Это напоминало бы птичий базар на северных островах или лежбище тюленей, если бы... если бы в пещерах не горели костры. Они знали огонь, мы знали огонь. Мы его не боялись и чувствовали уют костра, и завидовали теплу, которое огонь дарит кому-то.

Мы нашли себе две пещеры и позаимствовали у семейства гидр огонь. За огонь пришлось бороться, чувство коллективизма у них развито слабо. В лапах перенесли к себе горящие сучья и добыли еще дров. Пещеры довольно быстро прогрелись, и мы уснули. Так окончился наш первый день.

Наутро мы проснулись от пения местных кузнечиков, знаете, которые не стрекочут, а тоненько, мелодично зудят? И это тоже было приятно, несмотря на голод. Утром произошло забавное приключение. Одна из гидр, самка, клюнула Мзию, самую маленькую из нас. Две женщины не подали друг с другом, и у одной не выдержали нервы. Когда мы выскочили из пещеры, Крошка, всегда такой сдержанный и ленивый, шипом ноги распорол обидчице кожу от шеи до середины брюха».

— Ага,— сказал в этом месте Сударушкин.— Теперь понятно. А то на экране телевизора что-то моталось и крутилось, и мы никак не могли понять, что именно! А на остальных экранах — только пещера!

«Рэд озверел, если так можно сказать. Мзие было больно, но живы остались обе. Заживает на них моментально. Остальное стадо все видело и сделало необходимые выводы. Больше нас не трогали.

Дальше все пошло, как по маслу. Мы позавтракали листьями и плодами, потом слушали кузнечиков и валялись в траве на солнце. Летали в разведку по окрестностям, нашли группу озер...»

— Это было великолепно! Мы записали все, что вы видели...

«Следов цивилизации мы не нашли! — Эррера выразительно посмотрел на Сударушкина.— Так прошел наш второй день. Нам было хорошо там. Как в отпуске, где-нибудь в комфортабельно оборудованных джунглях, когда существует опасность нападения, но ты хорошо вооружен.

Больше всего это нравилось Антуану.

«Страна, текущая молоком и медом! — разглагольствовал он.— Страна обетованная. Ты правильно назвал ее, Эррера, это Медовый рай».

«Этой стране,— заявил он в другой раз,— не хватает только Его Величества — человеческого разума. Она должна быть одухотворена богочеловеческой мыслью».

«Не хочешь ли ты сам одухотворить этот рай своей боговой мыслью?» — заметил шутливо Крошка.

«Не «боговой», а божественной. И эти убогие сейчас существа,— Антуан мотнул головой на синих лебедей,— способны развивать свои мыслительные способности!»

«Так ты все-таки метишь в отцы цивилизации?» — так же полусерьезно спросил Рэд.

Мы перестали прислушиваться: нам надоела перепалка, тем более, все были уверены, что это шутка, что Антуан просто дразнит Крошку.

Следующий день прошел так же. Мы купались в теплом озере, питались зеленью и плодами, спали на солнце и вдыхали яркие ароматы деревьев и трав. Удивительная это была жизнь — сытая, с небольшим расходом сил. Сколько мы ни наблюдали, аборигены вели себя так же. Забот у них не было, разве что изредка драки. А мы... Мы были сильны, сильнее всех на этой планете. Даже гидры нас боялись. Верьте или не верьте, а мы даже начали нравиться некоторым из синих лебедей.

Честное слово! Самка же, которой Рэд распорол кожу, не отходила от него ни на шаг.

Утром четвертого дня, после плотного завтрака, я командовал отлет. И тут Антуан Пуйярд сказал, что он остается.

Это было неожиданно.

«Почему?» — спросил я.

«Мне нравится эта жизнь! — сказал он мне.— Это тот самый рай, о котором мечтало человечество тысячи лет. Что я потерял на вашей грязной Земле, этой пустыне, засиженной людьми? А здесь рай, ты сам назвал его «Медовым раем» — так оно и есть».

«Там твоя родина!» — узнал я голос Жаннет.

«Родина человека,— он поправился,— родина мыслящего существа там, где ему хорошо! Мне хорошо здесь!»

Он уже не считал себя человеком.

Мы уговаривали его все вместе. Мы убеждали, хотя и были растеряны. Особенно хорошо сказала Ютта.

«Теперь,— сказала она,— когда мы знаем, как выглядит рай, мы должны рассказать людям, какой может стать обетованная планета. Только наша будет лучше. Лучше хотя бы потому, что на Земле никому не придет в голову лишь жрать и валяться на солнце!»

«Эту планету будет одухотворять моя мысль! — заявил Антуан безапелляционно.— Я буду властвовать над этим миром. Будущие граждане, способные мыслить и чувствовать, сделают гигантские шаги в развитии культуры и искусства. Я верю, что еще при моей жизни их цивилизация обгонит земную».

«А ты после смерти станешь их богом! Позаботишься создать свой культ еще при жизни?!» — впервые Жаннет восстала против своего мужа.

«Да, стану богом».

«А как же Земля, Антуан? Как же Земля, наша прекрасная возрождающаяся планета? Кто будет лечить ее раны и сажать медовые сады на ней?» — это был голос Мзии.

«Вас восемь миллиардов. А я не желаю лечить раны, которые не наносил!»

«Значит, ты сбежал с Земли в Медовый рай?» — безжалостно спросила его жена.

«Хотя бы и так... Мы сбежали. Я думаю, что ты останешься со мной, Жаннет».

«Нет!»

«Как хочешь».

«Антуан, а не думаешь ли ты, что, возвратившись в человеческий облик, ты будешь стыдиться своих слов и мыслей?» — спросил Крошка.

«Нет. Не думаю».

«Тогда летим с нами, и мы обещаем тебе обратный переход. В ином случае... — Рэд угрожающе поднял свою длинную гибкую шею.— Нас здесь больше!»

Последний довод убедил его. Полет к ракете прошел молча. Остальное вы знаете сами».

Сударушкин и Гаррисон волновались. Солнце давно стояло в зените, а синих лебедей все не было. Машина тихонько гудела, готовая к приему гостей... Наконец из-за леса появились гидры, они летели низко и тяжело, растянувшись цепочкой. Видно было, что устали. Первая из них тяжело рухнула на платформу биотрансформатора. Несколько минут — и Алексей с Томом подняли вконец обессиленную Мзию. Пока они заворачивали ее в одеяло и вливали в рот подкрепляющий бальзам, на платформе трансформировалась следующая гидра. Ею оказалась Ютта. Она сама встала, подгибающимися ногами сделала первый шаг и уже тут попала в руки Сударушкина.

Одеяло, бальзам...

Жаннет — одеяло, бальзам. Эррере — одеяло, бальзам...

Алексей и Том бросались к платформе, подхватывали товарищей, укутывали их, пойли, оттащивали в сторону».

На очереди был Крошка. Антуан, подлетая, завис в воздухе метрах в двадцати. Видны были даже его фасеточные изумрудные глаза. Он глядел вниз, на людей. И еще — следил за Рэдом.

Вот огромный синий лебедь тяжело спланировал на платформу и лег, распластав крылья. Алексей и Том стояли наготове с одеялом и порцией бальзама. Селинджер после трансформации поднялся сам, сделал неверный шаг по металлическому щиту... И в это время Антуан, громко каркнув, скользнул в воздухе. Удар ядовитым клювом... Синяя гидра плотно обхватила Рэда крыльями...

Все оцепенели. Странная слабость замкнула им рты, сковала движения. И только истошный крик Мзии вернул им ощущение реальности... Они признавались потом друг другу, и в этом сходились все, что первой мыслью было: «Ошибка! Это настоящая гидра, а не Антуан!» Но через несколько минут на платформе было уже два человеческих тела — мертвое, сожженное тело Рэда, и живое — Антуана Пуйярда...

Внезапно Антуан соскочил с платформы. В два прыжка покрыв расстояние, отделявшее его от товарищей, он ударом головы сбил с ног Эрреру и повалился вместе с командиром.

Он все еще был синей гидрой...

Рэда Селинджера — Крошку — похоронили под развесистым оранжевым деревом, на краю площадки. Товарищи были подавлены случившимся. Они пытались утешить Мзию, что-то говорили, сами убитые горем.

— Не надо, ребята, — монотонно отвечала она на все их слова. — Не надо... Я же психолог. Сейчас я сосредоточусь, сяду и отключусь...

И продолжала ходить.

Ужинать в этот вечер никто не захотел. Жаннет отнесла в каюту, куда посадили Пуйярда, ужин всей группы. Жаннет сделала это, пытаясь скрыть свой страх перед мужем. Но Антуан или не заметил, или не пожелал заметить ее испуга. Он перестал каркать и кричать. Когда Эррера заглянул в дверь, он увидел, что заключенный ест сидя. Нормально, как голодный, но воспитанный человек.

Наутро команда помогла Мзии исследовать психику Антуана. Он был здоров, хотя несколько вял. «Естественная реакция», — сделала она профессиональное заключение. Вид у нее был страшный, она постарела. Резко обострились черты лица, даже волосы потеряли свой живой блеск. Ютта всю ночь успокаивала ее, как ребенка, но обе они так и не уснули.

Конец всеобщей растерянности положил Эррера.

— Пора начать суд! — зло сказал командир. — Занятие печальное, неприятное, но необходимое! Приведите Антуана Пуйярда. — В эту минуту он, незаметно для себя, заговорил, как Кэндзибуро Смит, значительно и официально.

Привели Антуана. Он сел, прислонившись к ноге ракеты, и начал молча разглядывать бывших товарищей, как будто впервые их видел. Взгляд был затравленный и злобный.

— Антуан Пуйярд, — Эррера встал, — почему ты убил своего товарища Рэда Селинджера?

— Я был голоден.

— Но ведь ты же человек! — не выдержала Ютта.

— Я был голоден. И я больше не хочу быть человеком. Человек — не единственная возможная форма разумной жизни. Я хочу остаться на этой планете, в Медовом раю! Я синий лебедь!

Казалось, что из тени ракеты светят два угла.

— Раскаиваешься ли ты в содеянном?

— Да. Но поймите, я был голоден, очень ослабел, а он... в нем было много пищи.

— Нечего церемониться с негодяем! — закричал Гаррисон. — Он делает вид, что не понимает! Убил товарища, потому что хотел пожрать! Он хуже зверя! Разрешите мне, Эррера, я поговорю с ним по-другому!

— Успокойся, Том... Антуан, твое объяснение несостоятельно. Кругом лес, кусты, трава. Еда была!

— Вы за что судите меня? — Пуйярд постепенно возбуждался. — За убийство? Так я был синим лебедем или, как вы их называете, «гидрой»!

— Нет, мы судим тебя за измену человеческому образу мысли! И за Рэда тоже! — голос Эрреры был тверд.

— Как у него с психикой, Мзия? — спросил Алексей. — Нормально. Он вменяем. И даже спокоен, — в его голосе была горечь.

— Нет! — раздался крик. — Он ненормален! Он шел с ума! Его надо лечить!

— Не кричи, Жаннет, — тихо сказал Антуан. — Мзия права, я нормален. Я просто не хочу на вашу Землю. Я хочу остаться в Медовом раю... И вы не смеете меня судить здесь по своим законам! Я житель Медового рая, а вы — люди Земли! Оставьте меня здесь. Это моя новая родина!

— Возьмите его с собой! — крикнула Жаннет. — На Земле его вылетат от безумия. — На нее жалко и страшно было смотреть. — Нельзя его бросать. Это все равно, что бросить калеку или раненого!

— Жаннет, не я, а вы калеки. Вы можете остаться на прекрасной планете властелинами Медового рая. Могушественными и сытыми. Никому ничем не обязанными. Дышать воздухом и быть вольными, как... как синие лебеди!

Наступила пауза.

— Мзия, — офицер нашел глазами женщину, — а что ты скажешь?

— Я боюсь оказаться пристрастной, — ровным невыразительным голосом сказала она.

— Тебе совсем нечего сказать?

— Мне больно за Жаннет.

— Послушайте, дети мои! — это говорил с телеэкрана Кэндзибуро Смит. Он внимательно наблюдал за процедурой суда, искренне сочувствуя и подсудимому, и обвинителям. — Не обижайтесь на обращение. В конце концов, вы стали мне детьми и все одинаково дороги! Телевизор второпях был поставлен прямо в траву, и когда капитан говорил, поворачиваясь то к одному, то к другому, казалось, что его тело пытается вырваться из земли. Страдальческое выражение лица только усугубляло это впечатление. — Дети мои, а действительно, правы ли мы, осуждая Антуана Пуйярда? Кто знает, как велико значение обратной связи от психики гидры к психике человека? Эффект был проверен только на нашей Земле, для космических масштабов — в лабораторных условиях... Я очень люблю Рэда... капитан помолчал. — Очень... Но, убив одного, надо ли убивать другого?

Наступило долгое и мучительное молчание.

Ответила Ютта.

— Нет, капитан, — сказала девушка, — мы не хотим и не будем его убивать. И мы судим не убийцу. Эррера уже сказал об этом. Мы судим предателя. Человека, отказавшегося от родины, от могил своих и наших предков, от всех привязанностей, даже от творческого труда — ради сытости, удобств и власти над горсткой полуживотных!

— Ради свободы! — рванул вперед Антуан. — А полуживотные станут у меня разумными. Я дам им цивилизацию! Я буду свободен и крылат, а вы останетесь рабами друг друга!

— Нет, Антуан, — твердо сказал Эррера. — Пусть я останусь, по твоему выражению, рабом восьми миллиардов подобных мне. Я буду чистить и украшать нашу Землю. Мне не нужно власти на планете, где нечего делать. Я человек, и мне нужны заботы!

— Верно! — сказал Сударушкин, и остальные склонили головы, соглашаясь.

— Капитан, я хочу ответить вам на ваш вопрос: «Не гидра ли принимала решение?» Нет. Сравните Землю и Медовый рай гидра не могла. Мог только человек. И судим мы человека. Или бывшего человека. — Эррера сделал паузу. — Я предлагаю вернуть ему внешность синего лебедя и стереть память обо всем человеческом!

— А я? Как же я, Эррера? — голос Жаннет дрожал. — Я люблю Антуана, понимаешь? Я всегда знала, что в нем хорошо, а что плохо. Хорошего больше, поверь мне! Мы вылечим его на Земле!

— Жаннет, — голос Антуана был злобен, — я не хочу на Землю!

— Не слушайте его! Я заклинаю всех и тебя, Эррера... Я прошу тебя...

Эрреру тронула ее мольба. Он понял, что эта мольба — последний ее козырь в спасении любимого человека.

— Жаннет, — он постарался быть мягче. — Мы готовы пойти тебе навстречу. Мы оставим тебя с ним в Медовом раю. И не сотрем тебе человеческую память. Хочешь?

— Нет, — печально и твердо сказала женщина. — Только не это! Медовый рай — он лишь для синих лебедей! Ни тени сомнения не было в ее лице и в ее голосе.

— Нет, — повторила она. — Лучше я останусь вдовой...

— Антуан, ты свободен! — сказал Сударушкин и двинулся к биотрансформатору.

Пуйярд встал. Он постоял немного, как будто что-то хотел сказать, но не сказал, круто развернулся и, ни на кого не глядя, направился к площадке. Потом молча лег на металлический лист.

— Антуан! — крикнул Том Гаррисон, доставая пистолет. — Не вздумай убить еще одного: не долетишь до гор! Пуйярд поднял голову и презрительно улыбнулся.

С восходом солнца ракета в огне и дыме стартовала из Медового рая. Она исчезла в сияющем небе, и ветер рассеял дым.

Эррера и Ютта стояли у иллюминатора и смотрели, как Медовый рай опять превращается в маленькую планетку, укутанную серебристыми облаками. Полтора года в космосе — и они будут дома. Они привезут на возрождающуюся Землю семена удивительных деревьев, дающих столь разнообразные и питательные плоды. Привезут быстрорастущие местные травы...

А над оранжевыми, синими, зелеными лесами, окружающими покрытую горячими шлаками площадку, в медовом воздухе еще долго раздавалось одинокое карканье...

Книга с автографом

Однажды случайно я стал обладателем книги Александра Савчука «Так начиналась жизнь», изданной «Советским писателем» в 1939 году.

На суперобложке книги рукою автора написано: «Многоуважаемому Михаилу Васильевичу Шведову с чувством глубокого уважения, от автора. Ал. Савчук. 13 октября 1939 г., г. Свердловск».

Повесть А. Савчука «Так начиналась жизнь», впервые вышедшая в Свердловске в 1936 году, была очень тепло встречена читателями. Первое произведение такого плана, роман В. Кина «По ту сторону», тоже, кстати, родился в Свердловске.

Вся страна тогда читала роман Н. Островского «Как закалялась сталь». Созвучие темы, захватывающий героизм — общее всем этим трем произведениям. Эти книги сыграли большую роль в воспитании поколения, которое на своих плечах вынесло все тяготы Великой Отечественной войны.

И биография Александра Федоровича Савчука похожа на биографии Н. А. Островского и В. Кина (Сурувикина).

А. Ф. Савчук родился 16 сентября 1905 года в семье варшавского паровозного машиниста. В 1917 году семья переехала в г. Нижнеудинск. Здесь в 1920 году Александр Федорович вступил в комсомол и сражался с японскими интервентами, был ранен под Волочаевкой.

С 1928 года по 1934-й А. Ф. Савчук жил и работал в Новороссийске. Здесь он издал первую книжку — «Родная земля».

В Свердловске А. Ф. Савчук — с 1934 года, был председателем писательской организации, депутатом Свердловского городского Совета депутатов трудящихся.

Когда началась Великая Отечественная война, Савчук ушел на фронт — был политруком роты народного ополчения, военкором газеты «Сын Родины». 13 апреля 1943 года Александр Федорович Савчук погиб на Сталинградском фронте.

А кто же такой Михаил Васильевич Шведов?

Сын сапожника, Михаил Шведов по комсомольской путевке учился на рабфаке, закончил потом институт, был заведующим отделом науки Уральского и Свердловского обкома ВКП(б), возглавлял кафедру марксизма-ленинизма в Уральском индустриальном институте, в войну 36-летний профессор М. В. Шведов стал комиссаром дивизии, сформированной на Урале и из уральцев...

А. Ф. Савчук и М. В. Шведов были друзьями.

**АРКАДИЙ
КОРОВИН.**

УРАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

Уважаемая редакция!

Меня и моих товарищей интересует такой вопрос. Мы узнали, что в свое время на территории Урала была образована одна большая Уральская область. Какой она была по размерам, когда была образована и когда реорганизована?

Юрий ГОРШЕНИН

*г. Красногорск
Челябинской области*

Есть у меня знакомый, который иногда так рассказывает свою биографию. Родился в Пермской губернии, читать научился в Екатеринбургской губернии, пошел в школу в Уральской области, а закончил ее в Челябинской, сын же родился в Курганской области.

Слушающие его удивляются — сколько же мест жительства пришлось сменить ему, а мы, его давние знакомые, при этом посмеиваемся, зная, что он всю жизнь прожил в одном и том же городе — Шадринске.

Территория географического Урала много раз подвергалась перестройке — и до революции и после. Разве что с конца XVIII века до 1917 года не очень менялась, да и то, пожалуй, больше из-за косности правительства, не желавшего замечать необходимости в этом.

Основной частью края была Пермская губерния, остальное — части Тобольской, Оренбургской, Уфимской и Вятской губерний. В разные годы по экономическим и иным причинам эти части тяготели не только к Уралу, но и к другим краям — к Сибири, к Поволжью, к средней России, к северным областям нынешнего Казахстана. Да и управлять губерниями становилось все труднее.

Что уж говорить о том, что когда в крае установилась Советская власть, жизнь потребовала нового административного устройства и деления. Третий Уральский областной съезд Советов в январе 1918 года решил образовать Уральскую область и ликвидировать губернии. Но завершить начатую перестройку помешала гражданская война.

Зато как только белогвардейцы и интервенты были изгнаны с территории края, перестройка была продолжена в соответствии с новыми задачами, вставшими перед страной. Образовались Екатеринбургская, Пермская, Челябинская, Тобольская (с центром в Тюмени) губернии, Башкирская республика.

Народное хозяйство все увереннее вставало на новые рельсы, и прежнее деление уже не могло удовлетворить новым потребностям в руководстве краем. В 1923 году правительством было принято постановление о районировании страны. И первым регионом, вступившим на путь райони-

рования, стал Урал. Была образована Уральская область с центром в Екатеринбурге, в 1924 году получившем свое новое имя — Свердловск. Область занимала огромную территорию — от Ледовитого океана на севере до отрогов Мугоджар на юге, состояла из 15 округов и еще нескольких районов Дальнего Севера, занимала площадь в 1720000 квадратных километров с населением почти в 7,5 миллиона человек. Губернии были упразднены.

Когда наступила пора первых пятилеток и по всей стране развернулось огромное строительство, обстановка подсказала необходимость дальнейшего совершенствования административного деления и устройства. В 1930 году были ликвидированы округа — чтобы усилить роль районов. Потом начали разукрупняться области. В 1934 году Уральская область разделилась на три — Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую. Спустя четыре года, в октябре 1938-го, из Свердловской выделена Пермская область, а в 1943 году из Челябинской — Курганская.

Город Шадринск, о котором говорилось вначале, до революции был уездным центром Пермской губернии, с сентября 1919 года числился уездным городом Екатеринбургской губернии, с ноября 1923-го по 1934 год состоял в ранге сначала окружного, а потом районного центра Уральской области, с 1934-го по 1943 год — районный город Челябинской области, а с 1943-го и поныне — Курганской области.

И ничего удивительного в этом нет — жизнь не стоит на месте, и было бы нелепо держаться за старые административные рамки и границы, когда обстоятельства требуют изменения их.

А. ПОХОДОВ

художественному критику В. В. Стасову от 16 июля 1899 года он так рассказывал об этом своем увлечении.

«Часы, свободные от служебных занятий, я посвящаю искусству, которое очень люблю. Пишу немного маслом, но лучше владею акварелью, в технику которой меня отчасти посвящал Альберт Н. Бенуа.

В 1897 году я объехал всю Европу, осмотрев при этом картинные галереи и все доступные собрания искусства. Это были счастливейшие дни в моей жизни, когда я созерцал дивные творенья Рафаэля в Дрездене, Венеру в Лувре, собор в Кельне...

Прошлым летом побывал я в Киеве, чтобы полюбоваться Васнецовской живописью и в особенности орнаментом, который я вообще очень люблю и в последнее время занимаюсь усердно. Пробую стилизовать некоторые красивые растения суровой уральской и отчасти сибирской природы, в орнаменте нашего старинного русского пошиба. Мне тем более доступна орнаментация растений...

Адрес ко дню пятидесятилетия служения Вашего матушке-России я изготовил экспромтом, но вот заставку, так и стихотворение — простите, как умел, поверьте искреннему желанию сказать привет из далекого края, с рубежа Европы и Азии».

Свою художественную коллекцию Павел Васильевич начал собирать, вероятнее всего, под влиянием своего учителя и наставника, ученого-лесовода и краеведа-археолога А. Ф. Теплоухова. В сюзевской коллекции были японские гравюры, рисунок К. Крыжицкого «Лодка у берега», акварели Альберта Бенуа и Николая Каразина, барельефы Федора Толстого.

Но самым значительным в собрании был, конечно, рисунок И. Е. Репина. При каких обстоятельствах он был подарен Сюзеву, остается пока неизвестным. До сих пор не удалось установить также, кто изображен на рисунке.

Художественных работ самого Павла Васильевича сохранилось мало — он охотно дарил их знакомым, друзьям. Несколько акварельных листов хранятся в народном музее села Ильинского — родины П. В. Сюзева — и в Пермской художественной галерее. Листы с зарисовками растений находятся на кафедре систематики растений в Пермском университете, а альбом с зарисовками грибов — в областном краеведческом музее. Все его работы выполнены профессионально.

На снимке: рисунок И. Е. Репина.

ПОДАРОК РЕПИНА

Евгения
ЕГОРОВА

В Пермской художественной галерее хранится рисунок с авторской надписью: «Павлу Васильевичу Сюзеву. И. Репин. 1899 г.»

Имя П. В. Сюзева (1867—1928), выдающегося ученого-ботаника и краеведа, хорошо знакомо не только его землякам в Прикамье, но и далеко за его пределами. О Сюзеве написаны десятки статей, ему посвящена биографическая книга С. Ф. Николаева «Испытатель природы», изданная в Перми в 1958 году. Но рисунок великого русского художника, подаренный Павлу Васильевичу, позволяет напомнить еще об одной, менее известной стороне его увлекающейся, разносторонне одаренной натуры — о его любви к искусству.

С детства Сюзев мечтал стать живописцем, готовился поступить в Академию художеств, но ранняя смерть отца заставила изменить планы, пришлось работать — помощником лесничего.

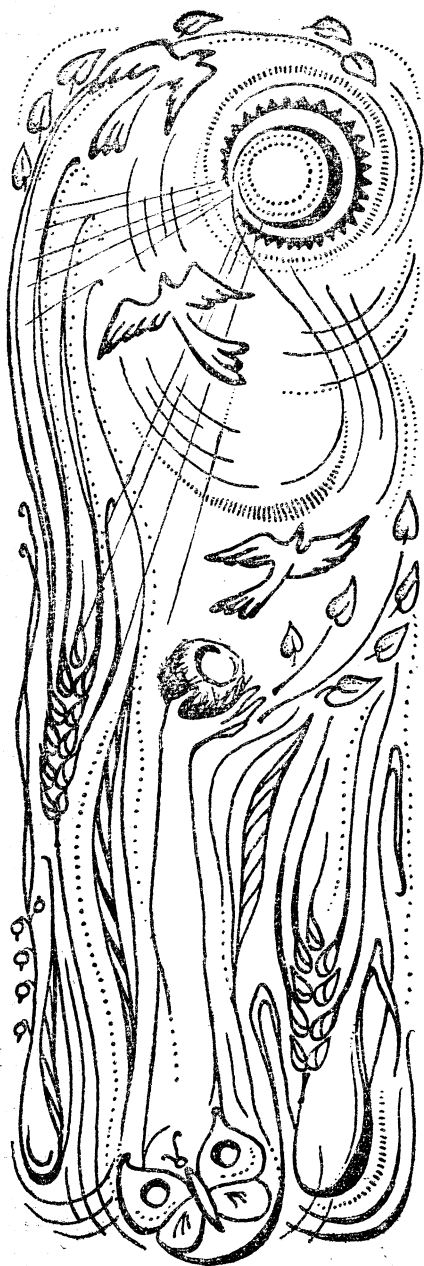
Однако Сюзев всегда много рисовал, посещал художественные выставки, коллекционировал произведения искусства, встречался и переписывался с видными художниками. В своем письме к известному

РУКА ЧЕЛОВЕКА

Прокопий
МОЧАЛОВ

Рисунки
М. Тарабукиной

Синичий переполох

На крутом берегу лесной реки Лузы лесорубы зимой сложили огромный штабель бревен.

Весной, после вскрытия ото льда реки, к штабелю леса подошли сплавщики, чтобы спустить бревна в реку и сплавить их модем. Но тут они заметили стоящее с краю штабеля бревно с большим дуплом, вокруг которого, заметив людей, тревожно летала пара синиц.

— Что, братцы, будем делать, погибнут ведь птички детеныши? — сказал бригадир.

— Как что, — отозвался один из сплавщиков, — высвободить надо бревно с гнездом и в сторону отнести.

— Опасно. Расшевелим штабель, покатаются бревна, придавить может, — ответил другой.

Тут включился в разговор самый молодой из сплавщиков?

— А кто за эту опасную работу платить будет?

Бригадир усмехнулся:

— Чего доброго, если я в реку упаду, ты прежде, чем мне руку подать, рубль запросишь?

Сплавщики засмеялись, а парень покраснел и отвел глаза.

Затем рабочие забрались на штабель, осторожно раскатали бревно и, высвободив его, так стоямя и перенесли в безопасное место. Больше всех при этом старался самый молодой из сплавщиков.

Поджигательница

Костер чуть тлел. Я заканчивал утреннюю рыбалку на реке Яйве.

Сматывая донки, оглянулся на костер и увидел, как, воровски оглядываясь, к нему спикировала сорока. Я затаился и стал наблюдать: вот она перевернула клювом бумажку, постояла около открытого рюкзака, заглядывая в него, потешно клоня голову то в одну, то в другую сторону, а затем, переваливаясь с боку на бок, приблизилась к костру. В это время порывом ветра с тлеющих веток сдуло серый налет пепла и концы их засветились яркими угольками. Сорока еще раз воровато оглянулась, схватила одну из таких веток за необгорелый конец и полетела. Второй конец ветки, раздуваемый встречным потоком воздуха, светился ярким угольком. Сначала я с любопытством наблюдал эту сценку, а потом подумал: «Ведь сорока понесла уголь в гнездо. По привычке тащить все блестящее, что под силу. А в гнезде у нее сейчас птенцы, сожжет глупая в такой ветер и дом и свое потомство».

Я схватил удилище и побежал за сорокой. Хорошо, что гнездо оказалось недалеко. Прочное, с крышей из сухих веток. Белобока уже примерялась затащить горячий трофей в гнездо. Я зашумел, замахал удилищем. Сорока взлетела, сделала какой-то необыкновенный кувырок и, выронив тлеющую ветку, улетела.

Затоптав уголек, я пошел к своим вещам.

Западня

Я шел по лесу, бывшему партизанскому краю. То и дело попадались разрушенные землянки, полузасыпанные траншеи.

Вдруг раздался треск. Я увидел продиравшуюся сквозь кусты лосиху. Посмотрел ей вслед и продолжал свой путь. Но вскоре опять послышался шум, и я снова увидел лосиху. И так повторилось несколько раз.

Вывела она меня на поляну. И тут вдруг я увидел у ее ног голову лосенка!

Ничего не понимая, стал осторожно к ним приближаться. Лосиха отошла в сторону и смотрела настороженно. Подойдя, я увидел: лосенок свалился в траншею.

Вытащил его. Сразу же подошла мать, обнюхала лосенка, шумно раздувая ноздри. И они не торопясь пошли в гущу леса.

Влип!

Был знойный день. Асфальт единственной в поселке улицы настолько размяк, что продавливался каблучками.

Я пошел в лес, но и там был духовойтый, парной воздух.

Внезапно сквозь кусты орешника замечаю на большой сосне какое-то движение. Подойдя ближе, увидел поползня.

На сосне были наплывы смолы, поползень попал одним крылом в смолу и прилип. Я вырезал вместе с корой кусок смолы и понес горемыку домой освобождать от липучки.

Отшлепанный заяц

Дед Софрон, прозванный сердягой за добрый нрав и необыкновенную любовь к разным зверушкам и птицам, жил на самом краю деревни. Однажды зимой ранним утром вышел он на крыльцо своего дома и, взглянув на заснеженное поле, увидел бегущего к нему зайца. За ним мчались две собаки. Русак добежал до изгороди, за которой был виден огород и лес. Сунул голову между кольев и застрял, как в ловушке.

Собаки уже приближались, показался и охотник. Дед Софрон быстро сбежал с крыльца, одной рукой взял косога за уши, а другой отогнул кол в сторону. Вытащив зайца, он, как напроказившему мальчишке, дал ему несколько шлепков и перекинул в огород.

Заяц побежал к лесу. Собаки, нетерпеливо повизгивая, кружились около прервавшегося следа. Дед Софрон, поглядывая на них, сочувственно спросил подошедшего охотника:

— Упустили зайчишку-то?

В КРАЮ ЧЕРНЫХ МОНАХОВ

Валентин
НЕСТЕРОВ

В пору великих кочевий перелетных птиц, майским ясным днем 1956 года, довелось мне увидеть и запомнить на всю жизнь удивительных птиц.

Мой учитель и старший друг Саша Назаренко, тогда студент третьего курса биофака Томского университета, в прошлом военный летчик, а сейчас известный дальневосточный ученый-орнитолог, вдруг закричал:

— Смотрите, монахи!

Мы, студенты-первокурсники, бродили тогда с ним по окрестностям Томска, постигая, так сказать, азы орнитологии.

— Какие монахи, где? — удивились мы.

Саша, не отрываясь от полевого бинокля, показал пальцем в небо. На очень большой высоте вдоль поймы Томи, на север, тянулись четким треугольником пять журавлей.

— Обратите внимание, — передавая нам бинокль, сказал Саша, — птицы черные, а голова, шея — белые. Вот за этот окрас черного журавля и зовут монахом... Редкая птица, нечасто можно увидеть ее теперь...

Это было в 1956 году. А совсем недавно в журнале «Охота и охотничье хозяйство» было напечатано сообщение о том, что вот уже более десяти лет ни одному ученому не довелось видеть черного журавля.

Черный журавль наряду с белым, даурским и японским журавлями занесен в «Красную книгу» — трагично знаменитый список исчезающих видов животных.

«5 июля 1977 года. Река Киренга в среднем течении, левый борт; приток — ручей Брикачан, устьевая часть», — так сухо и лаконично дела-

ет геолог привязку полевого материала.

В тот день я приехал моторкой на базу партии по делам. И вижу: над сопками, прикрытыми шапками соснового бора, над болотистым устьем Брикачана парит журавль. Он ходил в небе размашистыми кругами, почти не шевеля крыльями, низко над деревьями, чуть не касаясь макушек, и — молча, без курлыканья.

Интуитивно, но без доли сомнения я понял: это мог быть только черный журавль. Неужели я тот счастливец, которому удалось видеть то, чего не видели ученые десять лет? К сожалению, у меня не было бинокля, и я не смог разглядеть детали окраски.

Птица меж тем, паря таким же маневром, ушла лесистым бортом Киренги вниз...

6 июля со своим отрядом я поднялся по речке Кислой, левому притоку Киренги, в тайгу.

На следующий день вышли рабочими маршрутами. В паре со мной был Вася Снарский, потомственный сибиряк.

Июль. Ни единого дождя. Почти круглый день — день, ночь — два часа. Днем житья не дают мошка, пауты, ночью — комары. Роба, не просыхающая от пота, тлеет прямо на глазах. Ноги в резиновых сапогах (к сожалению, лучшей обуви для тайги еще не придумано) ломит — жарко и душно им.

Июль — самое тяжелое время в тайге.

И вот 7 июля после тяжелого маршрута мы с Васей Снарским возвращаемся на табор. Было, наверное, не менее 9 часов вечера. Шли левым истоком

речки Кислой. Чернолесье из кедрача и ельника. Места глухие, угрюмые. Под ногами мох.

Лес расступился: маленькое болотце, точнее, — блюдце мелкой воды, разлитой по торфяной каше. И вдруг прямо у меня из-под ног взлетел журавль! Черный журавль монах!

Стремительно, точно чирок, взмыл он вертикально без всякого разбега, обязательного для обычных серых журавлей. Болтнул длинными ногами, как цапля или выпь, и вмиг исчез. Но я хорошо рассмотрел его окраску: весь черный, с белой манишкой на груди, белой головой и шеей. Ярко-красный клюв и такие же ноги. Сейчас уже не могло быть никаких сомнений на счет того, с каким журавлем я имел встречу — с монахом!

Весь июль стоял зной. И враз резко похолодало: 23 июля с гольцов Байкальского хребта потянул пронизывающий северный ветер. На Киренге против течения поднялся вал. Волны бросают моторку, как поплавок. Я снова в Добрынской, на базе. И снова вижу здесь журавля, снующего кругами туда-сюда над лесом, только уже по правому борту Киренги.

Меня гложет дума: может, все три раза мне встречался один и тот же журавль-одиночка? Что ему стоит махнуть на 30—50 километров в сторону!

Прошел еще месяц. 23 августа вертолет перебрал наш отряд в другое место. Наша новая привязка: «Левый борт Киренги; бассейн Чоды — Нижней Монетной; правый приток река Средняя, среднее течение. Абсолютные отметки высот около 700 метров».

Жуткая гарь. Тайга здесь напрочь сгорела. В 10 часов утра вижу: на средней высоте вниз по реке Средней протянула пара журавлей монахов. Уже пара, а не одиночка! Летели быстро, свободно, часто взмахивая крыльями. Они играли, то падая вниз, то взмывая вверх, как это делают хищные ястребиные или ястребовые. И все же в их полете была журавлиная степенность. Но почему же они стремительно взлетают, закладывая виражи, пада-

ют? Причины этого кроются в своеобразных условиях обитания. Черные журавли живут на небольших блюдцеобразных болотцах, стиснутых сорокаметровыми деревьями, в истоках ручьев на водоразделах. К августу болотца почти сплошь пересыхают. Крупные птицы в поисках корма облетают парящим полетом, подобно крупным хищным ястребиным, огромные пространства тайги. Подобно хищным, они почти вертикально и стремительно падают с высоты в оконца в тайге, где живут.

Впоследствии мои догадки в какой-то мере подтвердил начальник нашей партии Ливерий Дмитриевич Комаров. Более 15 лет проработал он в этих краях. Когда я рассказывал ему о журавлях, он перебил меня:

— Это те, что на маленьких болотцах, в истоках ручьев на водоразделах живут? Знаю таких, приходилось видеть не раз.

И, наконец, последняя встреча с монахами. И снова в Добрынской над Брикачаном 2 сентября. Только что нас приземлил вертолет. Уже тайга в золотом наряде, уже по Киренге в деревьях копают картошку. Какое-то счастливое наваждение: стоит мне появиться на базе партии, и меня обязательно встречает парящий черный журавль!

Не знаю, когда улетают монахи на юг — не довелось проследить, — но гусей я провожал 27 сентября на речке Сухой. Их тоскливый гогот разрывал душу, тревожил сон.

2 октября, когда мы уже окончательно вышли из тайги на базу в Добрынскую, над Брикачаном больше не парил черный журавль. Пятна снега лежали на сопках, а гольцы закутались до подошвы. И только пронзительный крик кедровки взывал: «А куда ты?! А зачем ты?!» Голубовато-рыжие сойки, которых я никогда не встречал здесь летом, бойко и деловито поглядывали насчет наживы...

Черных журавлей уже не было. Приведется ли еще встретиться с вами, монахи?

Награды оленеводам

12 мая 1909 года от причала Тобольской пристани отошел и взял курс на север казенный пароход «Ангара». На его борту находились участники научной экспедиции по исследованию Полярного Урала. Ее возглавил магистр Петербургского университета Олег Оскарович Баклунд.

На обратном пути экспедиция оказалась в тяжелом положении. Олени выбились из сил и не могли дальше везти людей, оборудование и снаряжение. Узнав об этом, обдорские коми Т. Ф. Витязев и П. М. Конев собрали у местного населения 200 оленей и прибыли к Баклунду, затем доставили экспедицию в Обдорск, отказавшись даже от оплаты за помощь.

Академия наук высоко оценила услуги оленеводов. В письме из Академии от 25 ноября 1909 года тобольскому губернатору говорилось:

«...Признавая услуги Т. Витязева и П. Конева, правление императорской Академии наук имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство войти в комитет о службе чинов гражданского ведомства и о наградах с представлением об исходо- тайствовании высочайших наград: Т. Витязеву золотой медали с надписью «За усердие» для ношения на груди на Анненской ленте, а П. Коневу — серебряной медали на Станиславской...»

Автограф Колумба Российского

200 лет назад, в августе 1778 года, Григорий Иванович Шелехов начал строить на Охотском побережье парусные галиоты.

Через год на трех деревянных суденышках, выдержавших штормы огромной силы, Колумб Российский достиг берегов Аляски.

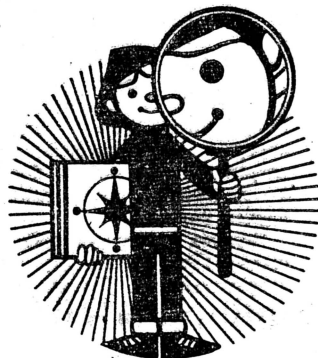
Г. И. Шелехов основал на Аляске первую русскую колонию, занимался там разведкой руд, поисками горного хрусталя. Группу детей местных жителей он отправил в Иркутск обучаться российской словесности.

Вернувшись через восемь лет на родину, Шелехов был награжден похвальной грамотой, медалью и именной шпагой. Тогда его с натуры нарисовал русский портретист А. Смирнов. На рисунке, который дошел до нас, Г. И. Шелехов поставил свою подпись.

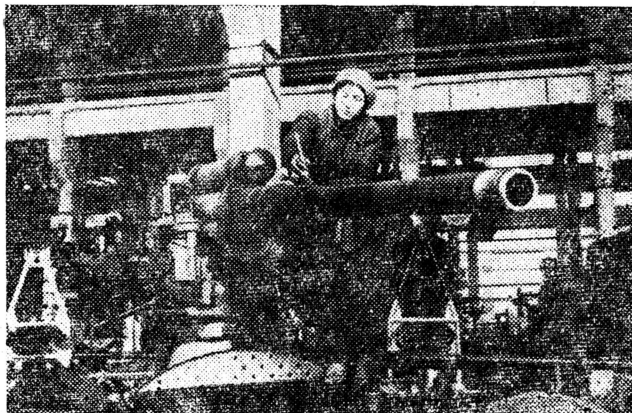

М И Р

НА ЛАДОНИ

Пожелтевшие, фронтовые...

В газете «Уральский рабочий» за 20 июня 1943 года рассказывалось о фотовыставке «Урал в дни Отечественной войны». Газета писала, что выставка М. Инсарова «имеет не только большие художественные достоинства, но является и исторической ценностью».

Сейчас Михаил Арнольдович Инсаров на пенсии. Награды надевает только по большим праздникам. Самые первые среди них — «Почетный знак Герою Революционного движения. 1917—1918 гг.» и орден Красного Знамени, которым он был награжден в 1919 году.

После гражданской войны М. Инсаров сменил штык на смычок — поступил в консерваторию. Но огрубевшие пальцы уже не слышали скрипку. Перешел в кино, стал кинооператором. Среди многих его фильмов есть и «Р.В.С.» по повести А. Гайдара.

Выставка «Урал в дни Отечественной войны» была

размножена, ее видели на многих оборонных предприятиях Урала. Основная же экспозиция поехала на фронт, вместе с автором. Газета «Труд» писала: «Выставка в лесу. Только несколько километров отделяли этот оригинальный вернисаж от линии фронта. К деревьям прибили планки, на них развесили 200 фотографий Михаила Инсарова».

А на Урал М. Инсаров привез фронтовые снимки. Многие из них сейчас экспонируются в музеях Боевой славы.

На снимках: 1943 год. Гвардии рядовой 14-летний Ваня Камышев, до армии он два года партизанил; на одном из оборонных заводов Урала.

Евгений БИРЮКОВ

Юбилей техникумов

В этом году исполняется 100 лет старейшим в Западной Сибири средним специальным учебным заведениям — тобольскому зооветеринарному техникуму и медицинскому училищу.

Повивальная и ветеринарно-фельдшерская школы (так они назывались в далекие годы) открылись в торжественной обстановке в один и тот же день — 15 августа 1878 года.

В уставе повивальной школы говорилось, что она учреждается для приготовления сельских повивальных бабок. В школу при-

нимались девушки не моложе 18 лет, умеющие писать и читать по-русски.

В уставе ветеринарно-фельдшерской школы указывалось, что поступающие должны уметь читать и писать по-русски, знать 4 правила арифметики и краткий катехизис.

Общее число учащихся обеих школ было невелико — 50 человек.

Сейчас это крупные учебные заведения города, где есть все условия для успешной учебы, прохождения практики и всестороннего развития учащихся. Каждый год техникумы выпускают до пятисот высококвалифицированных медицинских и ветеринарных фельдшеров, зоотехников, акушеров, медсестер.

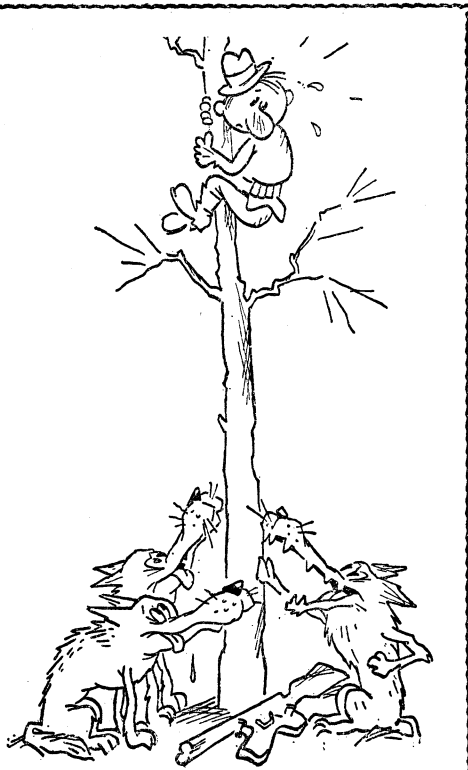
Исай КАПЛУН

Подлодка укладывает кабель

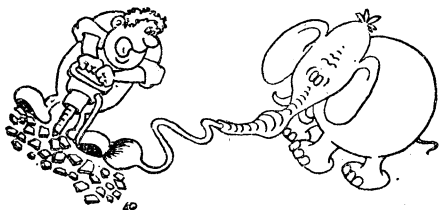
Первый телефонный кабель между Европой и Америкой прокладывали специальные пароходы. Сейчас эту работу делает миниатюрная подводная лодка, построенная в Англии.

Кабель зарывается на дне океана на глубину 50 сантиметров. Траншея прорывается струями воды. За день подлодка укладывает до двух километров кабеля.

— Слезай, не бойся:
мы — вегетарианцы.

— Заснул, что ли?

Рисунки
В. Милейко (г. Ленинград),
В. Юричкова (г. Свердловск),
К. Ибрагимова (Дагестанская АССР)

Пчелиный десант

На внешнем рейде Нового Орлеана стоял советский теплоход «Комсомолец Литвы». Вдруг, откуда не возьмись, на палубу корабля опустился огромный десант крупных лесных пчел. Они облюбовали звенья якорь-цепи, уплотнились на нем в тугой клубок.

Пчелы заночевали на судне. Утром они не дали выполнить швартовые работы на баке, не позволяли поднять якорь. Боцман, надев противогаз, пытался метлой смахнуть насекомых с якорной цепи. Не тут-то было: пчелы закружились вокруг боцмана с угрожающим гулом.

По-доброму выдворить пчелиный десант не удалось. И тогда кто-то из моряков, прятаясь под брезентом, внес «крацпредложение»: пустить в ход пожарный шланг. Брызгая на пчел через распылитель, боцман заставил их сняться с якорной цепи, и пчелы улетели на берег.

Кедры в Хибинах

Красивое хлебное дерево кедр сибирский растет в умеренной зоне. В тундре, тем более — за Полярным кругом его не встретишь. Однако люди заставили кедр расти на севере крайнем.

43 года назад в Хибинах была заложена плантация кедров. Они вззошли, привыкли к необычным суровым условиям и — потянулись вверх. Через 40 лет деревья пересадили, точ-

нее, — перенесли вместе с могучей корневой системой, с землей на новое место, в полярно-альпийский ботанический сад Кольского филиала Академии наук СССР. Прошло еще три года, и кедры эти начали плодоносить.

Правда, шишки и орешки у кольских кедров мельче, чем у сибирских, но по вкусу орехи не отличаются.

Хоть и мала рыбка...

В Красном море, в котором акулы кишмя кишат, обитает плоская рыбка, названная «моисеевой подошвой». Она совершенно не боится акул. Встречаясь с грозной хищницей, рыбка-невеличка выпускает яд, который мгновенно парализует челюсти акулы, так что пасть ее остается открытой...

Биологи провели эксперимент. Привязанных к перемету рыбок опускали в воду и наблюдали, как к ним устремлялись акулы. «Моисеевы подошвы» извергали яд, и ошеломленные хищницы с раскрытой пастью ретировались.

Вскоре действие яда прекращалось, и акулы возобновляли попытки проглотить добычу. И каждый раз яд срабатывал с потрясающим эффектом! Однажды «моисеевы подошвы» отражали нападение акул в течение восемнадцати часов.

Этот яд почти не действует на человека. Ученые надеются синтезировать ядовитое средство против акул, которым можно будет снабжать любителей поплавать в море.

Светящаяся в полдень

Башня эта уникальна. Среди сотен других средневековых аланских построек (аланы — исконное название осетин) выделяется она своеобразием своим, архитектурой.

Лезгорские и задалесские старики говорят, что в старину башню называли «Светящейся в полдень» или «Греческим замком».

К X веку Алания становится крупной феодальной державой, а приняв христианство, она сближается с Византией, Грузией, Русью. В эту золотую пору расцвета строятся великолепные храмы, высокого уровня достигают ремесла, создается знаменитый Нартский эпос, предпринимается попытка создания своего алфавита...

Очевидно, «Греческий замок» был сооружен в конце XVI — начале XVII веков для обороны Дигор-

ского ущелья. Размеры башни невелики: длина и высота — пять, ширина — около двух метров. Сверху — естественный каменный навескозырек, внизу — отвесная стена. Рядом с башней находятся две пещеры. В одной было святилище, в другой — кухня. Кто строил башню? Что означает петроглиф на стене? Почему в боковой стене бойницы овальные — аланы так не строили?

Впрочем, древняя аланская земля хранит немало других тайн. Не все «рассказали» о себе и башня в селении Цимити, и «город мертвых» Даргавс, и Дзивгисская пещерная крепость, и нартские памятники в ауле Лац, и гора Тбау-Хох, по вершине которой, на высоте более трех тысяч метров, тянется неведомо кем, когда и с какой целью построенная дорога...

На снимках: башня в селении Цимити; храм X века в аланском городище Нижний Архыз.

ПОДРОСТОК НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Игорь ПАШКЕВИЧ (г. Свердловск). Болельщики.

Знаменитый русский ученый П. Чебышев признавал силу таланта этого математика-самоучки. Более двадцати научных работ любителя были

высоко оценены Петербургской Академией наук. Его задачи по теории чисел знали не только ученые России, но и Франции, Италии, Америки.

**ОЧЕРК О МАТЕМАТИКЕ-САМОУЧКЕ ПРОШЛОГО ВЕКА ИВАНЕ ПЕРВУШИНЕ,
ПРОЖИВШЕМ ЖИЗНЬ В ГЛУХОМ ЗАУРАЛЬСКОМ СЕЛЕ ЗАМАРАЕВСКОМ,
ЧИТАЙТЕ В ШЕСТОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА**